

45 коп.

А. ЛЕОНТЬЕВ

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ПРАВОГО
УКЛОНА**

А. Леонтьев

24/10-24

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 2 9

А. ЛЕОНТЬЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ПРАВОГО
УКЛОНА

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ОРГАНА АППО ЦК ВКП(б)

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1 9 2 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Глава I. Пророчества и действительность	7
1. Темп индустриализации.—2. Качество промышленной работы. 3. Капитальное строительство и „узкие места“.—4. Тяжелая и легкая индустрия.—5. Обобществление сельского хозяйства.—6. Деградация или подъем сельского хозяйства.—7. За активное преодоление трудностей.	
Глава II. План, равновесие, кризисы	38
1. Роль и значение плана в советской экономике.—2. Диалектика или богдановская теория равновесия?—3. Проблема „советских кризисов“ в бухаринском освещении.	
Глава III. Закон трудовых затрат	59
1. Всеобщий и универсальный закон для всех времен и народов.— 2. Необходимость пропорционального распределения труда и ее осуществление в различных общественных формациях.—3. Закон трудовых затрат—псевдоним закона ценности.	
Глава IV. Теория мирного вранствия кулака в социализм	75
1. Забвение классовой борьбы в переходный период.—2. Вранствие „кулацких гнезд“ в социализм.—3. Оппортунистические извращения ленинского учения о смычке.—4. Ленинский кооперативный план в кривом зеркале г. Бухарина.	
Глава V. Социалистическое наступление или „возврат военного коммунизма“	96
1. Структурные сдвиги в советском хозяйстве.—2. Белогвардейская печать о „возврате военного коммунизма“.—3. Либеральное понимание нэпа правыми оппортунистами.—4. Эволюция рыночных форм при нэпе.	
Глава VI. Теория „организованного капитализма“	113
1. Реформисты об „организованном капитализме“.—2. Тов. Бухарин о современном мировом хозяйстве.—3. Внутренние и внешние противоречия капитализма.—4. Монополия и конкуренция. 5. Теория „чистого империализма“.—6. Общественное и техническое разделение труда.—7. К вопросу о госкапиталистических тенденциях.	

Цель настоящей книжки—дать подробную критику экономических взглядов современной правой оппозиции (группы т. Бухарина). Политика есть концентрированная экономика. Отсюда очевидно, что право-оппортунистическое истолкование основных экономических процессов, развертывающихся в СССР и в капиталистическом мире, составляет важнейшую основу всей политической платформы современной правой оппозиции.

Ноябрьский пленум Центрального комитета в своей резолюции по контрольным цифрам народного хозяйства на нынешний год подчеркнул, что—

«...итоги истекшего хозяйственного года полностью подтвердили правильность всей политики партии и окончательно доказали полное банкротство позиции правых уклонистов (группа т. Бухарина), являющейся не чем иным, как выражением давления мелкобуржуазной стихии, паникой перед обострившейся классовой борьбой, капитулянтством перед трудностями социалистического строительства».

В свете бурного роста социалистической стройки, успешного разрешения труднейших задач (хлебозаготовки), усиленной работы по выкорчевыванию корней капитализма в нашей стране, сплочения вокруг задач социалистического строительства самых широких масс пролетариата (социалистическое соревнование) и бедняцко-средняцких масс крестьянства (колхозное движение) платформа правых уклонистов потерпела полнейшее банкротство. Тем не менее представители правого уклона отказываются от полного, безоговорочного и открытого признания своих вопиющих политических ошибок, пытаясь обмануть партию всякого рода двурушническими заявлениями, подобно тому, как это делали в свое время троцкисты. В настоящее время подобные маневры однако никого не обманут. Партия будет еще решительнее и энергичнее разоблачать сущность правого уклона, гибельность его про-

граммы, несовместимость право-уклонистской установки с генеральной линией нашей партии.

«Только решительно преодолевая попытки правых оппортунистов, объективно являющихся рупором хозяйственных и политических интересов мелкобуржуазной стихии и кулацко-капиталистических групп, свернуть партию с генеральной линии нашего развития, рабочий класс и партия могли добиться нового значительного шага вперед в деле социалистического строительства»,—

говорится в резолюции ноябрьского пленума ЦК.

Если таким образом реальная действительность советского хозяйственного строительства лучше всяких слов опровергает все теории и опасения, пророчества и предложения правых, то не меньший крах терпит и право-оппортунистическая установка в вопросах мирового хозяйства и мировой политики. Какой жалкий вид приобретает бухаринская теория организованного капитализма в свете нынешнего кризиса в Америке! Невиданное в мировой экономической истории уничтожение огромных масс фиктивного капитала, неслыханное падение курсов акций в течение конца октября—начала ноября 1929 г., следующее за этим ограничение и снижение объемов производства в ряде существенных отраслей, тревога и смятение, охватившие в связи с американским кризисом воротил европейского капитала,—так издевательски ответила старушка-история на капитуляцию т. Бухарина перед реформистской теорией организованного капитализма. Современная капиталистическая действительность выглядит также совершенно иначе, чем ее представляют себе правые оппортунисты.

Мы не ставим своей задачей дать исчерпывающий анализ экономических воззрений правого уклона. Однако те вопросы, которые здесь освещаются, мы старались подвергать достаточно глубокому теоретическому рассмотрению. Наша партия никогда не терпела беззаботности по части теории. Напротив, партийная мысль всегда ищет в самых актуальных вопросах, в самых злободневных и острых политических разногласиях—глубоких «теоретических корнях ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им положений» (Ленин).

Пусть читатель поэтому не удивится, встречая в нашей работе освещение вопроса о богдановской теории равновесия, воспринятой т. Бухариным, о форме и содержании, о роли и значении социальной формы производства и т. п. «Подмена диа-

лектики марксизма эклектизмом (особенно распространенным у авторов разных «модных» и реакционных философских систем)» — вот в чем Ленин усматривал теоретические корни бухаринских ошибок еще в 1921 г. Отсюда совершенно ясно то огромное значение, которое приобретает в современной обстановке борьба за подлинную марксистско-ленинскую диалектику во всех областях знания.

Современные оппортунистические шатания т. Бухарина и его группы несомненно теснейшим образом связаны с прежними политическими ошибками этих товарищей. Проследить истоки нынешних ошибок, вскрыть их исторические корни в прошлых ошибках периода империалистической войны, эпохи «левого коммунизма», периода профсоюзной дискуссии 1921 г. — крайне важно и необходимо. В рамках настоящей работы мы однако этой задачи специально не ставили перед собой, ограничившись лишь несколькими беглыми указаниями на этот счет.

«Когда Бухарин говорит от души, беспартийные попутчики справа могут молчать», — заявил не так давно злейший враг социалистического строительства Устрялов. Этот сочный устряловский поцелуй показывает воочию, куда растет современный правый оппортунизм. Несомненно, что нынешняя правая оппозиция в целом ряде важнейших вопросов повторяет в настоящее время все то, что говорили буржуазные критики социалистического строительства в течение последних лет. Читатель, который захочет сопоставить взгляды нынешней правой оппозиции с платформой открытых врагов социалистического строительства, найдет соответствующий материал в нашей работе «Социалистическое строительство и его критики. К характеристике буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в вопросах хозяйственного строительства» (Гиз, 2-е издание, 1929 г.), а также в нашей книжке «В борьбе за индустриализацию» (Гиз, 2-е издание, 1929 г.). Повторно приводить этот материал в настоящей работе мы сочли нецелесообразным.

В настоящей книжке использован текст нескольких наших статей, помещенных в периодической печати.

А. Л.

Ноябрь 1929 г.

Г Л А В А П Е Р В А Я ПРОРОЧЕСТВА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

1. Темп индустриализации.—2. Качество промышленной работы.—3. Капитальное строительство и узкие места.—4. Тяжелая и легкая индустрия.—5. Обобществление сельского хозяйства.—6. Деградация или подъем сельского хозяйства.—7. За активное преодоление трудностей.

Осенью прошлого года перед составлением народнохозяйственного плана первого года пятилетки правые оппортунистические элементы в нашей партии попытались выступить с развернутой программой хозяйственной политики. В ряде документов и выступлений совершенно ясно наметились основные звенья правой установки. Не было недостатка в пророчествах на тему: «Что будет с Советским Союзом, если нас не послушают...» И наконец почти год назад, на самом пороге нового хозяйственного 1928/29 г., в «Правде» от 30 сентября 1928 г. выступил т. Бухарин со своими печально-знаменитыми «Заметками экономиста», где под флагом критики госплановских спецов и троцкистов, под личиной сугубо теоретических рассуждений повел замаскированную атаку против политики партии.

Круг идей, развитых в этом произведении и в непосредственно примыкающей к нему речи т. Бухарина о политическом завещании Ленина, сделался своего рода евангелием для правых элементов в партии. В несколько замаскированной форме достаточно прозрачных намеков и иносказаний т. Бухарин сформулировал в этих своих выступлениях целую систему взглядов по очередным принципиальным вопросам хозяйственного строительства. Он попытался дать определенную установку в области экономической политики, установку, существенно отличающуюся и отклоняющуюся от генеральной линии партии.

Конкретные политические выводы, вытекающие из нынешней установки т. Бухарина и изложенные им в несколько завуалированной, но все же достаточно прозрачной форме, идут по той же линии, что и всем известные требования правых элементов в

нашей партии. Против быстрого, будто бы непосильного и перенапряженного темпа индустриализации, якобы являющегося основной причиной наших хозяйственных затруднений; против форсированного, якобы «искусственного» насаждения коммунизма в деревне, против быстрого развития колхозов и совхозов, против решительного нажима на кулацко-капиталистическую верхушку деревни—таковы эти выводы.

Первый год пятилетки остался позади. Основные его итоги подведены. Перспективы нынешнего хозяйственного года облекаются в плоть и кровь. Контрольные цифры 1929/30 г., принятые партией и правительством, представляют собою детально разработанный народнохозяйственный план, вполне реальную программу действий на нынешний хозяйственный год.

Сейчас самое подходящее время, чтобы поставить вопрос о том, как ответила действительность на правые пророчества и предостережения, как ответила практика социалистического строительства на предсказания и ожидания, на опасения и надежды правых.

1.

Атаки правых идут прежде всего по вопросу о темпе индустриализации. Осуществляемый нашей партией решительный курс на индустриализацию требует быстрого и напряженного темпа. Правые идеологи объявляли принятый темп индустриализации нереальным, фантастическим, перенапряженным и непосильным для всего народного хозяйства в целом¹. Справедливость требует указать, что в этом решающем вопросе (как, впрочем, и во многих других) правые лишь повторяли те же lamentации, с какими ряд буржуазных и мелкобуржуазных критиков нашего социалистического строительства выступал до них¹.

Как ответила действительность на эти рассуждения о нереальности, неосуществимости и непосильности намеченных темпов индустриализации? Скупой язык цифр дает убийственный для правых ответ.

План истекшего года в области промышленности оказался не только выполненным, но и превзойденным.

По данным Госплана наибольшее превышение против плана дала крупная обобщественная промышленность. По планируемому

¹ См. об этом нашу работу — «Социалистическое строительство и его критика», изд. 2-е, М. 1929 г.

кругу она выросла на 24% вместо намеченных 21,4%. В общем по всей ценовой промышленности продукция возросла по подсчетам ЦСУ на 21% вместо 18,4%, а с учетом мелкой кустарно-ремесленной промышленности, давшей всего 4,3% прироста вместо ожидавшихся 6,7%, весь прирост промышленной продукции страны составляет 16,8% вместо намеченных по плану 15,6%. Однако необходимо отметить, что по частному сектору мы имеем при этом даже прямое сокращение продукции (на 8,9%). И стало быть все перевыполнение плана падает на обобществленный сектор вообще (+22,9%) и на планируемую крупную промышленность в особенности (+24%). В важнейшей и решающей области мы оказались сильнее, чем предполагали,—совершенно справедливо заключают отсюда «Контрольные цифры» Госплана.

Итак валовая продукция крупной обобществленной индустрии, этого основного хозяйственного костяка быстро индустриализирующейся страны, дала в 1928/29 г. прирост на 24% вместо 21,4%, запроектированных «преувеличенными» и «нереальными», по мнению правых, контрольными цифрами. Не менее красноречиво положение с уже выяснившимися перспективами нового хозяйственного года. Если «сверхиндустриалистская» и «непосильная», по мнению правых, пятилетка намечала для 1929/30 г. прирост промышленной продукции на 21,5%, то народнохозяйственный план на этот год намечает 32,2% прироста. Нынешний год должен дать таким образом полуторное превышение «нереального» темпа пятилетки.

Еще недавно считалось как бы само собою разумеющимся, что переход от восстановления к реконструкции народного хозяйства неминуемо повлечет за собой значительное снижение темпа хозяйственного роста. Первоначальные наброски перспективных планов исходили из ежегодного прироста промышленной продукции в 10—12%. Буржуазные экономисты, критиковавшие тогдашние варианты пятилетки, считали даже такие темпы несбыточными и фантастическими. Они оказались плохими пророками в своем отечестве! Лишь сейчас начинают обнаруживаться вполне реально те огромные силы и возможности, которые таятся в советской экономике, вступившей на широкий путь реконструкции. 30-процентный прирост продукции, запроектированный на 1929/30 г., 24-процентный прирост продукции в 1928/29 г.—красноречивее всех слов свидетельствуют об этих возможностях.

Резолюция ноябрьского пленума ЦК по вопросу о контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 г., констатируя полное

политическое банкротство правых уклонистов во главе с т. Бухариным, замечает по этому поводу:

«Правые утверждали о непосильности взятых темпов индустриализации страны. На самом деле мы не только выполнили, но и в значительной степени перевыполнили плановые задания».

2.

Правые оппортунисты пытаются столкнуть лбом вопросы количества и качества промышленной работы. Количественное расширение, говорили они, достигается у нас за счет снижения качественных показателей работы.

Как же обстоит тут дело?

Цифры достаточно красноречивы и на этот счет. Нынешний хозяйственный год заканчивается с повышением производительности труда на 16% вместо намечавшихся по плану 17% и со снижением себестоимости на 4,5% вместо предполагавшихся 7%. Если план в этой части и не выполнен на все 100%, то лишь слепой может не видеть, что достигнуты все же серьезные успехи, достигнут решительный перелом в этом деле, несмотря на ряд исключительно неблагоприятных условий.

Совершенно справедливо т. Сталин подчеркивает огромное принципиальное значение этого достижения.

«Одним из самых важных фактов,—пишет т. Сталин,—если не самым важным фактом нашего строительства, за последний год является тот факт, что нам удалось добиться решительного перелома в области производительности труда. Перелом этот выразился в развертывании творческой инициативы и могучего трудового подъема миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического строительства. В этом наше первое и основное достижение за истекший год».

И с полным основанием т. Сталин напоминает, какое огромное значение придавал Ленин этой проблеме.

«Производительность труда,—говорил Ленин,—это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда»¹.

¹ Ленин, т. XVI, стр. 254.

В другом месте Ленин указывал:

«Мы должны проникнуться тем трудовым энтузиазмом, той волей к труду, упорством, от которого теперь зависит быстрейшее спасение рабочих и крестьян, спасение народного хозяйства»¹.

Достижения истекшего года в области повышения производительности труда имеют таким образом колоссальное политическое значение. Высшая производительность труда—вот в конечном счете принципальное преимущество социализма, обеспечивающее победу над капитализмом. Опыт истекшего года показал, что в труднейшем процессе социалистического строительства в отсталой стране мы начинаем довольно быстрым темпом догонять передовые страны капитализма в области производительности труда.

Некоторое невыполнение намеченных программой размеров снижения себестоимости является бесспорно отрицательным фактом. Это означает потерю в накоплении промышленности не менее 200 млн. Эта неудача отнюдь не является результатом нереальности задания. Об этом свидетельствует опыт второго полугодия, давшего снижение, превосходящее задание в 7%. Причина этой неудачи лежит в том, что за первую половину года себестоимость была снижена всего на 2,3%. Целое полугодие прошло под знаком «самотека»—без достаточных организационных усилий, без необходимого общественного подъема и одушевления на этом участке планового фронта.

Тем более знаменательны те успехи, какие были достигнуты к концу года, когда пролетариат активно принял участие в деле рационализации производства и снижения себестоимости. Энергия и активность рабочих масс, производственный энтузиазм строителей социализма, которого не видят правые маловеры, дали возможность реализовать эти решающие качественные успехи.

Достижения нынешнего года дают полное основание ставить еще более повышенные задания перед наступающим годом. На 1929/30 г. намечается повышение производительности труда на 23—25% и снижение себестоимости на 11%, в то время как пятилетка намечала (соответственно) 13,7 и 7,5%.

Задание в области производительности труда очень велико. Здесь мы имеем серьезное повышение требований по сравнению с прошлогодним достижением, составившим 16%. Необходимо

¹ Ленин, т. XX, ч. 2, стр. 433.

однако иметь в виду, что и сумма капитальных вложений возрастает по сравнению с прошлым годом почти в два раза. Контрольные цифры Госплана совершенно справедливо отмечают, что капитальное перевооружение труда—основной ресурс для повышения его производительности. По линии электрификации повышаются вложения с 369 млн. руб. в прошлом году до 608 млн., т. е. на 65%, причем выработка электроэнергии повысится на 34,5%. Основные фонды промышленности (в неизменных ценах), даже без электростанций, возрастают за год на 33,5%, а рабочая сила—только на 6,6%. Таким образом капиталовооруженность каждого рабочего возрастает по меньшей мере на те же 25%, которые запроецированы в области повышения производительности труда.

В связи с таким крупным скачком (от 16 до 25%) в нормах производительности, соответственно повышаются задания и в области снижения себестоимости. Она должна быть снижена за 1929/30 г. на 11%. Это трудное, но все же осуществимое задание. Основные пути его осуществления, по наметке Госплана, следующие.

Рационализация производства характеризуется с достаточной полнотой тремя показателями: снижением нормы потребной рабочей силы на 20%, нормы топлива—на 12% и прочих материалов—на 5%. Повышение коэффициента использования топлива в достаточной степени обеспечено огромной программой электрификации и затратами на обновление прочих силовых установок. Снижение амортизации и прочих заводских и трестовских накладных расходов на единицу продукции тоже составляет весьма заметную величину (2,6%). Оно является естественным результатом резкого повышения продукции по отношению к этим мало зависящим от размеров производства видам расходов.

Так обстоит дело с основными качественными показателями промышленной работы. Правые оппортунисты изо всех сил стараются изобразить дело так, будто высокие количественные темпы неизбежно вступают в коренное противоречие с задачами качественного улучшения работы промышленности. Диалектика жизни дает нам как раз обратное соотношение, обратную взаимозависимость. Из приведенных нами беглых данных с совершенной бесспорностью вытекает, что именно быстрый количественный рост промышленности, в частности рост капитальных вложений, открывает широкие возможности дальнейшего качественного прогресса. С другой стороны, улучшение качества работы в свою очередь

обуславливает возможность значительного роста капитальных вложений. Вместо безжизненного метафизического противопоставления количества и качества реальная действительность дает нам диалектическое разрешение этой проблемы на практике.

3.

Особенно излюбленным объектом для своих нападок правые избирают область капитального строительства. Все помнят чрезвычайно «тонкий» намек т. Бухарина насчет того, что, даже по Бем-Баверку, нельзя строить эд ний и : « ирпичей будущего». Наши планы капитального строительства, по авторитетному разъяснению т. Бухарина, часто базируются на каком-то своеобразном «денежном фетишизме»: люди полагают, что если деньги будут—все будет. Приводя одно из исчислений баланса строительных материалов, т. Бухарин довольно недвусмысленно предлагал приспособить план капитального строительства промышленности к узким местам этого баланса. Партия, как известно, решительно отвергла предложение равняться по узким местам. Партия твердо стала на путь преодоления и активнейшей раздвижки тех отдельных узких мест, которые грозили стать прокрустовым ложем в деле индустриализации.

План капитального строительства 1928/29 г., исчисленный в 1 659 млн. руб., выполнен в течение года на 102%. На 1929/30 г. намечается громадное капитальное строительство на сумму 3 547 млн. руб. вместо 2 290 млн., зафиксированных пятилетним планом. Капитальное строительство возрастает более чем вдвое против истекшего года и почти наполовину по сравнению со «сверхиндустриалистской» пятилеткой! Какой убийственный ответ дает эта цифра на пророчество т. Бухарина о том, что «перенапряжение капитальных затрат... (в плане 1927/23 г.) в конечном счете снизит темп развития», на его категорическое требование—«сохранить (а не раздуть) этот темп». Действительность, как видим, не хочет «сохранить» темп: она его «раздувает» за год более чем в два раза!

По свидетельству контрольных цифр Госплана, объем строительства, спроектированный на 1929/30 г. по всему народному хозяйству страны, значительно превышает размер строительства, намеченный в пятилетке.

Общий размер вложения в народное хозяйство, без частного сектора сельского хозяйства, по пятилетке на 1929/30 г. составлял

7756 млн. руб. По предлагаемым контрольным цифрам сумма эта повышается до 10 137 млн. руб. (в ценах каждого года). Такое увеличение капитальных вложений против сумм, намеченных в пятилетнем плане, оказалось возможным вследствие ряда причин. Главнейшими из этих причин контрольные цифры Госплана считают следующие обстоятельства:

1) ускорение темпа роста социалистического сектора народного хозяйства;

2) более полное и рациональное использование существующего промышленного фонда, в результате чего возросли финансовые ресурсы всего народного хозяйства в целом;

3) ускорение темпа производства строительных работ, в результате чего окончание крупнейших строителств происходит ранее установленных пятилеткой сроков;

4) дополнительное напряжение по линии качественных показателей работы (снижение себестоимости, повышение производительности труда и т. д.);

5) дополнительное изъятие средств из частного сектора.

Однако может быть в области капитальных затрат у нас создается такое положение, когда лишь деньги расходуются по плану, в то время как в материально-техническом отношении план не выполняется, предприятия не строятся из-за отсутствия материалов? На возможность такого положения т. Бухарин тоже обращал внимание. Критерием и в данном случае является практика. То простое обстоятельство, что нынешний год дал прирост продукции почти на четверть, что будущий год даст прирост (по вполне реальным планам) на целую треть, показывает лучше всяких слов, что у нас вступают в строй новые фабрики, заводы, что наш производственно-технический аппарат растет и быстро из года в год расширяет свою мощь. А успехи в повышении производительности труда и снижении себестоимости изделий, достигнутые в нынешнем году и реально намечаемые на будущий год, достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что производственный аппарат страны в результате столь поносимого правыми капитального строительства растет не только количественно, но и улучшается качественно.

Здесь мы подошли к вопросу, имеющему бесспорно большое значение,—к вопросу, который в корне неправильно ставился и разрешался в бухаринских «Заметках экономиста». Мы имеем в виду вопрос о материальном балансе капитального строительства. Чтобы строить—нужны строительные материалы. Это со-

вершенно бесспорно. Но дело в том, что промышленность, производящая строительные материалы, по целому ряду причин приспособляется к нуждам строительства не без труда, не без трений, не без задержки. Здесь действуют причины различного свойства. С одной стороны, темп роста капитального строительства так высок, абсолютные размеры капитальных вложений настолько перегоняют соответствующие масштабы довоенной России, что задача приспособления промышленности строительных материалов к этим быстро растущим потребностям сама по себе требует серьезного внимания и немалого напряжения сил. С другой стороны, ряд отраслей промышленности строительных материалов принадлежит к числу отраслей с преобладанием мелкого, иной раз и кустарного, типа предприятий.

Отсутствие централизации этого дела при недостаточности местной инициативы и предприимчивости создавали весьма болезненные явления в течение последнего периода бурного развертывания капитального строительства. Наконец довольно значительная часть материалов при современной строительной технике доставляется тяжелой индустрией, т. е. отраслями промышленности, которые наиболее отстали в царской России и развитие которых сопряжено с необходимостью огромных капитальных вложений.

Эти болезненные явления привлекли к себе внимание т. Бухарина, который в своих «Заметках экономиста» уделяет этому вопросу написанные в наиболее резком и решительном тоне страницы. Однако, несмотря на решительность тона, этот вопрос был поставлен т. Бухариным в корне неправильно. Он писал:

«Необходимо далее поставить вопрос о материальных элементах капитального строительства. Для того чтобы индустриализация страны проводилась в жизнь, а не оставалась на бумаге, для того чтобы капитальное строительство было реальностью, а не бюрократической «игрой в цифирки» (Ленин), необходимо обеспечение не только соответствующего количества денег, выражающего собою спрос на строительные материалы и т. д., но и соответствующее предложение этих последних, их физическое, натуральное бытие, их простая наличность, притом не их будущая «наличность», а их наличность в настоящем, ибо из «будущих кирпичей» нельзя строить «настоящие» фабрики даже по Бем-Баверку. У нас однако часто становятся на какую-то странную точку зрения «денежного фетишизма», полагая, что

деньги будут—все будет. Между тем, если у нас нет налицо тех или иных материалов в нужном (с учетом экономии) количестве и если для их производства требуется период, выходящий за рамки того времени, когда они должны быть производительно потреблены, то не выручат никакие деньги. Можно бить себя в грудь, клясться и божиться индустриализацией, проклинать всех врагов и супостатов, но от этого дело ни капельки не улучшится. Можно надеяться на правило—«авось проскочим!», можно играть в «чет и нечет», «загадывать» и т. д., но, ўвы, «объективные соотношения выполнят все равно на свет божий».

За сим т. Бухарин приводил таблицу, в которой исчислялся баланс строительных материалов на 1928/29 г. По данным этой таблицы дефицит по целому ряду материалов колебался от 8—10% до 25—30%. Тов. Бухарин сам был вынужден заметить, что автор статьи, откуда были заимствованы эти цифры, «не объясняет, при каком именно приросте физического объема строительства будут иметь место эти дефициты». Обстоятельство, как видит читатель, отнюдь не пустяковое. Тем не менее т. Бухарин считал возможным, даже на основании столь приблизительных и, главное, неопределенных данных, высказать следующее заключение:

«Но если это исчисление дефицитов правильно, то перед нами вырисовывается довольно сложная задача: как же строить на деле, если нехватает 20% строительного материала? И нельзя ли здесь иметь более точный подсчет и программы, рассчитанные на реальные банки и железо, а не на эфирные и воображаемые?»

Эти чрезвычайно «тонкие» намеки на эфирные и воображаемые банки, на «будущие кирпичи» и т. п. имели, разумеется, вполне определенный смысл. Это было лишь плохо прикрытым требованием равенства по узким местам. Партия решительно отвергла этот лозунг, выставленный в несколько прикрытой форме т. Бухариным и сразу же подхваченный т. Фрумкиным, который придал бухаринским мыслям более откровенную форму. Вместо равенства на узкие места, вместо пассивного приспособления к узким рамкам баланса строительных материалов—партия поставила своей задачей активное преодоление этих узких мест.

Этот путь активного преодоления узких рамок, которые ставятся отсталостью промышленности стройматериалов, связан, как

всякому понятно, с немалыми трудностями. Этот путь связан с необходимостью напряжения и мобилизации всех сил.

Баланс строительных материалов на 1928/29 г. был составлен со значительным напряжением. Несмотря на то, что ассигнования на промышленность строительных материалов были значительно повышены по сравнению с первоначальными наметками, все же по важнейшим строительным материалам (цемент, пиломатериалы, кирпич, железо) дефицит был очень значителен. По госплановским данным на рынке строительных материалов в строительном сезоне 1928/29 г. особенно резко сказался недостаток цемента и железа. Это создало значительное напряжение, и на отдельных строительствах происходили даже перерывы в работе из-за недостатка материалов.

Острый дефицит важнейших строительных материалов заставил строительные организации искать выхода в применении заменяющих материалов; в этом отношении в текущем году имеются известные достижения. Некоторые строительства вместо кантаны частично применяли в железобетонных сооружениях проволоку от использованной упаковочной тары. Недостаток цемента заставил искать иные строительные конструкции, в частности—шлаковые кирпичи. При помощи этих мер, путем серьезного напряжения, план капитального строительства 1928/29 г. оказался в основном выполненным не только в «денежном», но и в «материально-техническом» отношении.

Каковы перспективы в отношении нынешнего 1929/30 г. материального баланса строительства? Контрольные цифры Госплана рисуют следующую картину в этом отношении.

Баланс строительных материалов на 1929/30 г. представляется более благоприятным, чем в предыдущем году. Предполагается почти полное удовлетворение строительства по кирпичу, известке, алебастру и круглому лесу. Исчезает таким образом даже формальный повод для остроумных насчетов «кирпичей будущего» и Бем-Баверка! По пиленому лесу и оконному стеклу дефицит уменьшается против прошлого года вдвое (с 20 до 10%). Наиболее напряженным остается дефицит по цементу и металлу, т. е. как раз по основным материалам современных железобетонных сооружений. Разрешение этого вопроса пойдет по линии замены железобетонных сооружений сооружениями из менее дефицитных материалов.

Значительный дефицит имеется также в отношении кровельного железа, однако этот дефицит получается главным образом

в результате того, что наши строительные организации крайне неохотно применяют другие кровельные материалы, в частности— черепицу. Так в 1928/29 г. на складах осталось 3—4 млн. штук черепицы. В предстоящем году производство кровельных материалов, как-то: черепица, асбошифер, толь и др., значительно расширяется. В связи с этим Госплан считает необходимым провести ряд специальных мероприятий для их применения в строительстве.

В «Заметках экономиста» т. Бухарин писал:

- «Промышленность, развиваясь бешено, в рекордных темпах, предъявляет и бешеный спрос на промтовары же, но не может его удовлетворить... При внимательном анализе оказывается, что промышленность «отстает от самое себя». Что это значит: «промышленность отстает от самое себя»? Как понимать эту формулу? А это значит, что промышленность в своем развитии натывается на границы этого развития. А «натываться» на границы означает следующее: 1) очевидно взяты недостаточно правильные соотношения между отраслями самой промышленности (например явное отставание металлургии), 2) очевидно взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства и ростом капитального строительства (как промышленности, так и всего обобщественного сектора)».

Здесь вся мудрость «Заметок экономиста»— требование равнения на узкие места—сформулирована в наиболее общей форме. Взяты, дескать, недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства и ростом капитального строительства. Иными словами, ежели «текущее производство» строительных материалов недостаточно для выполнения существующих планов капитального строительства, то выход, по мнению т. Бухарина, заключается в сокращении этих планов.

Действительный выход заключается, наоборот, в расширении этого текущего производства важнейших стройматериалов,—отвечала партия. В настоящее время каждому ясно—кто оказался в этом споре прав.

Мы уже видели, что одним из центральных пунктов атаки т. Бухарина являлся баланс черных металлов. Намеки на желание строить из «эфирных и воображаемых балок и железа» принадлежали к наиболее «убийственным» в «Заметках экономиста». И неудивительно. Участок черной металлургии принадлежит к числу ответственных участков нашего хозяйственного фрон-

та. В период широкой реконструкции металл принадлежит к числу самых узких мест народнохозяйственного целого. Вполне справедливо поэтому т. Сталин, отмечая сравнительную легкость разрешения проблемы легкой индустрии, говорит:

«Труднее и важнее проблема тяжелой индустрии. Труднее, так как она требует колоссальных вложений, причем, как показывает история отсталых в промышленности стран, тяжелая индустрия не обходится без колоссальных долгосрочных займов. Важнее, так как без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации. А так как мы не имели и не имеем ни долгосрочных займов, ни сколько-нибудь длительных кредитов, то острота проблемы становится для нас более чем очевидной. Из этого именно и исходят капиталисты всех стран, когда они отказывают нам в займах и кредитах, полагая, что мы не справимся своими собственными силами с проблемой накопления, сорвемся на вопросе о реконструкции тяжелой промышленности и вынуждены будем пойти к ним на поклон, в кабалу».

Эта чрезвычайная важность проблемы тяжелой индустрии вообще и черной металлургии в частности заставляет нас остановиться несколько подробнее на поучительной истории провала предсказаний т. Бухарина по этому центральному вопросу. Первый вариант контрольных цифр 1928/29 г. проектировал производство черных металлов в следующих размерах: чугуна—3758 тыс. *t*, сталь—4545 тыс. *t*, прокат—3472 тыс. *t*. В соответствии с указанными размерами валового производства товарный выпуск металла определялся (в тыс. тонн) по чугуну—574,0, по отдельным видам проката: рельсы—310,0; балки и швелера—135,8; листовое железо—180,6; сортовое железо—885,0; кровельное железо—290,0; катанка—107,0. По изделиям дальнейшего передела: трубы железные—164,9; трубы чугунные—83,8.

Именно эти наброски и легли в основу предсказаний т. Бухарина. На основании этих именно данных первоначального варианта контрольных цифр он сделал ответственнейшие выводы о том, что «промышленность в своем развитии натывается на границы этого развития» и что это свидетельствует якобы о «недостаточно правильных соотношениях между ростом текущего производства и ростом капитального строительства».

Отвергнув эти выводы, партия пошла по другому пути. Угрожающий дефицит черного металла послужил поводом к тому,

чтобы во весь рост поставить вопрос о дальнейшем расширении производства металла, чтобы мобилизовать все производственные ресурсы для расширения программы. Так возник второй вариант валового производства в следующих цифрах: чугуна—4 074 тыс. *т*; сталь—4 559 тыс. *т*; прокат—3 589 тыс. *т*. Однако и этот вариант был признан недостаточным. После специального обследования некоторых металлургических предприятий правительство окончательно утвердило баланс с обязательством довести валовое производство: чугуна—до 4 200 тыс. *т*; стали—до 4 771 тыс. *т*; проката—до 3 684 тыс. *т*.

Вопреки всем паникерам и скептикам партия решила напрячь значительные усилия на этом угрожающем участке фронта и добиться решающих успехов. В настоящее время совершенно ясно, что в этом пункте, как и во всех других, политика активного раздвижения отдельных узких мест дала блестящие результаты, обеспечившие возможность выполнения грандиозной программы капитальных работ.

Фактическое выполнение производственных программ на 1928/29 г., по предварительным данным, составляет: по чугуну—4 158 тыс. *т*; по стали—4 815 тыс. *т*; по прокату—3 709 тыс. *т*.

Товарный отпуск металла за 1928/29 г. выразился поэтому в более высоких размерах, чем это предусматривалось первым вариантом контрольных цифр.

(В тысячах тонн.)

	Сентябрьский вариант контрольных цифр	Фактический отпуск за 1928/29 г. (по предварит. данным)	% фактического выполнения
Чугун	574,0	899,1	156,6
Сортовое железо	885,0	977,9	111,0
Балки и швелера	135,8	165,8	122,0
Катанка	107,0	145,6	136,0
Листовое железо	180,0	277,4	154,1
Кровельное железо	290,0	320,5	110,4
Трубы чугунные	83,8	100,8	120,2

Таковы скупые цифровые данные, означающие самый суровый приговор предсказаниям и карканиям правых оппортунистов.

Партия прошла мимо советов т. Бухарина, и «эфирные» и «воображаемые» балки сделались реальными балками, прекрасно послужившими делу социалистического строительства; воображаемыми же оказались опасности, которые пророчили этому делу оппортунисты.

Проблема черной металлургии и в настоящее время продолжает стоять во весь рост. В условиях капитального строительства, развертывающегося невиданным нигде в мире темпом, потребность в черном металле из года в год возрастает с небывалой быстротой. Именно начало пятилетия является наиболее трудным в этом отношении. Пока не войдут в строй гиганты черной металлургии, которые радикально разрешат проблему, страна должна с большим напряжением сводить баланс металла. Активно преодолевая отдельные узкие места, имеющиеся в самом производстве металла, используя многочисленные, до сих пор еще немобилизованные возможности, добиваясь дополнительного расширения производства металла и в то же время всемерно сокращая преувеличенные нормы его потребления, всячески изгоняя излишества в этой области, наше хозяйственное строительство справится с этой трудностью в нынешнем году, как справилось в прошлом.

«Правые, не веря в творческие силы рабочего класса, требовали равнения на «узкие места», пассивного приспособления к трудностям. На самом деле рабочий класс под руководством партии, активно преодолевая эти трудности, обеспечил дальнейший, сверх плана, рост производительных сил в направлении к социализму»¹.

Мы видим таким образом, что в области капитального строительства имеется еще немало трудностей и недостатков, над устранением которых партия и рабочий класс будут работать не покладая рук, чтобы осуществить не на словах, а на деле лозунг—«догнать и перегнать передовые страны капитализма». Казенному благодущию, прикрашиванию действительности—тут не должно быть места. Но абсолютно ясно, что непременным условием для действительного достижения наиболее передовых американских методов строительства является решительнейшая борьба против ликвидаторской установки правых, против их пошехонского лозунга—«черепашьим шагом к социализму...»

¹ Резолюция ноябрьского пленума ЦК.

4.

Выступая против решительного курса на индустриализацию, правые требовали пересмотра принятых соотношений в развитии тяжелой и легкой индустрии. Попридержаться тяжелую индустрию, побольше дать легкой промышленности, выбрасывающей на широкий рынок средства непосредственного потребления,— вот каким путем, по их мнению, должно быть обеспечено сохранение хозяйственного равновесия в стране. Нечего и говорить, что подобный отказ от форсированного строительства, основного костяка хозяйственного организма страны, означал бы на деле лишь временное бегство от трудностей, покупаемое ценой неизбежного их обострения на ближайшем же этапе. Партия как в прошлом, так и в этом году при разработке народнохозяйственного плана исходит из совершенно иной установки. Решительно отвергая предложения правого оппортунизма, партия направляет значительнейшее большинство средств именно в область тяжелой индустрии, на строительство наиболее отсталых в прошлом отраслей горной, металлургической и машиностроительной промышленности, без которых немыслима технико-экономическая переделка страны. Эти отрасли не только получают львиную долю средств,—они дают также наиболее быстрый прирост продукции. В наступающем 1929/30 г. капитальные вложения по наметке ВСНХ распределяются следующим образом: на тяжелую индустрию—2 538,1 млн. руб., на легкую—531,4 млн. руб. Рост продукции намечается в тяжелой индустрии на 42,1%, а в легкой—на 22,5%.

5.

Политика партии в области сельского хозяйства подвергается самым ожесточенным нападкам со стороны правых. По их уверениям, осуществляемый партией курс индустриализации страны, взятые высокие темпы индустриализации—приводят лишь к загниванию и хирению сельского хозяйства, к деградации и кризису последнего. А классовую политику в деревне—форсированное наступление на кулака и усиленное развитие обществленных форм сельского хозяйства—правые оппортунисты расценивают как момент, приводящий к чрезвычайному обострению кризиса сельского хозяйства. Отсюда предлагаемые ими рецепты: попридержаться темп индустриализации, не вести форсированным темпом расширения колхозов и совхозов, не нажи-

мать чересчур на кулака, памятуя, что «кулацкий хлеб ничуть не хуже колхозного». Совершенно ясно, что эта программа объективно отвечает лишь интересам зажиточной верхушки деревни.

В области сельского хозяйства истекший год дал прежде всего чрезвычайно серьезный рост обобществленного хозяйства во всех его видах и формах. В этом отношении факты дают уничтожающий ответ всем тем, кто заявляет об «искусственном насаждении» коммунизма в деревне.

Колхозное движение, разлившись широкой волной, сломало все плановые предположения, превзойдя их вдвое и втрое. Посевная площадь колхозов возросла в 1929 г. более чем на 330% вместо предположенных по плану 112%. Уже первые итоги развернутого наступления по пути коллективизации говорят о крупных достижениях. В 1928/29 г. по СССР было организовано 61 220 колхозов. Коллективами охвачено 1 072 тыс. крестьянских хозяйств и 4 747 тыс. га земли. Особенно широко развилось строительство крупных колхозов. В настоящее время они охватывают уже земельную площадь в 1 500 тыс. га. Сплошная коллективизация проведена в 25 районах, обобществивших уже до 80% всей земли и более половины всех крестьянских средств производства. Начато выделение специальных зерновых, животноводческих и садово-огородных районов.

В 1928/29 г. число крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, превысило 1 млн. с общим числом колхозного населения до 5 млн. человек. Посевная площадь под колхозами дошла до 5 млн. га. Положено начало строительству крупных обобществленных хозяйств: в 1928/29 г. организованы первые 220 крупных колхозов, не менее чем в 2 тыс. га каждый, на общей площади свыше 1 135 тыс. га. Наряду с этим идет общее укрупнение существующих колхозов. Средняя посевная площадь на 1 колхоз поднялась с 57 га в 1927/23 г. до 92 га в 1928/29г.

Растет товарность колхозов: уже на 10 октября с. г. сдано колхозами государству свыше 900 тыс. т зерна, а к началу ноября должен быть выполнен план сдачи 1,65 млн. т.

Контрольные цифры на 1929/30 г. предусматривают доведение числа объединенных в колхозы крестьянских хозяйств уже до 10% всех крестьянских дворов Советского Союза с общей посевной площадью в 15 млн. га. Темпы, предусмотренные пятилеткой для первых двух лет, будут превзойдены. Выполнение расширенной программы с.-х. механизации, в особенности строительство тракторных заводов, и развертывание мощной сети машинотрак-

торных станций обеспечат колхозному движению реальную возможность охвата к концу пятилетки до 50% крестьянских хозяйств.

В истекшем 1928/29 г. были сделаны первые серьезные шаги по пути строительства крупных советских зерновых фабрик—зерновых совхозов. Результаты, полученные в этой области, также наголову разбивают пророчества и опасения правых оппортунистов.

Вместо намеченных к развертыванию по плану 1928/29 г. 44 зерносовхозов с общей площадью в 1.653 тыс. га, фактически к концу года работало 55 хозяйств с площадью до 2.500 тыс. га. Результаты работы наиболее крупных хозяйств Зернотреста—«Гиганта» и опытно-учебного—характеризуются блестящим выполнением плановых заданий: посев и уборка озимых превысили плановые предположения на 15,4%. В совхозах Зернотреста работал 1.931 колесный трактор, 608 гусеничных тракторов и десятки тысяч других сложных с.-х. машин. На полях Зернотреста работало 45 гигантских уборочных машин—комбайнов. По этим же совхозам при урожае 9,2 ц с 1 га по плану должны были получить валовой продукции 618 тыс. ц, фактически же средний урожай выразился в 10,2 ц с 1 га, а валовой сбор достиг 660 тыс. ц. Себестоимость зерна в этих хозяйствах по предварительным расчетам, не должна превысить 6 руб. за центнер; учитывая высокое качество получаемого сортового зерна, эту себестоимость следует признать низкой.

Первоначальное плановое задание по зяблевой пахоте в 656 тыс. га увеличено Зернотрестом до 812 тыс. га, из которых на 10 октября уже выполнено 550 тыс. га. Из намечавшихся к засеву озими 153 тыс. га на тот же срок засеяно 130 тыс. га. Такой темп проведения с.-х. работ дает полную уверенность в успешном и своевременном выполнении значительно увеличенной программы 1930 г., предусматривающей посевную площадь в 982 тыс. га и общее освоение до 2½ млн. га. Кроме того зерновыми совхозами будет обработано 100 тыс. га крестьянских земель.

Таким образом уже в будущем году валовая продукция зерновых совхозов будет равна 8 млн. т с лишком зерна, из них товарного—до 85%.

Значительная часть этих обобщественных крупных предприятий по своим размерам серьезно превосходит аналогичные предприятия за границей. Опыт работы этих предприятий (совхоз «Гигант» и др.) показал, что мы в общем и целом в состоянии справиться с огромными техническими и организационными задачами, которые встают в этом деле. Совхоз «Гигант» доказал все

преимущества крупной зерновой фабрики и дал образец хорошей организации труда и хозяйства. «Гигант» дал более 400 тыс. ц хлеба. Себестоимость 1 ц отборного зерна в этом совхозе не превышает 5 руб. За год своей работы «Гигант» дал государству 3 млн. руб. прибыли.

В СССР имеется еще значительное количество совхозов, объединяемых другими трестами. Общая посевная площадь в старых совхозах в истекшем хозяйственном году достигла 1½ млн. га. Старые совхозы сдали государству около 17 млн. ц хлеба и выработали на 270 млн. руб. разных с.-х. продуктов. Широкое распространение получает контрактация, создающая основу для плановой организованной связи между сельским хозяйством и общественной промышленностью. В 1928/29 г. было законтрактовано: по зерновым культурам—27,5% всей посевной площади, по льну—47,9%, по сахарной свекле—76,1%. Размеры контрактации также значительно превысили плановые предположения.

В контрольных цифрах на 1929/30 г. проектируется дальнейший стремительный рост обобществления сельского хозяйства. Посевная площадь обобщественного сектора должна за год возрасти вдвое. Совхозы и колхозы должны быть укрупнены. Машино-тракторные станции, число которых в нынешнем году доходит до 100, сильно увеличат размах своей работы. Контрактация должна дать дальнейший быстрый рост, достигая по зерну 51,2% всей посевной площади.

Таким образом форсированное строительство обобщественных форм сельского хозяйства, которое представляется правым в виде несбыточного, утопического лозунга, превращается на наших глазах из предположения в доподлинную действительность.

«Правые заявляли о нереальности взятых темпов коллективизации и строительства совхозов, об отсутствии необходимых материально-технических предпосылок и нежелании бедняцко-средняцкого крестьянства переходить к коллективным формам земледелия. На самом деле мы имеем столь бурный рост коллективизации, столь стремительную тягу бедняцко-средняцких хозяйств к социалистическим формам хозяйства, что колхозное движение уже начало на практике перерастать в сплошную коллективизацию целых районов. Это знаменует собою новый этап, новую полосу в переходном от капитализма к социализму периоде»¹.

¹ Резолюция ноябрьского пленума ЦК.

Но может быть этот рост обобществления сельского хозяйства, идущий нога в ногу с быстрой индустриализацией страны, покупается ценой захирения и деградации с.-х. производства? Современная действительность дает вполне определенный ответ и на этот вопрос. Вопреки пророческим вещаниям правых нынешний год дал бесспорные доказательства роста сельского хозяйства, взятого в целом. Особенно интересно и важно, что это повышение получилось, несмотря на серьезное сокращение посевов со стороны ущемленной капиталистической верхушки деревни. Это сокращение оказалось однако с избытком возмещенным расширением клина бедняцко-средняцкого крестьянства, с одной стороны, и совхозно-колхозного—с другой.

Погрупповое распределение посевов в индивидуальных крестьянских хозяйствах показывает в 1929 г. наибольший рост в хозяйствах без рабочего скота и с 1 головой рабочего скота. Посевные площади в хозяйствах с 2 головами рабочего скота остаются почти стабильными, колеблясь в ту или иную сторону. Хозяйства с 3—4 головами рабочего скота почти повсеместно снизили свои посевные площади.

	УССР	Сев. Кавказ	Н. Поволжье	ЦЧО	Крым
	(в % к 1928 г.)				
Без рабочего скота . . .	110,3	108,5	122,4	102,1	113,4
С 1 гол.	101,9	103,2	107,4	—	104,9
» 2 »	95,3	98,7	102,9	102,7	93,5
» 3 »	88,7	91,3	89,8	89,3	87,0
» 4 »	82,3	—	—	—	7,4

Сокращение посевных площадей в высших группах компенсировалось расширением в низших, и в результате имело место некоторое увеличение посевных площадей в индивидуальном секторе. В общем, по последним данным ЦСУ, посевная продуктивная площадь возросла против 1923 г. на 4,4%, в том числе в колхозах—на 250% и совхозах—на 39,7%.

Далее налицо ряд фактов, не оставляющих ни малейшего сомнения в том, что в сельском хозяйстве происходят определенные технические сдвиги, что оно постепенно ликвидирует тяжелые гири технической отсталости, мешающие движению деревни вперед. Снабжение деревни средствами производства повысилось с 1 р. 18 к. по машиноснабжению на 1 га посева в 1923/26 г. до 1 р. 96 к. в 1928/29 г. Мощность тракторов, имеющихся

в сельском хозяйстве; в настоящее время достигает 400 тыс. лош. сил. Все большее распространение получают чистосортные семена.

В нынешнем году промышленность должна дать сельскохозяйственных машин примерно на 370 млн. руб. Общая мощность тракторов, занятых в сельском хозяйстве, должна быть за год удвоена. Число сортровок доводится до 40—45 тыс.; это количество дает возможность отсортировать в весеннюю посевную кампанию 100% зерна. В результате ряда мероприятий посевная площадь сельского хозяйства должна возрасти по плану в 1929/30 г. на 7%, повысив урожайность тоже на 7%, причем валовая продукция сельского хозяйства должна возрасти на 17—18%.

По данным контрольных цифр Госплана, общая стоимость мероприятий в области сельского хозяйства, в той или иной мере планируемых и финансируемых государством, определяется в сумме 2 613 млн. руб., в коих капитальных вложений—2 202 млн. руб. и некапитальных (эксплуатационно-капитальных затрат)—около 411 млн. руб.

Эта стоимость мероприятий превышает стоимость мероприятий, осуществленных в предыдущем году, на 212%, т. е. более чем в два раза. При этом удельный вес финансирования по бюджету и кредиту снижается, и, наоборот, удельный вес собственных средств, затрачиваемых государственными и кооперативными организациями и крестьянскими хозяйствами, увеличивается.

Общая установка на социальную и техническую реконструкцию сельского хозяйства, которой пронизан весь план, нашла свое выпуклое отражение и в плане финансирования.

Достигнутые сдвиги в области сельского хозяйства уже сказались в области хлебозаготовок. Известно, что хлебозаготовительная проблема в течение всех последних лет являлась одной из труднейших задач хозяйственного строительства. Затруднения на хлебном фронте вселяли больше всего сомнений и паники в сердца малозерных. Правые оппортунисты грозно предрекали неуклонный рост хлебозаготовительных трудностей из года в год. Теперь легко установить истинную цену этим предсказаниям.

Валовой сбор зерна, по данным ЦСУ на 1 августа, превышал прошлогодний на 4,9%. Таким образом страна вступила в новую кампанию с большими ресурсами всех зерновых, чем в прошлую.

Вместе с тем география урожая текущего года складывается более благоприятно, чем в прошлом. Увеличился удельный вес южных, наиболее товарных, районов с 26% до 34,2% при стабильности центральной производящей полосы (20,7%—в 1923 г.,

19,8%—в 1929 г.). Потребляющая полоса дает значительно более благоприятную картину, чем в прошлом году.

Хлебозаготовительный план 1929 г. превышает фактически прошлогодние заготовки на 50%. План выработан с расчетом на создание значительных хлебных резервов. По плану хлебозаготовки должны быть закончены к 1 января 1930 г. по всему Союзу, в основных же районах они должны закончиться к 1 декабря. В настоящее время имеются сведения о состоянии хлебозаготовок на 1 ноября 1929 г.

Можно сказать с уверенностью, что в результате принятых партией и правительством мер годовой план хлебозаготовок будет выполнен полностью. На 1 ноября заготовка зерновых хлебов составила 75% годового плана, а продовольственных культур—69%. По отношению к тому же периоду прошлых лет заготовка текущей кампании составляет против 1925/26 г.—335%, против 1926/27 г.—262,4%, против 1927/28 г.—284,5%, против 1928/29 г.—276%.

Заготовки за 4 месяца текущей кампании на 10,7% больше заготовок всего прошлого года и лишь на 1,5% меньше 1926/27 г., когда заготовки достигали самой высокой цифры. В результате успешно осуществляемого хлебозаготовительного плана в нынешнем году создается хлебный резерв в 1640 тыс. *т*.

Отличительная черта хлебозаготовительного плана 1929 г. состоит в том, что в нем крупное место заняло поступление хлеба от социалистического сектора сельского хозяйства. Общее поступление хлебов от совхозов и колхозов исчислено в годовом плане в размере 2131 тыс. *т* вместо 900 тыс. *т*, полученных от них в прошлом году. Еще более крупное место в годовом плане хлебозаготовок занимает поступление хлеба по контракции в индивидуальных крестьянских хозяйствах. По этой статье должно поступить 3115 тыс. *т* хлеба вместо 820 тыс. *т*, полученных в прошлом году.

Новая форма взаимоотношений между городом и селом, установленная на основе контрактационных договоров с крестьянством, накладывает серьезный отпечаток на пути разрешения такой важнейшей хозяйственной проблемы, какой является хлебная проблема.

Хлебозаготовительные затруднения служат для правых оппортунистов излюбленным коньком в их критике осуществляемой партией политики решительной индустриализации страны и форсированного обобществления сельского хозяйства. Именно на хлеб-

ные трудности ссылались правые, противопоставляя четкой партийной пятилетке свой двухлетний план, построенный на «внеклассовом» принципе «поднятия производительности народного труда». То обстоятельство, что в настоящее время страна начинает выходить из полосы хлебных затруднений именно благодаря твердому хозяйственному руководству нашей партии и вопреки пророчествам правых, является решительным приговором всей правой установке.

Трудно переоценить значение нашей победы на хлебозаготовительном фронте. Все враги социалистического строительства с затаенным вниманием следят за тем, что происходит у нас в области зернового хозяйства. Правые оппортунисты не скупались на самые мрачные краски для описывания якобы происходящих у нас «зерновых кризисов», хлебозаготовительных кризисов, стагнации, деградации всего советского сельского хозяйства в целом. Правые еще недавно предрекали, что из года в год объем хлебозаготовительных затруднений будет расти и увеличиваться. Бессовестная спекуляция, ставка на «костлявую руку голода» в различных формах и степенях объединяла всех критиков генеральной линии нашей партии, начиная от наших завязых врагов—буржуазных идеологов, продолжая меньшевиками и троцкистами, кончая правыми оппортунистами-маловеерами. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что эта спекуляция позорно провалилась, что эта ставка оказалась битой. Корни наших хлебных затруднений лежат в раздробленности и технической отсталости мелкого, распыленного крестьянского хозяйства. Кардинальное разрешение этой проблемы мыслимо поэтому лишь по линии глубокой экономической и технической реконструкции зернового хозяйства. Путь правых—пойти на поклон к кулаку—является явно капитулянтским. Приведенные нами данные говорят о том, что на пути коренной социально-технической переделки сельского хозяйства достигнут ряд решающих успехов.

Таким образом успехи, достигнутые в области сельского хозяйства в нынешнем году, и широкие перспективы дальнейшего роста, открывающиеся на новый хозяйственный год, лучше всяких слов опровергают капитулянтскую установку правых.

«Правые утверждали о «деградации» сельского хозяйства. На самом деле мы имели дальнейший рост бедняцко-среднезажиточных хозяйств, общий рост посевных площадей, рост машиноснабжения и повышение материально-технического и агрономического уровня развития сельского хозяйства.

Правые утверждали о якобы имеющейся «размычке» бедняцко-средняцких масс с рабочим классом. На самом деле мы имели дальнейшее укрепление смычки рабочего класса с крестьянством и усиление в этом союзе руководящей роли пролетариата, что нашло свое выражение в бурном росте коллективизации и строительстве совхозов.

Правые пророчили неизбежность голода и ввоза хлеба. На самом деле мы имели такой рост хлебозаготовок, который обеспечил страну хлебом внутреннего производства и обеспечил создание резервного хлебного фонда в десятки миллионов пудов при активном торговом балансе и накоплении валюты»¹.

7.

Реконструктивный период советского хозяйственного строительства открывает огромные, поистине необъятные, перспективы, реальные объемы которых теперь еще не могут быть определены с точностью. Самые «оптимистические» наметки опрокидываются быстро мчащейся действительностью. Самые смелые из проектов на наших глазах облекаются в плоть и кровь. Пресловутый «довоенный уровень», еще не так давно бывший пределом наших плановых заданий и устремлений, по ряду существенных отраслей и показателей быстро отодвигается назад. Успехи технической и социальной реконструкции становятся все более осязательными.

Первые этапы глубочайшей реконструкции народного хозяйства огромной страны неизбежно несут за собой затруднения, корни которых лежат не в ошибочности генеральной линии партии, а во всей объективной обстановке нашего строительства. Вопреки замечанию т. Бухарина, отсюда чрезвычайно далеко от идеологии: «Раз затруднения все равно будут, айда на печку!» Напротив, отчетливо видя объективные корни современных затруднений, которых не устранить по щучьему велению, партия сознательно мобилизует энергию, активность, энтузиазм широких трудящихся масс для борьбы с этими трудностями, для упорной работы над их преодолением. Не малы затруднения, которые сопутствуют нашим успехам в данный момент, на втором году пятилетки.

¹ Резолюция ноябрьского пленума ЦК.

Ноябрьский пленум ЦК следующим образом обрисовал основные очаги хозяйственных затруднений нынешнего этапа и вытекающие отсюда задачи в своей резолюции по контрольным цифрам народного хозяйства на 1929/30 г.

«Достигнутые успехи в области социалистического строительства неизбежно сопровождаются известными трудностями, обостряемыми сопротивлением капиталистических элементов. Попрежнему одной из важнейших задач хозяйственной политики партии является преодоление чрезмерного отставания темпов развития сельского хозяйства, и в частности и в особенности его зернового и животноводческого секторов. Радикальное разрешение этой задачи лежит на путях дальнейшего форсирования процессов коллективизации и строительства совхозов, на путях дальнейшего улучшения и укрепления самих колхозов и совхозов, наконец на путях форсированного развития индустрии, являющейся ключом к социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Особое внимание в текущем хозяйственном году сосредоточить на успешном проведении весенней сельскохозяйственной кампании.

При наличии все возрастающей тяги самых широких масс бедняцко-средняцкого хозяйства к коллективным формам земледелия, основной трудностью в деле разрешения этой величайшей исторической задачи является отставание отраслей промышленности, производственно обслуживающих сельское хозяйство (с.-х. машины, тракторы, удобрения), от реальных темпов коллективизации и строительства совхозов.

Попрежнему узким местом как для сельского хозяйства, так и для промышленности является химическая промышленность, темпы развития которой значительно отстают от потребностей народного хозяйства.

Явная диспропорция сохраняется между потребностями народного хозяйства и размерами производства машиностроительной промышленности, несмотря на высокие темпы развития последней.

Значительнейшие трудности остаются и в области снабжения страны топливом, черными и цветными металлами, дефицитность которых затрудняет осуществление намеченных темпов развития машиностроения, электрификации и материально-технической реконструкции сельского хозяйства.

Попрежнему, несмотря на крупнейшие успехи по экспорту промтоваров и «второстепенных статей» экспорта, со всей остротой стоит задача форсированного развития экспортных отраслей народного хозяйства (и прежде всего лесного экспорта), недостаточный темп развития которых тормозит и затрудняет ввоз необходимых стране машин, полуфабрикатов и сырья для промышленности.

Наконец все больше, как одно из узких мест народного хозяйства, выдвигается транспортно-дорожная проблема».

Все эти обстоятельства несколько не колеблют того факта, что жизнь беспощадно расправилась с пророчествами и ожиданиями правых, что практика решительно доказала и принципиальную ошибочность и полнейшую непригодность конкретных предложений правых. Хозяйственные трудности, сопутствующие хозяйственному росту и крупнейшим успехам социалистического строительства, преодолевались и будут преодолеваются активно, в то время как правые требуют полнейшей капитуляции перед этими трудностями. Годичный опыт хозяйственного развития снова подтвердил, что наши трудности являются трудностями роста, что они имеют место, на общем фоне значительных достижений социалистического строительства, вселяющих бодрость и энергию в широкие массы рабочего класса. При этих обстоятельствах ясно, что малейшая уступка капитулянтским предложениям правых увеличила бы затруднения во сто крат, в то время как действительное их преодоление возможно лишь при условии решительного отпора правым оппортунистическим требованиям, направленным к изменению генеральной линии партии.

Путь преодоления хозяйственных затруднений и классового сопротивления наших врагов ясен. Решительная политика индустриализации страны и социалистического переустройства деревни — таков этот генеральный путь. Опыт первого года пятилетки, реально выясняющиеся перспективы второго года снова подтверждают правильность этого пути. Основная линия хозяйственной политики нашей партии блестяще выдержала испытание огнем практики. Но это означает приговор критикам генеральной линии партии.

П Л А Н, Р А В Н О В Е С И Е, К Р И З И С Ы

1. Роль и значение плана в советской экономике.—2. Диалектика или богдановская теория равновесия?—3. Проблема «советских кризисов» в бухаринском освещении.

1.

Так обстоит дело с конкретным политическим содержанием последних выступлений т. Бухарина по вопросам советского хозяйственного строительства. Однако в этих выступлениях, помимо весьма конкретной критики и достаточно конкретных предложений (сформулированных, правда, в несколько иносказательной форме), содержится также ряд общетеоретических рассуждений, служащих как бы предпосылкой и обоснованием конкретной части. Нам представляется, что к этим общетеоретическим предпосылкам необходимо привлечь особенное внимание по целому ряду причин.

Наша партия всегда решительно отвергала «беззаботность в области теории». В данном случае такая беззаботность была бы особенно вредна и опасна, ибо совершенно очевидно, что конкретная критика и конкретные предложения т. Бухарина базируются на определенных теоретических представлениях о советском хозяйстве и законах его развития. Если определенный круг конкретных предложений уже дискредитирован опытом хозяйственного развития, то неверные теоретические предпосылки при изменившихся условиях могут стать исходным пунктом для новой серии ошибочных практических выводов. Критически разобрать нынешние теоретические ошибки т. Бухарина в вопросах советской экономики тем более необходимо, что они являются развитием неправильных положений, содержащихся в его прежних работах.

Центральной проблемой общего характера, которую т. Бухарин поставил в своих «Заметках экономиста», является пробле-

ма планирования в широком смысле. Огромное значение этой проблемы в условиях советского хозяйственного строительства очевидно. Задачи планирования народного хозяйства выдвигают колоссальное количество вопросов чрезвычайной сложности. Как это всегда бывает, практика и тут идет впереди теории. В то время как в практической борьбе за план, в практической работе по планированию за последние годы достигнуты крупнейшие успехи, дело теоретического осмысливания общих проблем планирования подвинулось не очень далеко, а в ряде отношений находится прямо-таки в зачаточном состоянии. Планирование ставит перед научной марксистской мыслью проблемы самого различного охвата и характера, начиная от самых общих и отвлеченных методологических (граничащих с философскими) проблем и кончая вопросами несравненно более близкими к повседневной практике. Однако ясность основных исходных положений является непременным условием правильного разрешения более конкретных практических проблем планирования.

Эти основные вопросы совершенно неправильно разрешаются в тех замечаниях общего характера, которые посвящены вопросам планирования в «Заметках экономиста». К вопросу о роли плана в советской экономике т. Бухарин в этом своем произведении подходит следующим образом:

«В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное единство, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, «правом») можно построить, по аналогии со вторым томом «Капитала», «схемы воспроизводства», т. е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства между собою или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия. По сути дела в этом и состоит задача выработки народнохозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана, сознательно намечаемого, являющегося и предвидением (прогнозом) и директивой одновременно».

Основная мысль, выраженная здесь совершенно отчетливо, состоит в том, что «задача выработки народнохозяйственного плана» сводится «по сути дела» к намечению «условий подвижного эконо-

номического равновесия». Можно ли считать такое определение задач планирования в советском хозяйстве правильным?

Ни в коем случае! При таком определении задач планирования выхолащивается живая душа планового начала, исчезает как раз «суть дела». А эта «суть» на самом деле заключается в целевой установке, без которой план—мертв.

Сведение планового начала к идее равновесия чрезвычайно характерно для буржуазных экономистов, критиков планового социалистического строительства. В своих выступлениях последних лет как раз эти экономисты—Кондратьев, Юровский, Огановский и другие—неизменно заявляли, что «изюминкой при построении... народнохозяйственного плана... является принцип равновесия» (Огановский).

Сведение планового начала к идее равновесия означает затушевывание социалистического лица наших планов, игнорирование их классового содержания. При таком понимании от плана остается один лишь формальный признак, понятие плана становится чрезвычайно бессодержательным и пустым. В самом деле, каждому очевидно, что «наметить условия подвижного экономического равновесия» в каждой данной обстановке можно по-разному, в зависимости от того, какие задачи и цели поставлены. В настоящее время всякий понимает, что в природе не существует раз навсегда данного, богом установленного «правильного сочетания различных сфер производства между собою». Положение вовсе не таково, что стоит лишь найти, раскрыть, наметить эти «правильные сочетания» и дело будет в шляпе. Напротив, всякий знает, что эти «сочетания» будут одни, если мы проводим политику решительной индустриализации и социалистической реконструкции народного хозяйства, и совершенно другие, если бы осуществлялась, скажем, правооппортунистическая установка капитуляции перед кулаком и отказа от быстрой индустриализации. Однако, спросит читатель, можно ли полагать, что и в том и в другом случае «сочетания» окажутся одинаково «правильными»? Но в том-то и дело, что представление о «правильности» тех или иных сочетаний различных сфер производства лишается всякого содержания, становится совершенно пустым и ничего не говорящим, если свести всю задачу планирования к отысканию этих «сочетаний», если лишить дело планирования его путеводной звезды—определенной целевой установки. Задача планирования стала бы в этом случае совершенно расплывчатой, неопределенной.

С этим связано другое замечание т. Бухарина насчет того, что народнохозяйственный план «все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства». Слишком поспешное отождествление плана с балансом чревато опасными последствиями. Метод балансовой увязки играет огромную роль в деле планирования. Сбалансирование различных частей плана, с одной стороны, является критерием осуществимости и реальности плановых наметок, а с другой стороны,—что крайне важно—обнаруживает те узкие места, активное преодоление которых становится одной из плановых директив. Каждый план должен быть сбалансирован (в вышеразъясненном смысле). Однако вовсе не каждый мыслимый и возможный вариант баланса является приемлемым планом. Отождествление плана с балансом таким образом также смазывает целевую установку плана, лишает его определенности, придает ему расплывчатый характер.

Однако отождествление плана с балансом, сведение плана к балансу ведет не только к крайней бессодержательности представления о плане. Оно становится исходным пунктом для проскальзывающего в «Заметках экономиста» довольно отчетливо в ряде мест представления, будто основной причиной хозяйственных затруднений является плохое сбалансирование плана. Недооценка объективных корней наших хозяйственных трудностей, игнорирование тех причин современных диспропорций, которые заложены в историческом прошлом страны и во всей современной обстановке, забвение классового сопротивления наших противников как фактора, чрезвычайно существенно влияющего на остроту затруднений, все это имеет своей логической основой то понимание плана, которое мы разобрали. Задачи плана в советской экономике далеко не исчерпываются, вопреки мнению т. Бухарина, делом отыскания условий подвижного, экономического равновесия. Далее, план в современной обстановке—это не только народнохозяйственный баланс, хотя необходимость сведения концов с концами в каждом реальном плане очевидна. В современных условиях план является одним из орудий—и притом чрезвычайно существенным—классовой борьбы. План является знаменем борьбы за социализм. С другой стороны, в борьбе против плана, в попытках срыва плана группируются противники социалистического строительства. Торжество планового начала становится лозунгом пролетариата, борющегося за социализм. Всевластие рыночной стихии становится паролем кулацко-капиталистических групп. При помощи коллективизации, контрактации, новых форм смычки про-

летариат вовлекает в русло организованного хозяйства (не смешивать с «организованной бесхозяйственностью»!) основную бедняцко-средняцкую массу крестьянства. Кулачество стремится отколоть крестьянство от рабочего класса, противопоставляя плану, стихию рынка.

Отсюда ясно, что взаимоотношения между планом и стихией никак нельзя свести лишь к их сосуществованию. Нельзя представлять дело так, что план и стихия лишь расположены рядышком. Нельзя далее полагать, что дело исчерпывается «взаимопроникновением» плана и стихии. Взаимосвязанность, взаимообусловленность плана и стихии в современных условиях бесспорна. Этим однако дело не исчерпывается. Между планом и стихией разворачивается также борьба. Затумашивание, забвение этой борьбы совершенно недопустимо. Абсолютно прав председатель Госплана т. Кржижановский, когда он постоянно напоминает о борьбе за план.

Выше мы видели, что т. Бухарин признает переходное общество «известным единством», хотя и противоречивым. Однако легко заметить, что это положение в одной своей половине признается т. Бухариным лишь на словах. В самом деле развитое им понимание плана скрадывает противоречивый характер того единства, каким бесспорно является переходное хозяйство.

В свое время противоположную ошибку делал Преображенский. Отмечая и выпячивая элементы противоречия, заложенные в нашем хозяйстве, он упускал из виду его единство. Преображенский фактически забывал, что переходное хозяйство представляет собою определенную существующую и развивающуюся хозяйственную систему. Отсюда его теоретически чрезвычайно слабое и явно несостоятельное построение насчет двух регуляторов. Весьма возможно, что в процессе преодоления теоретических ошибок т. Бухарина кое у кого появится искушение воскресить отвергнутую теорию двух регуляторов Е. А. Преображенского. Надо ли говорить, что ошибка т. Бухарина ни с какой стороны не может свидетельствовать о правильности этой, давно разоблаченной теории? Надо ли говорить, что в определенном смысле эти два ошибочных построения даже близки и родственны между собой?

В самом деле, в то время как у Преображенского за присутствия нашей системы хозяйства противоречиями исчезает единство системы, у т. Бухарина единство заслоняет собою и сводит фактически на-нет признаваемую лишь на словах противоречивость советской экономики.

Практически это приводит к тому, что «забывается» такая мелочь, как борьба за план, как известная противоположность и противоречие между планом и рыночной стихией. Как в первом случае, так и во втором, мы имеем явные отступления от марксистской диалектики. В этом отношении корни ошибок Бухарина и Преображенского, несмотря на все внешнее различие их подходов, несравненно ближе, нежели это может показаться на первый взгляд.

Чрезвычайно нечетко ставится т. Бухариным вопрос о взаимоотношении элементов предвидения и директивы в плане. Выше мы уже видели, что план, по его мнению, является «предвидением и директивой одновременно». Такая формулировка однако решительно ничего не говорит. Этого не отрицают и буржуазные экономисты. Они лишь понимают сочетание предвидения и директивы таким образом, что директива становится пустым привеском предвидения. План в их представлении сводится к «директивам», слепо отображающим предвидение (прогноз) того хода стихийного развития, который протекает без всякого плана. Но это приводит к полному извращению идеи планирования. Совершенно прав был т. Струмилин, когда он несколько лет назад возражал проф. Кондратьеву следующим образом: «Нет смысла строить план организации затмения солнца или капиталистического кризиса, ибо они и без всякого плана в свое время наступят».

В другом месте т. Бухарин несколько ближе подходит к характеристике соотношения между предвидением и прогнозом.

«В этом плане,—говорит он о плане переходного хозяйства,—есть много элементов предвидения стихийной равнодействующей (например исчисление урожая, товарной массы хлеба, товарной массы продуктов крестьянского хозяйства вообще, а следовательно и цен, и т. д. и т. п.), которая становится исходным пунктом для той или другой директивы!»

Читатель видит, что тут вопрос поставлен совершенно неудовлетворительно. «Стихийная равнодействующая... становится исходным пунктом для... директивы». Однако исчерпывается ли содержание директивы одним лишь результатом предвидения стихийной равнодействующей,—этот основной вопрос об активной роли плана оказывается смазанным.

Между тем совершенно ясно, что именно задание директива, является ведущим началом, конституирующим элементом в деле планирования. Целевая установка, директивный момент, составляет, если угодно, сущность плана. Без этого элемента говорить

о плане не приходится,—можно лишь говорить о предвидении событий (или «равнодействующих»), реализующихся помимо нашего сознательного воздействия.

Приведенное положение т. Бухарина имеет тот существенный недостаток, что оно грешит односторонностью. Здесь учитывается влияние стихийной равнодействующей на содержание и характер директивы, но совершенно упускается из виду не менее существенное воздействие директивного момента на характер складывающейся стихийной равнодействующей. В самом деле, в отношении перечисленных т. Бухариным экономических явлений—состояние урожая, объем товарной продукции и в особенности состояние цен—всем известно, что кое-какое влияние наши плановые мероприятия оказывают. Забвение этой стороны дела искажает действительную перспективу, в которой плановый принцип в борьбе утверждает свою роль ведущего начала в советском хозяйстве.

Далее следует заметить, что серьезный повод к недоразумениям и к некритическому перенесению на советскую экономику категорий капиталистического хозяйства может дать предложение т. Бухарина построить для переходного хозяйства «по аналогии со вторым томом «Капитала» схемы воспроизводства, т. е. наметить... условия подвижного экономического равновесия». Как мы видели уже выше, т. Бухарин отождествляет это намерение равновесия с выработкой плана. Таким образом получается отождествление плана со схемами воспроизводства, которые должны быть построены «по аналогии» со вторым томом «Капитала».

На этом вопросе необходимо остановиться в двух словах. Что представляют собою марксовы схемы воспроизводства, о которых здесь идет речь? Всем известно, что в общественном хозяйстве производство должно постоянно возобновляться. Одни товары исчезают, потребляются, зато их место занимают все новые массы выбрасываемых предприятиями изделий; постоянно воспроизводятся не только товары, но и определенные общественные отношения между людьми. Когда имеют в виду вот это постоянное повторение производственного процесса, тогда говорят о воспроизводстве. Постоянное повторение производственного процесса, чередование его отдельных ступеней (или, как говорят, фаз) выдвигает специальные проблемы. Основная проблема здесь заключается в отыскании тех условий, при которых возможен более или менее бесперебойный ход

постоянно возобновляющегося процесса производства. Должны быть найдены те условия, при которых сложный механизм капиталистического воспроизводства может функционировать, при которых отдельные колесики и шестеренки этого механизма будут выполнять свое назначение, не смешиваясь в хаотическом беспорядке.

Для нахождения этих условий Маркс делит все производство на два подразделения: производство средств производства и производство средств потребления. Далее, исследуя взаимозависимость между этими двумя разделами и их отдельными элементами, Маркс строит специальные схемы. В этих схемах намечается такое соотношение отдельных элементов процесса воспроизводства, которое обеспечивает возможность более или менее бесперебойного функционирования всего производственного аппарата общества. Иными словами, в схемах воспроизводства Маркса намечаются условия подвижного экономического равновесия капиталистического общества. Необходимо однако иметь в виду, что речь идет о совершенно особом типе равновесия. При наличии такового равновесие отдельных частей общественного хозяйства устанавливается стихийным путем. Это равновесие постоянно нарушается, вновь и вновь восстанавливаясь и пробивая себе путь среди бесчисленных отклонений.

Совершенно ясно, что идеи марксовыи схем воспроизводства, как впрочем и все остальные части марксовои экономической системы, имеют огромное значение для изучения переходного хозяйства. Однако это значение может реализоваться лишь в том случае, если отдавать себе ясный отчет в том принципиальном различии, которое несомненно существует между марксовыми схемами воспроизводства и народнохозяйственным планом в условиях переходной экономики. Это различие сводится в основном к следующему: гениальные схемы воспроизводства Маркса имеют целью теоретически отобразить в наиболее абстрактном виде стихийный бег капиталистического производства и воспроизводства в его целом. Наш народнохозяйственный план, напротив, имеет дело с осуществлением ряда чрезвычайно практических задач, выполняемых притом в высшей степени сложной конкретной обстановке, в которой на первое место выдвигается момент сознательного воздействия на весь ход хозяйственного развития. Отсюда ясно, что некритическое сближение плана в советском хозяйстве с марксовыми схемами воспроизводства, стремление решать сложные вопросы планирования «по аналогии» с этими схемами—совершенно неправильно.

Проблема равновесия в переходной экономике ставится т. Бухариным не впервые. Однако ответы, которые он давал на этот вопрос прежде и теперь, не только существенно различны, но, пожалуй, прямо противоположны. В «Экономике переходного периода», написанной в период военного коммунизма, мы встречаем утверждение, что при анализе переходного хозяйства «постулат равновесия не действителен... Нет пропорциональности ни между производством и потреблением, ни между различными отраслями производства» (стр. 132—133). Так как переходный период будет длиться лишь «некоторое время», то эта общественная система может временно находиться в «ненормальном состоянии», т. е. вне состояния равновесия».

Действительность показала неправильность этой точки зрения. Может показаться однако странным, что именно т. Бухарин, полагавший тогда, что «нет пропорциональности ни между производством и потреблением, ни между различными отраслями производства», в настоящее время видит все содержание и всю суть плана в том, чтобы «наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою». Мы полагаем однако, что ничего странного в этом нет. Корнем ошибки и в том и в другом случае является недиалектическое, механическое понимание равновесия.

Приступая к конспективному изложению экономического учения Маркса в своей статье о марксизме, написанной для энциклопедического словаря «Гранат», Ленин приводит следующее заявление Маркса из предисловия к I т. «Капитала»: «Конечной целью моего сочинения является открытие «экономического закона движения современного общества» (Разрядка наша.—А. Л.).

В «Экономике переходного периода» мы читаем ¹:

«Тут (в капиталистическом обществе.—А. Л.) могут быть всякие отклонения, колебания, вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но в общем и целом находится в состоянии равновесия. Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономики» (стр. 123. Разрядка наша.—А. Л.).

¹ Речь, как и в предыдущем случае, идет о главе IX, написанной в основе т. Пятаковым, как сообщается в примечании. Однако изложенные там взгляды полностью разделялись разумеется т. Бухариным.

Таким образом получается достаточно красочное сопоставление. Ленин вслед за Марксом определяет задачи политической экономики, как открытие закона движения современного общества. Тов. Бухарин видит эту задачу в отыскании закона равновесия. Имеем ли мы здесь лишь словесное различие?

Отнюдь нет.

Было бы разумеется смешно полагать, что Маркс и Ленин, говоря о движении, совершенно игнорируют момент равновесия, или что т. Бухарин, говоря о равновесии, совершенно забывает про движение. Однако сопоставление этих двух определений дает яркий пример о различной акцентировке, чрезвычайно характерной для различных подходов к проблеме: диалектического и механистического. В одном случае равновесие берется как частный случай и стало быть подчиненный момент движения, рассматриваемого диалектически в качестве всеобщего состояния материи. В другом случае движение берется лишь как момент, усложняющий механистическое понятие равновесия.

При разрешении основных проблем планирования в советском хозяйстве различие этих двух подходов чрезвычайно ясно чувствуется. Если исходить из диалектической установки, предполагающей «приоритет» движения, тогда ясно, что конституирующим (т. е. определяющим) моментом плана является его целевая установка, сознательно намечающая направление и характер движения. Наоборот, с точки зрения того значения, которое отводится понятию равновесия механистической концепцией, довольно последовательными являются те выводы, которые т. Бухарин сделал в отношении плана, сведя его без остатка к намечению условий подвижного равновесия.

Отсюда ясна опасность механистического подхода к разрешению принципиальных проблем советской экономики.

В период профсоюзной дискуссии 1921 г. Ленин писал:

«К числу многочисленных ценнейших качеств т. Бухарина принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе. Это очень ценное качество, ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных сознательно принимаемых им положений»¹.

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 157.

Как известно, Ленин находил теоретическую основу политических ошибок т. Бухарина в непонимании им марксистской диалектики.

«Теоретическая сущность той ошибки, которую здесь делает т. Бухарин,—писал Ленин,—состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм) подменяет эклектизмом. «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны»,—вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого... Тов. Бухарин говорит о «логических» основаниях. Все его рассуждение показывает, что он—может быть бессознательно—стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской».

И Ленин с чрезвычайной четкостью разбирал теоретические корни бухаринских ошибок, подробно рассматривая вопрос о соотношении между политикой и экономикой. Более того: как раз в этой связи Ленин дал свой непревзойденный по глубине и ясности образец понимания диалектической логики по сравнению с логикой формальной, используя для этого бухаринский пример насчет стакана, пример, которым т. Бухарин рассчитывал посрамить своих противников.

В настоящее время, когда т. Бухарин выступает вождем и идеологом правого оппортунистического уклона, совершенно необходимо и обязательно последовать совету Ленина и попытаться доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им положений. Нужна чрезмерная политическая наивность, чтобы полагать, что нынешние ошибки т. Бухарина являются чем-то совершенно случайным. Наоборот, именно то ценное качество т. Бухарина, о котором говорил Ленин, обуславливает теснейшую связь между политической линией т. Бухарина и его теоретическими конструкциями.

Теоретические корни политических ошибок т. Бухарина заключаются в непонимании марксистско-ленинской диалектики, в неумении ею пользоваться, в стремлении к замене диалектики эклектизмом, в подмене диалектики богдановским, механистическим извращением последней. Здесь мы подходим к наиболее глубоким общеметодологическим, философским истокам современных политических ошибок т. Бухарина. В своей автобиографии, на-

писанной для энциклопедического словаря «Гранат», т. Бухарин сообщает, что он в молодости сильно увлекался эмпириокритицизмом и другими модными тогда течениями антимарксистской философии. Всякий знакомый с теоретическими работами т. Бухарина без труда обнаруживает то огромное влияние, которое оказывал на т. Бухарина виднейший представитель философского ревизионизма в России, покойный А. Богданов. Из опубликованных в одиннадцатом «Ленинском сборнике» заметок Ленина на бухаринскую «Экономику переходного периода» видно что Ленин считал основным истоком бухаринских ошибок его сильнейшую подверженность философскому влиянию Богданова.

Это влияние Богданова нигде, пожалуй, не выступает так открыто и так сильно, как в бухаринской теории равновесия, проходящей красной нитью через все работы т. Бухарина и с наибольшей полнотой изложенной в его специально философской работе «Теория исторического материализма».

Диалектика учит рассматривать всякий предмет в его развитии, в его самодвижении. Единство противоположностей, раздвоение единого—вот суть, душа диалектики. Движение, понимая под последним самые различные формы развития, изменения, движение путем внутренних противоречий—вот один из основных принципов диалектики. Это отнюдь не устраняет, а, напротив, предполагает многообразнейшие формы взаимоотношений между предметом и внешней средой. Однако диалектическое движение во всем богатом многообразии своих форм отнюдь не может быть сведено к взаимодействию рассматриваемого объекта с внешней средой.

Механистическое извращение диалектики заключается прежде всего в том, что из всех форм движения признается лишь одна—механистическое движение, законы которого универсализируются, распространяются на все и всякие процессы в природе и в обществе. Именно богдановская, т. е. механистическая, теория равновесия является краеугольным камнем всей концепции общественной жизни, развиваемой т. Бухариным. С особенной отчетливостью это выступает в его статье «К постановке проблемы теории исторического материализма», представляющей ответ критикам его книги «Теория исторического материализма» и данной в виде приложения к последней.

«Маркс и Энгельс,—говорит он в этой статье,—освободили диалектику от ее мистической шелухи—в действии, т. е. материалистически применяя диалектический метод при

исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его такого же теоретическо-систематического обоснования. Это и дается теорией равновесия»¹.

Здесь таким образом мы имеем утверждение, будто теория равновесия является не чем иным, как материалистическим обоснованием диалектики. Впрочем в другом месте т. Бухарин сам признает, что он шел по пути некоторых «новшеств», давая «другие формулировки того же самого».

«В своей книге «Теория исторического материализма»,—говорит т. Бухарин,—я пытался не только повторить то, что было сказано и раньше, но, с одной стороны, дать некоторые другие формулировки того же самого, с другой—уточнить и развить положения теории исторического материализма, продвинуть дальше разработку его проблем»².

Внимательный читатель заметит однако без особого труда, что «продвижение вперед» в разработке проблем исторического материализма заключается у т. Бухарина в отказе от марксистской диалектики, в подмене диалектики механистической теорией подвижного равновесия. Это становится ясным, как только мы обратимся к тем местам работы т. Бухарина, где он дает свое истолкование сущности диалектики.

«Два философа—один древний Гераклит, другой, более новый, Гегель—особенно выдвигали это положение об изменяемости и подвижности всего существующего. Но они не ограничились этим. Они ставили вопрос о том, как именно идет процесс движения. И тут они вскрыли то обстоятельство, что перемены вызываются внутренними противоречиями, внутренней борьбой».

«...Это положение несомненно правильно. В самом деле, представим себе на минуточку, что в мире не было бы столкновения никаких сил, что не было бы никакой их борьбы, что различные силы не направлялись бы одна против другой. Что это обозначало бы? Это обозначало бы, что весь мир находится в состоянии неподвижного равновесия, т. е. в состоянии полной и абсолютной устойчивости, в состоянии полного покоя, исключаяющего всякое движение. Где господствует покой? Покой господствует там, где все составные

¹ Н. Бухарин, Теория исторического материализма, изд. 7, стр. 362.

² Там же, стр. 359.

частички, все силы находятся в таком отношении друг к другу, что не происходит никакого столкновения, где нет никакого взаимодействия... где, словом, нет никаких противоречий, никакой противоположности борющихся, сталкивающихся сил, где нет никогда никакого нарушения равновесия, где господствует, наоборот, абсолютная устойчивость»¹.

Это положение иллюстрируется т. Бухариным целым рядом различных примеров из разнообразных областей знания. Совершенно ясно, что механическая схема здесь распространяется на другие области, что понятие механического движения здесь универсализируется и трактуется как единственно мыслимая форма движения вообще. На место закона единства противоположностей здесь, в качестве основного содержания диалектики, выдвигается закон подвижного равновесия.

Свое понимание сущности диалектики т. Бухарин формулирует следующим образом:

«В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравниваются друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние покоя, т. е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутреннее противоречие» обнаружится, происходит нарушение равновесия, и, если на момент установится новое равновесие, оно установится на новой основе, т. е. при другом сочетании сил и т. д.»

«А отсюда и следует, что «борьба», «противоречия», т. е. антагонизмы различно направленных сил, и обуславливают движение»².

Характерно, что выражения «внутреннее противоречие», «противоречие», «борьба противоречий» т. Бухарин берет в кавычки— очевидно, чтобы оттенить всю «условность» этих понятий. Таким образом корень диалектики т. Бухарин видит в «антагонизме противоположно направленных сил». Не трудно заметить, что в этом важнейшем и решающем вопросе т. Бухарин идет лишь по стопам своего учителя А. Богданова, он повторяет в основном именно богдановскую интерпретацию или, вернее сказать, богдановскую подмену диалектики. Чтобы убедиться в этом, совершенно достаточно простого сопоставления приведенных выше

¹ Там же, стр. 73.

² Там же, стр. 75.

бухаринских формулировок с теми высказываниями, которые мы находим по вопросу о диалектике у А. Богданова. Вот как определяет **сущность** диалектики Богданов:

«Всякая реально развивающаяся форма включает в себе **противоположно** направленные или борющиеся силы. Их соотношение, прежде всего количественное, непрерывно меняется в зависимости от всей суммы условий, внутренних и внешних. Пока преобладание остается на одной стороне, форма сохраняется. Но чем более оно уменьшается, тем слабее становится ее устойчивость. В тот момент, когда оно уничтожается, эта устойчивость исчезает также. Тогда количество переходит в «качество» и происходит резкое преобразование формы, переворот, революция. Форма отрицается, переходит в свою противоположность, «антитезис». В нем также возникает внутреннее «противоречие», и оно, развиваясь аналогичным путем, приводит к «отрицанию отрицания» или синтезу, представляющему формальное сходство с тезисом, но обогащенному содержанием или усовершенствованному по сравнению с ним»¹. «Если тот или иной процесс—движение тела, жизнь организма, развитие общества—определяется борьбой двух противоположных сил, то пока преобладает количественно одна из них, хотя бы немного, процесс идет в ее сторону, подчиняется ее направлению. Как только другая сила, возрастая, наконец сравнивается с ней, тотчас меняется весь характер процесса, его «качество»: либо он прекращается, либо с дальнейшим, хотя бы ничтожным, увеличением второй силы принимает обратное прежнему направление. В обоих случаях наши чувства сообщают нам, что перед нами нечто «качественно» иное, чем прежде»².

Диалектику Богданов определяет так:

«Диалектика есть не что иное, как организационный процесс идущий путем противоречий, или—что то же—путем борьбы разных тенденций».

Взаимное проникновение противоположностей, борьба противоположностей, не исключаящая их единства, подменены у Богданова борьбой различных тенденций, не связанных внутренним единством.

¹ А. Богданов, Технология, стр. 511—512.

² А. Богданов, Философия живого опыта, стр. 243.

Но это и есть механистическое извращение диалектики, подменяющее диалектику формально логическими, застывшими, окостеневшими определениями. По отношению к современным механистам вполне применима едкая характеристика Маркса, данная им около 80 лет тому назад писателю, не умевшему мыслить диалектически. Маркс писал в своей полемике против некоего Гейнцена:

«Все грубиянство» здравого человеческого рассудка, который черпает из «полноты жизни» и не калечит своих естественных наклонностей никакими философскими или другими научными занятиями, сказывается в том, что там, где ему удастся заметить различие, он не видит единства, а там, где он видит единство, он не замечает различия. Когда он устанавливает различные определения, они сейчас же затвердевают у него под руками, и он видит самую вредную софистику в стремлении, как столкнуть меж собой понятия, чтобы посыпались искры»¹.

Основной порок механистической теории равновесия, которой т. Бухарин предлагает заменить марксистскую диалектику, заключается как раз в том, что эта теория, как и всякое механистическое извращение диалектики, приводит к «затвердеванию» различных определений. Механисту никогда не постичь гибкости диалектических понятий. Механист забывает о единстве, когда он видит различия; с другой стороны, он упускает из виду различия, когда он видит единство. Отсюда борьба различных сил, отсюда антагонизм противоположно направленных активностей. Механист никогда не понимает однако души диалектики, которая заключается в «раздвоении единого», в единстве противоположностей.

Вот как определяет сущность диалектики Ленин:

«Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет охвачено ядро диалектики».

Ленин подчеркивает, что противоположности суть диалектические противоположности, т. е. взаимно отрицающие и вместе с тем взаимно полагающие, переходящие одна в другую противоположности.

«Тождество противоположностей (единство их—может быть вернее сказать...) есть признание (открытие) противоречивых, взаимно исключающих противоположных тенденций

¹ Маркс, Морализующая критика и критическая мораль.

во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни,—есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть борьба противоположностей».

«...Не только единство противоположностей, но переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность)»¹.

Действительная марксистско-ленинская диалектика остается книгой за семью печатями для всех, кто проявляет склонность к замене диалектики богдановской теорией равновесия. Но именно богдановская теория равновесия, насквозь механистическая, лежит в основе общеметодологических взглядов т. Бухарина.

«Закономерность общественного процесса,—говорит он,—легче всего раскрыть, рассматривая условия общественного равновесия»².

Забвение диалектики, подмена диалектики насквозь механистической теорией равновесия жестоко мстит за себя при подходе к разрешению актуальнейших политических и экономических вопросов. Связь между бухаринской теорией равновесия и его современными грубейшими оппортунистическими ошибками является гораздо более непосредственной, нежели это может показаться на первый взгляд.

3.

Антидиалектическая богдановская теория равновесия, воспринятая т. Бухариным, особенно явственно выступает в трактовке проблемы «советских кризисов», данной в бухаринских «Заметках экономиста». В этом произведении т. Бухарин всячески подчеркивает, что именно эта проблема является центральным вопросом, центральным фокусом всех его рассуждений. Перечислив достижения нашего хозяйственного строительства, т. Бухарин тут же берет быка за рога.

«И в то же время,—писал он,—рост нашей экономики и несомненный рост социализма сопровождаются своеобразными «кризисами», которые при всем решающем отличии закономерностей нашего развития от капиталистического как

¹ Ленин, т. XIII, стр. 301.

² Бухарин, Теория исторического материализма, стр. 91.

будто «повторяют», но в вогнутом зеркале, кризисы капитализма... Словом, в особенности истекший год поставил перед нами проблему наших «кризисов», имеющих место в начальные периоды переходной экономики в стране отсталой, мелкобуржуазной по составу своего населения, находящейся во враждебном окружении».

Итак т. Бухарин считал важнейшей задачей своих «Заметок» поставить «проблему наших «кризисов». Проблема советских кризисов является действительно центральной частью всего выступления т. Бухарина.

Тов. Бухарин ставит вопрос: «Не обречены ли мы на—периодические или непериодические—«кризисы», на обратной (по сравнению с капитализмом.—А. Л.) основе, на ином соотношении между производством и потреблением? Не суть ли эти «критические» затруднения—железный закон нашего развития?» На этот вопрос т. Бухарин не колеблясь дает отрицательный ответ в весьма решительном тоне. Более того, он считает, что здесь в самой постановке вопроса заключен определенный порок. Если для советской экономики характерно, по мнению т. Бухарина, известное отставание в каждый данный момент развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей общества, то, заявляет т. Бухарин со всей определенностью;

«совсем другое—моменты кризисного характера, которые нарушают ход производства... Они могут лежать,—продолжает т. Бухарин,—лишь в нарушении условий экономического равновесия, т. е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления)».

Таким образом здесь с достаточной ясностью заявляется, что имеющие место в нашем хозяйстве «кризисы» (в кавычках) или моменты кризисного характера (без кавычек), которые нарушают ход воспроизводства, обусловлены лишь одной причиной. Этой причиной, по мнению т. Бухарина, может являться лишь «нарушение условий экономического равновесия» или, иными словами, «неправильное сочетание элементов воспроизводства».

Эта идея, являющаяся в сущности лишь формой применения богдановской механической теории равновесия к анализу сложнейших явлений советской экономики, проходит красной нитью через все построения «Заметок экономиста», повторяется в самых различных сочетаниях и формах.

Отметив, что «грубейшее нарушение основных пропорций и соответствующие просчеты отнюдь не неизбежны», т. Бухарин в то же время предупреждал, что—

«крупные ошибки хозяйственного руководства, вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызвать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов. Нарушение необходимых экономических соотношений имеет своей другой стороной нарушение политического равновесия в стране».

Здесь перед нами определенная концепция советской экономики, базирующаяся на той самой теории равновесия, которой т. Бухарин считает необходимым заменить марксистскую диалектику. В самом деле, выше мы уже видели, что основная задача плана в советских условиях, по мнению т. Бухарина, сводится к намечению условий подвижного экономического равновесия. С другой стороны, если мы имеем те или иные моменты кризисного порядка, то их причину следует искать исключительно в ошибках планового хозяйственного руководства, в допущенных последним неправильных сочетаниях элементов воспроизводства. Наконец нарушение хозяйственных пропорций в стране неизбежно вызывает нарушение политического равновесия. Такова законченная концепция советского хозяйственного развития, лежащая в основе бухаринских «Заметок экономиста».

Выше мы уже видели—в чем ошибочность бухаринской трактовки роли плана в советском хозяйстве. Мы видели, что грубейшей ошибкой является сведение задач плана к намечению условий подвижного экономического равновесия. Такая трактовка, беря за основу лишь один из формальных признаков советского хозяйственного плана, одно из условий планирования, в то же время выхолащивает живую душу хозяйственного плана в условиях переходной к социализму экономики. Ниже мы подробнее остановимся на своеобразной бухаринской концепции классовой борьбы в переходный период. Там мы убедимся, что вопиюще неправильно изображать дело так, что каждое обострение классовой борьбы может вызываться лишь «грубыми ошибками хозяйственного руководства». Напротив, в определенной обстановке обострение классового сопротивления капиталистических групп неизбежно сопровождает рост социализма, успешное развитие социалистического наступления, вне всякой зависимости от тех или иных плановых просчетов.

В данной связи остановимся лишь на трактовке т. Бухариным проблемы советских кризисов в более узком смысле. Здесь прежде всего следует оценить категорическое утверждение т. Бухарина насчет того, что именно настоящий период роста социализма ставит перед нами во весь рост проблему советских кризисов, в кавычках или без кавычек.

Совершенно ясно, что проблема кризисных явлений того или иного порядка и масштаба представляет значительный теоретический и практический интерес при исследовании советского хозяйства. Это ли имел в виду т. Бухарин? Разумеется не об этом у него шла речь. В статье, посвященной специально весьма критическому «анализу» перспектив первого года пятилетки, выпячивание проблемы советских кризисов на первый план могло иметь—и действительно имело—лишь один, вполне определенный смысл. Тов. Бухарин хотел поставить проблему советских кризисов во главу угла при намечении путей дальнейшего хозяйственного развития страны. Тов. Бухарин таким образом требовал подчинения всех остальных задач хозяйственного развития задаче, которую он считал основной и кардинальнейшей,—задаче ликвидации кризисных явлений, предупреждения опустошительного кризиса советской экономики, влекущего за собой крах советской системы. В качестве центральной мысли всего своего выступления т. Бухарин всячески подчеркивал следующее положение:

«Чтобы добиться возможно более благоприятного (возможно более бескризисного) хода общественного воспроизводства и систематического роста социализма, а следовательно возможно более выгодного для пролетариата соотношения классовых сил в стране, необходимо добиваться более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства».

Для этой цели, по мнению т. Бухарина, необходимо соответствующим образом «балансировать» эти элементы, необходимо создание условий «подвижного экономического равновесия».

В переводе с эзоповского языка «Заметок экономиста» на обыкновенный человеческий язык это означало: необходимо конкретные темпы индустриализации, конкретные формы обобществления сельского хозяйства подчинить одной центральной и основной задаче, без которой невозможно добиться возможно более благоприятного и бескризисного хода общественного воспроизводства. Этой задачей является создание условий подвиж-

ного экономического равновесия, восстановления правильных хозяйственных сочетаний, нарушенных в настоящее время.

Таков лейтмотив «Заметок экономиста». Грубая ошибочность такой постановки вопроса совершенно очевидна, в особенности в свете опыта хозяйственного развития истекшего периода. Резолюция ноябрьского пленума ЦК по контрольным цифрам на 1929/30 г. говорит по этому поводу следующее:

«Правые утверждали о неизбежности общего хозяйственного кризиса, т. е. нарушения нормального хода производства и воспроизводства. На самом деле мы имеем такой рост производства, такое ускорение темпов, о котором мы раньше и мечтать не могли и которое дает нам возможность превратить на деле оптимальный вариант пятилетнего плана в вариант минимальный».

Бухаринская попытка выпятить проблему кризисов на первый план в особо-пожарном порядке была решительно отвергнута партией как проявление паникерства перед хозяйственными трудностями в обстановке обострения классово-борьбы. Бухаринское стремление подчинить генеральные установки хозяйственной политики задачам установления метафизического «подвижного экономического равновесия» было партией осуждено как недопустимое проявление ликвидаторства, как вреднейшая линия на пасование перед трудностями вместо их активного преодоления. Партия исходила при этом из того убеждения, что всякое отступление перед трудностями может в лучшем случае дать лишь иллюзорное временное смягчение остроты затруднений, неизбежно вызывая зато неслыханное обострение хозяйственных затруднений в будущем, в то время как действительный путь к коренному изживанию затруднений лежит лишь по линии решительного и твердого осуществления генеральных установок партии в деле индустриализации страны и социалистической переделки сельского хозяйства.

Истекший опыт первого года пятилетки блестяще подтвердил ошибочность бухаринской установки. Правая «философия» переживаемого нами периода в развитии советской экономики оказалась нещадно побитой. Правая спекуляция на обострение хозяйственных трудностей оказалась поистине роковым просчетом. Оппортунистическая ставка на рост хлебозаготовительных затруднений, являющаяся лишь несколько более прикрытой формой традиционной ставки на голод, объединяющей всех противников нашего социалистического строительства, была бита жизнью. Опыт истекшего

периода широкой социалистической реконструкции лучше всяких слов показывает абсолютную правильность партийной установки. Партия отнюдь не относится безучастно к имеющим место отдельным случаям нарушения тех или иных хозяйственных пропорций. Разумеется задача обеспечения более или менее бесперебойного хода производственного процесса чрезвычайно важна и существенна. Поэтому самого пристального внимания требуют все те участки хозяйственного фронта, которые в тот или иной момент грозят стать очагами кризисных явлений. О наплева- тельском отношении к проблеме обеспечения более или менее бескризисного развития не может быть и речи. Не менее ясно конечно, что партийная установка не имеет ничего общего с «мудрыми» рассуждениями в троцкистском духе о том, будто непрерывные, перманентные кризисы являются неизбежной формой нашего хозяйственного развития. «Избави бог от таких друзей»—вот единственный ответ, которого заслуживают подобного рода рассужде- ния, представляющие собой не что иное, как повторение в новых условиях приведенного нами выше бухаринского тезиса из «Эко- номики переходного периода» насчет постоянного неравновесия, характеризующего якобы весь переходный период напролет.

С теоретической стороны кардинальный порок подхода т. Бу- харина к проблеме «советских кризисов» заключается в том, что т. Бухарин здесь по своему обыкновению утверждает примат со- стояния равновесия над принципом движения, как законом движе- ния данной общественной формации. Основное направление хозяй- ственной политики партии т. Бухарин стремится подчинить зада- че обеспечения соответствующих сочетаний между отдельными элементами народного хозяйства. Задача обеспечения подобных сочетаний выступает в качестве вышшей задачи, по отношению к которой генеральная линия социалистического строительства за- нимает как бы подчиненное место. Поэтому, когда в другом месте своих «Заметок» т. Бухарин заявляет, что «со всех точек зрения индустриализация СССР есть для нас закон», то это утверждение звучит крайне фальшиво и неубедительно в общем контексте ос- новных идей «Заметок экономиста», в особенности пропагандируе- мых там идей насчет равновесия и кризисов. В самом деле, все содержание «Заметок» направлено к тому, чтобы доказать, что как раз основным «законом» хозяйственного развития в наших условиях является необходимость обеспечения хозяйственного равновесия, и этому закону должна быть подчинена вся конкретная поли- тика в области индустриализации страны. Отрывая равновесие

от движения, утверждая примат равновесия над движением, т. Бухарин неизбежно приходит к неверному в корне пониманию самого состояния «подвижного экономического равновесия». В основе всех его рассуждений лежит представление о том, будто существуют какие-то неизвестно кем установленные «правильные» народнохозяйственные пропорции и сочетания, каковые пропорции надлежит лишь установить, открыть и пуще зеницы ока беречь. Он говорит о каком-то «нормальном» ходе воспроизводства, совершенно упуская из виду, что самый ход воспроизводства в сильнейшей степени определяется принципом движения, принципом и направлением развития данной общественной формы. Нет и не может быть никакой предустановленной гармонии в тех сочетаниях и пропорциях, которые устанавливаются между отдельными элементами народного хозяйства. Наоборот, конкретное содержание этих пропорций и сочетаний целиком и полностью определяется направлением и характером развития данной социальной формы производства. Совершенно очевидно, что эти пропорции и соотношения будут одни, если страна идет по пути социалистической индустриализации, обобществления сельского хозяйства и укрепления хозяйственной независимости от капиталистического окружения,—и они были бы совершенно иными, если бы страна развивалась в качестве полуколониального аграрного придатка, закабаленного мировым империализмом. Соотношение между промышленностью и сельским хозяйством, соотношение между отраслями промышленности, соотношение между текущим производством, потреблением и накоплением—все эти кардинальнейшие «пропорции» и «сочетания» отнюдь не представляют собою чего-либо от века установленного, всегда себе самому равного и неизменного. Наоборот, все эти (и все другие важнейшие) пропорции и сочетания целиком определяются социальной формой хозяйства и законами ее развития, ее движения.

Таким образом коренной порок бухаринской концепции «советских кризисов» заключается в применении им к анализу нашей экономики богдановской механистической теории равновесия, заменяющей марксистско-ленинскую диалектику, как общее учение о законах движения природы, общества и человеческого мышления, представления о механическом движении, как об универсальной и всеобщей форме движения вообще. Отсюда то выпячивание равновесия на первый план, которое так бросается в глаза у т. Бухарина. Отсюда полное игнорирование того простого обстоятельства, что само равновесие, способ его установления,

его характер и содержание определяются специфическими особенностями законов развития данной социальной формы производства.

Любопытно, что в своих замечаниях на бухаринскую «Экономику переходного периода» Ленин отметил неправильность того абсолютизирования равновесия, которое имеет место в этом произведении. Такое замечание Ленина мы находим там, где Бухарин, говоря о равновесии стихийного капиталистического хозяйства, пишет:

«Вся система расширяется, усложняется, находится в постоянном движении и колебании, но в общем и целом находится в состоянии равновесия».

Ленин против этого места сделал следующее замечание: «(равновесия) приблизительного грубого, в больших числах, à la longue».

Здесь Ленин таким образом подчеркивает, что применительно к капитализму речь может идти лишь о грубом, приблизительном равновесии. Иными словами, речь идет о равновесии, как о подчиненном моменте движения. Нет и не может быть речи о сведении движения к подвижному равновесию в богдановском смысле.

Там, где Бухарин говорит о применении точки зрения равновесия к переходной экономике, Ленин замечает, что лучше заменить выражение «точка зрения равновесия» каким-либо другим выражением.

«Это очень хорошо,—пишет Ленин,—но не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о точке зрения равновесия? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму».

Таким образом богдановскую формулировку насчет точки зрения равновесия Ленин считает необходимым заменить диалектико-материалистической формулировкой о «необходимости известной пропорциональности». Действительно «необходимость известной пропорциональности» сохраняется в самых различных общественно-экономических формациях. Однако при этом само собою разумеется, что как механизм установления этой пропорциональности, так и ее конкретное содержание всегда определяется специфическими особенностями той или иной социальной формы производства.

Значение социальной формы производства совершенно игнорируется механистической теорией равновесия. Забвение материалистической диалектики обрекает т. Бухарина на повторение оши-

бок Богданова, на постоянные шатания между формулировками, протягивающими не только палец, но и целую руку идеализму, солипсизму и тому подобными формулировками в духе вульгарно-механического материализма. Здесь мы имеем лишнее доказательство того общеизвестного положения, что успешную борьбу против всякого рода идеалистических вывихов и опасностей можно вести лишь при помощи остро отточенного оружия марксистско-ленинской диалектики, но ни в коем случае не при помощи тупых и ржавых доспехов механического материализма.

Смазывание значения социальной формы производства достаточно отчетливо замечается в ряде теоретических работ т. Бухарина. В своей «Экономике переходного периода» т. Бухарин писал: «Мы брали общество как систему элементов *in natura*». Ленин, прочитав эту фразу, выразил свои чувства замечанием на полях: «Караул!» В другом месте той же «Экономики» т. Бухарин писал, что «необходимо брать натуральную форму вещей и рабочих сил, в этих единицах вести счет и самое общество рассматривать как организацию элементов в их натурально-вещественной характеристике». В полном согласии с этим своим «натурально-вещественным» подходом к обществу т. Бухарин дает в своей «Теории исторического материализма» следующее определение производственных отношений:

«Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени».

Сведение социальных отношений к «пространственной расстановке» чрезвычайно характерно для механического метода, признающего лишь односторонне аналитическое сведение высших форм движения к низшим, игнорирующего поэтому всю специфичность, всю качественную определенность, всю несводимость высших форм движения.

Механисты полагают, что производственные отношения людей, понимаемые не в бухаринском смысле их пространственной расстановки, а в марксистском смысле специфически социальных отношений, в смысле социальной формы производства,—недостаточно «материальны». Для «материализации» производственных отношений механисты считают необходимым их полное приковывание к производительным силам, превращающее производственные отношения в пассивный рефлекс производительных сил.

Ленин относился в высшей степени отрицательно к этому смазыванию социальной формы производства.

В своей «Экономике» т. Бухарин писал:

«Задачи, стоящие перед пролетариатом, в общем и целом, формально, т. е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве...»

Ленин в этом месте сделал следующее замечание «Моя» (т. е. бухаринская.—А. Л.) богдановская схоластика понятий—есть главный враг «мой».

Ленин считал таким образом схоластикой всякие рассуждения о воспроизводственном процессе, взятом независимо от его социального содержания, чисто формально. Но мы уже видели выше, что фактически эту же самую ошибку т. Бухарин повторяет ныне в своих «Заметках экономиста» при рассмотрении вопроса о советских кризисах и о процессе воспроизводства в советской экономике. И в настоящее время т. Бухарин при анализе воспроизводственного процесса в советском хозяйстве ищет известные общие формальные моменты, которые действуют «независимо от социального содержания процесса». Как мы видим, он эти моменты находит в «пропорциях» и «сочетаниях», обеспечивающих какой-то метафизический «нормальный» ход воспроизводства. Мы видим здесь лишний раз, как тесно и непосредственно связаны глубоко методологические механические ошибки т. Бухарина с его вопиюще-неправильным освещением актуальнейших проблем современности.

1. Всеобщий и универсальный закон для всех времен и народов. — 2. Необходимость пропорционального распределения труда и ее осуществление в различных общественных формациях. — 3. Закон трудовых затрат — псевдоним закона ценности.

1.

Переходим к характеристике основного камня всей бухаринской концепции советской экономики — к его теории насчет «закона трудовых затрат». До чрезвычайности характерно, что истоки этой теории ведут к родоначальнику всех антидиалектических ошибок в марксистской экономической литературе последнего периода — к А. Богданову.

В своем выступлении в Коммунистической академии по докладу Преображенского в январе 1926 г. покойный А. Богданов выставил следующее положение:

«Закон трудовой ценности при капитализме есть закон, по которому распределение производственных элементов регулируется трудовыми затратами; и вот в сущности как раз этот же закон по необходимости проводится государственным хозяйством даже тогда, когда оно является монопольным покупателем, проводится по отношению к противостоящему индивидуальному хозяйству».

Далее он продолжает:

«Дело в том, что если при капитализме стихийным регулятором являются трудовые затраты и если при переходной формации регулятором, в несколько более планомерной форме, являются трудовые затраты и при социализме регуля-

¹ Более подробный разбор «закона трудовых затрат» читатель найдет в нашей брошюре под тем же названием, изд. «Московский рабочий», М. 1929.

тором должны явиться трудовые затраты,—то разве вы не видите, что тут есть некоторая общая закономерность?»

Отсюда Богданов делает следующий вывод:

«Действие данного закона в одном случае осуществляется более стихийно, в другом—более планомерно, но это один и тот же закон,—закон трудовых затрат, одно и то же соотношение».

В сущности эта же центральная идея лежит в основе построенный т. Бухарина насчет закона трудовых затрат. В своих статьях против Преображенского, озаглавленных «К вопросу о закономерностях переходного периода», т. Бухарин формулирует свою концепцию закона трудовых затрат, основные идеи которой сводятся к следующему.

По мнению т. Бухарина закон трудовых затрат есть необходимое условие общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях. Он может иметь разные «формы проявления». В товарно-капиталистическом обществе он надевает на себя фетишистский костюм закона ценности. В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат—и только, ибо «сущность» ценности, как исторической категории, состоит в ее фетишистском характере. Но так же мало можно отвлекаться от «надисторического» (т. е. свойственного всякому обществу в более или менее «нормальных» условиях) материально-трудового «смысла» этой категории. Закон трудовых затрат—голенький или в костюме—оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни в самых различных общественно-экономических формациях.

Отсюда т. Бухариным делается вывод, что закон ценности не может перерасти ни во что иное, как в закон трудовых затрат. Этот закон есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Стало быть речь может идти лишь о смене его (этого закона) общественной формы. Процесс победы социалистического, планового начала есть не что иное как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т. е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора.

Таким образом материальное содержание закона остается неизменным, меняется лишь его общественная форма. Закон трудовых затрат представляет собою, несмотря на смену

своей формы проявления, один и тот же по своему материальному содержанию регулятор.

К этому сводится основное содержание богдановско-бухаринского учения насчет закона трудовых затрат. Основной порок этой теории заключается в том, что общественные отношения товаро-производящего общества рассматриваются лишь как «греховное белье», надетое на неизменное материальное содержание некоего «закона природы». Основные грехи механической методологии—забвение специфичности, смазывание качества, недиалектическое представление о взаимоотношении между формой и содержанием, одностороннее «сведение» более высоких форм движения к более простым—составляют базу этой теории.

Выше мы уже видели, как Ленин относился ко всякой попытке сведения в богдановском стиле специфических проблем к общим признакам, действующим независимо от социального содержания процесса производства. Такие попытки Ленин считал порождением богдановской схоластики понятий.

Закон трудовых затрат является лишь частным случаем применения богдановско-бухаринской теории равновесия. Но мы уже видели выше, в чем заключаются основные грехи этой теории. Как бы предчувствуя опасность возникновения такой механической концепции, Ленин предлагал в свое время заменить богдановско-бухаринскую «точку зрения равновесия» упоминанием о «необходимости известной пропорциональности».

Закон трудовых затрат объявляется необходимым условием общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях. Этот закон есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Закон трудовых затрат оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни в самых различных общественно-экономических формациях. Но диалектика не питает особенных симпатий ко всеобщим и универсальным законам, одинаково пригодным при самых различных, при всех и всяческих общественно-исторических формациях. Мастера марксистской диалектики до сих пор обычно употребляли подобные слова лишь в порядке ядовитой иронии, лишь издеваясь над своими противниками, чуждыми диалектики (Маркс—по адресу Прудона, Энгельс—по адресу Дюринга, Ленин и Плеханов—по адресу своих многочисленных противников, в том числе и по адресу покойного Богданова).

Совершенно очевидно, что действительно различные исторические формации имеют определенные черты сходства (некоторые

общие определения), которые общи им всем, которые их «объединяют». Так само собою понятно, что «необходимость известной пропорциональности» относится именно к числу таких общих признаков.

Но в то же время различные исторические формации обладают чертами различия и отличия, специфическими характеристиками, которые отличают, отделяют одну формацию от другой и от остальных вообще. Возникает однако вопрос: можно ли в процессе познания «особой исторической формации» оторвать общие определения от ее специфических черт отличия? Марксистская диалектика отвечает на этот вопрос отрицательно. Диалектика нас учит, что общие моменты не существуют и не могут существовать вне особенных, специфических черт.

В своем «Введении к критике политической экономии» Маркс с исчерпывающей полнотой и ясностью освещает вопрос о роли и значении этих общих моментов, общих определений. Мы у Маркса читаем:

«Определения, которые приложимы к производству вообще, должны быть проанализированы, чтобы существенные различия не были забыты ввиду единства, которое обусловлено уже тем, что как субъект—человечество, так и объект—природа существуют на всех ступенях».

Итак самый анализ абстрактного понятия должен предохранить нас от забвения всего конкретного своеобразия реальной действительности. И Маркс с особой силой обрушивается на экономистов, «доказывающих вечность и гармонию существующих социальных отношений» тем, что «они забывают об этих различиях, доказывая например, что никакое производство не возможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука, и что никакое производство не возможно без предшествующего накопленного труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь сноровку, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений». Ту же в сущности мысль Маркс повторяет и в отношении понятия «распределения»:

«Какие бы различные формы ни принимало распределение на различных ступенях общественного развития, о нем так же, как и о производстве, могут быть высказаны общие положения, и все исторические различия опять-таки могут быть слиты и погашены в общечеловеческих законах».

И свое исследование вопроса о «производстве вообще» великий диалектик резюмирует следующим образом:

«Имеются определения, общие всем ступеням производства, которые, как общие, фиксируются мышлением; однако все так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства».

Согласно бухаринской теории свойственный товарно-капиталистическому хозяйству закон ценности не может перерасти ни во что иное, как в закон простых трудовых затрат, и иное «перерастание» является вопиющей чепухой. Процесс дефетишизации основного общественного регулятора понимается как процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат. Этот закон, который остается единственным регулятором на всех стадиях развития, раньше действовал в фетишистском костюме ценности, а в переходном хозяйстве он постепенно от этого костюма освобождается с тем чтобы при социализме продолжать свое существование в совершенно голом виде.

Мы видели выше, как Маркс относится к понятию «производства вообще», «распределения вообще» и т. д. Легко себе представить, как бы Маркс реагировал на утверждение, будто товарно-капиталистическое производство может перерасти только в «производство вообще», и что всякое иное перерастание есть вопиющая чепуха. Или, скажем, что наемный труд капиталистического хозяйства может перерасти лишь в простейшую абстракцию труда вообще. Совершенно очевидно, что с точки зрения диалектического материализма товарно-капиталистическое производство «перерастает» в социалистическое производство, равно как наемный труд капиталистического общества «перерастает» в труд ассоциированных производителей, характерный для социализма.

В настоящее время мы имеем на этот счет совершенно недвусмысленное свидетельство Ленина. По поводу замечания т. Бухарина в его «Экономике переходного периода» насчет превращения товара в продукт Ленин сделал следующее замечание:

«Неточно (товар) превращается не в продукт», а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок».

Ленин хотел таким образом подчеркнуть, что продукт, сбросив с себя товарную форму, отнюдь не превращается в какой-то абстрактный и бесформенный «продукт вообще», что в этом случае он носит на себе другую характеристику, вытекающую из его новой общественной формы. В применении к интересующему нас в данной связи вопросу отсюда следует, что не может быть и речи о перерастании закона ценности в закон трудовых затрат, объявленный «неизменным материальным содержанием» того же закона ценности. На самом же деле закон ценности может перерасти лишь в плановый регулятор социалистического общества, в плановый метод распределения общественного труда и регулирования общественного производства.

«Подведение множества случаев под один общий принцип Гегель никогда не называл диалектикой»,—писал Маркс, соглашаясь в этом случае с Гегелем полностью.

Даже т. Бухарин, стремясь «множество случаев» подвести под «один общий принцип» своего богдановского закона трудовых затрат, не мог не заметить некоторых проистекающих отсюда неудобств. Так например он поставил перед собою вопрос: каким образом этот неизменный по своему материальному существу регулятор приводит в разных общественных структурах к самым разнообразным явлениям в области хозяйственной жизни и различным пропорциям между отраслями производства, к различным соотношениям, к различным темпам хозяйственного развития?

Пытаясь ответить на этот вопрос, т. Бухарин рассуждает следующим образом: в каждом обществе производство есть способ удовлетворения потребностей. Совокупное рабочее время распределяется между отдельными производствами, в целом удовлетворяющими—худо ли, хорошо ли—эти потребности. В организованных обществах это выражается в хозяйственном плане. В товарном хозяйстве действует закон ценности. Ответ на поставленный выше вопрос сводится, по мнению т. Бухарина, к следующему: механизм, опосредствующий действие закона трудовых затрат (или закона ценности, как исторической формы этого всеобщего закона), решает дело. А закон остается все же единственным регулятором на всех стадиях развития.

Здесь совершенно очевидно выступает внутренний порок всей теории относительно закона трудовых затрат. Ведь в самом деле, либо «опосредствующий механизм» играет такую значительную роль, что ни о каком универсальном и всеобщем законе не может быть и речи, либо решающее значение остается за «неизменным

материальным содержанием» закона, и тогда оговорка насчет опосредствующего механизма отнюдь не решает дела.

2.

Маркс и Ленин неоднократно упоминают о необходимости пропорционального распределения труда в обществе. С точки зрения марксизма однако совершенно ясно, что само это распределение общественного труда в определенных пропорциях представляет собою процесс, который не только по своей форме (тем более по своей форме проявления), но и по своему материальному содержанию чрезвычайно различен при различных общественно-исторических формациях. В этом нетрудно убедиться, если дать себе труд подумать, что собственно следует понимать под распределением общественного труда в определенных пропорциях. Пропорциональное распределение общественного труда включает в себя в качестве составных частей целый ряд элементов, природа которых в корне различна при различных общественно-исторических формациях. Для целей наглядности назовем лишь наиболее яркие из этих элементов. Совершенно очевидно например, что с точки зрения пропорционального распределения общественного труда вовсе не безразлично классовое строение общества. Какое количество членов общества исключается из пропорционального распределения труда—в качестве ли бездельников-тунеядцев из господствующих классов или в качестве вынужденных «отдыхать» безработных в капиталистическом хозяйстве,—все это как будто не может считаться безразличным для осуществления пропорционального распределения труда в обществе. Не может считаться безразличным и другая сторона, связанная с классовой структурой общества: то количество труда, которое общество получает от каждого из своих членов. Абсолютно ясно, что это количество будет одним в патриархальном обществе, другим—при строе самостоятельных городских ремесленников, третьим—в царстве капиталистической эксплуатации, где рабочего гнетет «костлявая рука голода», четвертым—в социалистической коммуне будущего.

Но не только изменчивое классовое строение общества не остается «равнодушным» к материальному содержанию процесса пропорционального распределения труда. Разве не очевидно, что при различном уровне развития общественной техники, при раз-

личных пропорциях между живым и мертвым трудом, при различных соотношениях между двумя основными подразделениями (выражаясь в терминах марксовых схем воспроизводства)—материальное содержание процесса пропорционального распределения общественного труда будет чрезвычайно различным? Смешно например ставить вопрос о соотношениях между производством средств производства и производством средств потребления применительно к общественному хозяйству дикарей, у которых камни и палки исчерпывают весь нехитрый арсенал средств производства. Однако этот же вопрос отнюдь не смешно ставить в отношении современного хозяйства, базирующегося на гигантски сложных аггломератах разнообразных средств производства. Помимо проблемы пропорционального распределения живого человеческого труда общества, на определенной исторической ступени развития встает тесно связанная с предыдущей проблема распределения труда накопленного, материально-технических элементов производственного процесса. Эти проблемы в исторически данном классовом обществе теснейшим образом сплетаются с явлениями классовых отношений, антагонизмов, борьбы.

Всю эту сложную многогранную реальность исторической действительности концепция «закона трудовых затрат» обескровливает в пустой и тощей абстракции. Суть проблемы представляется в упрощенном до чрезвычайности виде.

Мы видим таким образом, что под законом трудовых затрат можно понимать, в сущности говоря, одно из двух: либо самый факт необходимости пропорционального распределения трудовых затрат общества на любой ступени его развития, либо определенный и неизменный способ (неизменный не по своей форме, а, скажем, по своему материальному содержанию) пропорционального распределения трудовых затрат.

Нетрудно заметить, что именно в первом смысле говорится о «необходимости разделения общественного труда в определенных пропорциях» в цитируемом обычно письме Маркса к Кугельману. Здесь совершенно явно имеется в виду самый факт необходимости пропорционального разделения труда. Эта необходимость является своего рода законом природы. Нельзя себе представить, что если в современном обществе труд распределяется пропорционально, то в будущем обществе он будет распределяться диспропорционально, точно так же, как нельзя себе представить, что если в современном обществе основой общественной связи является труд, производительная деятельность об-

щественного человека, то в будущем обществе основой общественных отношений станет, скажем, игра на флейте.

Таким образом самый факт необходимости пропорционального распределения труда абсолютно ясен и бесспорен. Эта необходимость действует, сохраняет свою силу, независимо от исторической общественной формы. Признание этого факта, понимание этой необходимости представляет собою абсолютно необходимое звено на определенной ступени теоретического анализа. Непонимание этого простого факта свидетельствует о «полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода». На определенной ступени абстрактного анализа понимание факта необходимости пропорционального распределения труда, независимо от общественной формы, представляет собою абсолютно необходимую предпосылку. Однако метод Маркса характеризуется не односторонним сведением качественно различных явлений к однообразной, серой абстракции; Маркс идет по пути выведения сложных, богатых определениями, категорий из более простых. Отсюда ясна полная недопустимость превращения простой категории, необходимой на определенной ступени абстрактного исследования, во всеобщий и универсальный закон, пригодный для всех времен и всех народов. Такое употребление научного орудия не по прямому назначению приводит лишь к пустым и бессодержательным определениям. И в самом деле, если мы о какой-либо общественной формации можем сказать лишь, что в ней действует необходимость пропорционального распределения труда, то это, иными словами, означает, что мы об этой формации не можем сказать решительно ничего. Познавательная ценность подобного утверждения не выше того, что нам дают классические примеры тривиальных утверждений: Волга течет в Каспийское море, лошади едят овес. Так обстоит дело с законом трудовых затрат, если в виде этого «универсального и всеобщего закона» представлять самый факт необходимости пропорционального распределения труда, факт, о котором Маркс упоминает не как об универсальном и всеобщем законе, а лишь как о необходимой ступени в теоретическом анализе.

Нетрудно заметить, что изложение своей теории «закона трудовых затрат» т. Бухарин начинает именно с понимания этого закона в первом смысле. Однако бессодержательность этой трактовки столь очевидна, что на этой ступени т. Бухарин долго не задерживается и незаметно переходит к пониманию закона

трудовых затрат во втором смысле. Под этим законом понимается уже не самый факт необходимости пропорционального распределения труда, не принцип этот в его предельной абстракции, а вполне определенное осуществление этого принципа, вполне определенный способ и характер, вполне определенное, выражаясь подлинными словами т. Бухарина, «материальное содержание» принципа пропорционального распределения трудовых затрат.

С особой отчетливостью это понимание закона трудовых затрат во втором смысле обнаруживается в тех случаях, когда т. Бухарин пытается конкретнее изобразить значение и порядок действия своего «закона». Констатируя тот бесспорный факт, что у нас в порядке плана цены в своей полуфиктивной роли складываются сознательно иначе, чем они складывались бы стихийно, т. Бухарин тут же делает весьма многозначительную оговорку:

«Но это ни в малой степени не значит, что здесь есть нечто, противоречащее закону пропорциональных трудовых затрат. Наоборот, здесь есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании устанавливалось бы *post festum*»¹.

Таким образом вся разница между регулятором капитализма и регулятором, действующим в переходном хозяйстве в виде закона трудовых затрат, сводится к тому, что закон трудовых затрат в порядке предварительного сознательного предвосхищения устанавливает те же (по своему материальному содержанию) пропорции в общественном процессе воспроизводства, которые при действии закона ценности устанавливались бы бессознательно, стихийно.

Далее т. Бухарин делает следующее замечание:

«Когда мы говорим о нашем хозяйственном росте на основе рыночных отношений (это есть «смысл» нэпа с известной точки зрения), то тем самым мы опровергаем тезис о противопоставлении социалистического накопления (даже) закону ценности. Фигурально говоря, мы и закон ценности заставляем служить нашим целям. Закон ценности «помогает» нам и—как это ни странно звучит—тем самым подготавливает свою собственную гибель»².

Здесь абсолютно правильна мысль, что нельзя противопоставлять закону ценности социалистическое накопление. Это две ка-

¹ Н. Бухарин, К вопросу о закономерностях, стр. 52—53.

² Там же, стр. 53—54.

тегории, несопоставимые уже по той простой причине, что они расположены в различных плоскостях. Все остальное содержание этого замечания не может не вызывать серьезных недоумений. Прежде всего следует заметить, что «смысл нэпа» сводится к сохранению рыночных отношений действительно лишь с известной (и притом весьма определенной) точки зрения. В настоящее время, когда лозунг неограниченной свободы рынка стал знаменем капиталистических групп, это совершенно ясно. Далее, разве отношения между плановым началом в нашем хозяйстве и законом ценности—этим самодержцем неограниченной рыночной стихии—в самом деле исчерпываются той идиллией, которую рисует т. Бухарин? Разве вся роль закона ценности сводится к тому, что мы заставляем его служить своим целям и он самым послушным образом нам помогает?

Нет сомнения, что в сложных взаимоотношениях плана и стихии в советской экономике известную роль играет и момент «использования». Однако сводить к этому все дело—значит не видеть чрезвычайно существенной стороны, которая заключается в борьбе между планом и стихией, в борьбе за план, в форме и под флагом которой разворачивается реальная классовая борьба в нашей стране. Впрочем такое «сведение», такое одностороннее понимание взаимоотношений между планом и стихией вполне соответствует той точке зрения, согласно которой «смысл нэпа» заключается в сохранении рыночных отношений, а закон ценности «перерастает в закон трудовых затрат», под которым подразумевается не что иное, как «неизменное материальное содержание» закона ценности.

3.

Еще ярче, пожалуй, второй вариант понимания закона трудовых затрат выступает в «Заметках экономиста», где т. Бухарин писал:

«Сам закон накопления предполагает существование другого закона, на основе которого он «действует». Что это—закон трудовых затрат или что-либо иное,—в данном случае для нас безразлично. Ясно одно: если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо регрессирует. Этот закон «годится» и для зерно-

вого хозяйства. Если соседние отрасли производства находятся в сельском хозяйстве в лучшем положении, происходит процесс перераспределения производительных сил»¹.

Здесь прежде всего бросается в глаза, что зерновое хозяйство рассматривается как некое единое целое, в то время как всем известно, что в условиях переходного хозяйства производство зерна протекает в различных социальных формах. Необходимо иметь в виду по крайней мере четыре уклада, на которые распадается зерновое хозяйство. Зерно производится, как известно каждому, в хозяйствах натурального типа, простого товарного типа (беднячко-средняцкая масса индивидуальных хозяйств), типа капиталистического (кулацкие хозяйства) и типа обобщественного, социалистического (совхозы и колхозы). Если даже отбросить элементы натурального хозяйства, то остаются все же три хозяйственных уклада. Можно ли объединить эти три уклада под одним «законом», который в одинаковой степени «годится» для всех? Совершенно очевидно например, что в настоящий период форсированной борьбы против капиталистически-эксплуататорских элементов советская хозяйственная политика отнюдь не руководствуется по отношению к кулацким хозяйствам—производителям зерна—тем принципом, что им следует непременно возмещать издержки производства плюс известную надбавку. Наоборот, при помощи индивидуального обложения и прочих мер мы стремимся свести до минимума ту часть прибавочного продукта, которая сосредоточивается в руках кулаков. Кулачество отвечает на это, как известно, сплошь и рядом сокращением посевов. Задача сводится к тому, чтобы это сокращение кулацких посевов, в известном смысле неизбежное и естественное в условиях обострившейся классовой борьбы в деревне, компенсировать и перекрыть расширением зерновых посевов беднячко-средняцкого крестьянства и обобщественного сектора. Поэтому зерновые хозяйства последних двух типов должны быть поставлены в значительно лучшие условия по сравнению с кулацким хозяйством. Совхозы, например, для своего расширения требуют не только возмещения издержек производства плюс, известной надбавки, соответствующей части прибавочного труда. Как это ясно каждому, форсированное строительство гигантских зерновых совхозов требует от государства на первых порах затраты довольно крупных средств, которые черпаются вовсе не обязательно из той же отрасли зернового хозяйства.

¹ Н. Бухарин, Заметки экономиста, стр. 33.

Стало быть при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что «закон», который, по мнению т. Бухарина, «годится» для зернового хозяйства, как повидимому, и для всех других отраслей народного хозяйства, на самом деле вряд ли вообще куда-нибудь годится, ибо он оставляет совершенно в стороне главное, а именно: социально-классовую характеристику хозяйственных единиц. Любопытно, что в этой именно связи т. Бухарин сам делает замечание насчет своего «закона»: «Что это—закон трудовых затрат или что-либо другое,—в данном случае для нас безразлично». Справедливость требует признать, что закон трудовых затрат в том смысле, в каком он выступает здесь, действительно чрезвычайно напоминает «что-либо другое». В самом деле, здесь говорится об издержках производства, которые вовсе не являются логической категорией всякого хозяйства вообще, а представляют собою, напротив, историческую категорию товарно-капиталистического хозяйства, возникающую и действующую на основе закона ценности. Далее, представление об отдельных «отраслях производства» здесь целиком и полностью соответствует бессубъектному товаропроизводящему обществу, в котором действительно «процесс перераспределения производительных сил» между отраслями регулируется тем законом насчет «издержек производства плюс известная надбавка», который выставляется в качестве «годного» и для советской экономики. ¹

Несколько лет тому назад один из советских экономистов писал:

«Для товарно-социалистической системы остается обязательным равновесие между спросом и предложением на рынке и соответствующее образование или установление цен—соответствие цен издержкам производства» ¹.

Этот экономист однако открыто заявил, что по его мнению в советской экономике господствует закон ценности. Этот же автор считает, что «нормальные» плановые элементы нашего хозяйства вовсе не ликвидируют товарного хозяйства и не вытесняют его.

И действительно, если признать, что закон издержек производства господствует в нашем хозяйстве, тогда нет решительно никаких оснований отрицать действие закона ценности на основе которого только и может идти речь об издержках производ-

¹ Проф. Юровский, ст. в «Вестнике финансов» № 12 за 1926 г., стр. 17. Разрядка наша—А. Л.

ства. Таким образом «закон трудовых затрат» в его втором смысле чрезвычайно мало отличается от закона ценности. Если понимать под законом трудовых затрат неизменное материальное содержание закона ценности, то спор о том—господствует ли в нашем хозяйстве закон ценности или закон трудовых затрат, является в значительной степени бессодержательным спором о словах. Закон трудовых затрат выступает в этом случае до поры до времени как псевдоним, как стыдливое покрывало закона ценности. При первом же прикосновении критики это покрывало спадает, псевдоним раскрывается.

Концепция «закона трудовых затрат» легко может стать чем-то вроде теоретического обоснования для платформы открыто оппортунистического правого уклона.

Эта концепция исходит из того, что если мы и можем находить необходимые хозяйственные пропорции своими плановыми методами, то эти методы во всяком случае не противоречат материальному содержанию закона ценности. Если на словах признается общее положение о том, что при капитализме пропорции были бы иные, нежели у нас, то на деле вся концепция всеобщего и универсального регулятора, с неизменным материальным содержанием, оставляет до чрезвычайности мало места для отклонения наших пропорций от пропорций, устанавливающихся в «нормальном» товарно-капиталистическом хозяйстве. Между тем курс партии на решительное осуществление индустриализации страны и социалистической переделки деревни базируется на необходимости и возможности установления в нашем хозяйстве существенно иных пропорций между отдельными элементами народнохозяйственного целого, нежели те пропорции, которые были бы присущи товарно-капиталистическому хозяйству в нашей стране. Совершенно очевидно, что советская экономическая система благодаря особенностям своей классовой структуры, благодаря изменившемуся типу связи с внешним миром, благодаря изменившемуся характеру производственных отношений таит в себе возможности установления иных по своему материальному содержанию пропорций в хозяйственной жизни, нежели пропорции, устанавливаемые в «обычном» хозяйстве товарно-капиталистического типа. Поставленные нашей партией задачи социалистического строительства обуславливают необходимость установления во многих случаях иных материально-производственных пропорций по сравнению с пропорциями, диктуемыми законом ценности. Эти истины могут считаться в достаточной

мере элементарными. Одно из преимуществ советской системы хозяйства заключается например, в значительном сокращении непроизводительного потребления благодаря уничтожению значительной доли непроизводительных доходов нетрудовых, эксплуататорских классов. Но в переводе на материально-производственный язык это означает, что значительно меньшая доля трудовых и материальных ресурсов затрачивается на обслуживание этих паразитарных «потребностей»: на производство предметов роскоши, на область личных услуг и т. п. Курс на индустриализацию страны обуславливает существенно иные материальные пропорции в области связей с внешним миром, нежели свободное действие закона ценности. Политика наступления на капиталистические элементы города и деревни требует также соответствующих материальных пропорций в том смысле например, что должно возрасти производство сельскохозяйственного инвентаря, машин, тракторов, искусственных удобрений. Все эти элементы для крупного хозяйства коллективного типа необходимы в значительно больших пропорциях, чем для кулацких хозяйств того же размера, базирующихся на хищнической, кабальной эксплуатации батрацкого и бедняцкого труда.

Оставляя без малейшего внимания все эти существенные отличия в деле установления материальных пропорций, свойственные советской экономике, концепция «закона трудовых затрат» предоставляет широкий простор для неправильного объяснения причин и природы наших хозяйственных затруднений нынешнего периода. Из той предпосылки, что «закон трудовых затрат» годится, мол, и для советского хозяйства, делается вывод о том, что современные нарушения равновесий в хозяйстве вызваны исключительно неправильным установлением хозяйственных пропорций вследствие чересчур быстрого темпа индустриализации страны и наступления на капиталистические элементы. При этом совершенно забываются диспропорции, унаследованные от прошлого, оставляются в стороне те особые методы преодоления этих диспропорций, которые свойственны советскому хозяйству. Принцип равновесия объявляется высшим критерием в деле планирования. Равнение на узкие места выставляется в качестве высшей мудрости хозяйственной политики.

Мы полагаем, что к закону трудовых затрат вполне применима, с соответствующими изменениями, та критика, которой Ленин подверг другой «универсальный» закон, пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Напомним в двух словах резюме ленинской критики.

«К чему сводится «очевидность» пресловутого «закона убывающего плодородия почвы»?—спрашивал Ленин.—К тому, что если бы последующие приложения труда и капитала к земле давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продуктов, то тогда незачем было вообще расщурять запашки... тогда «земледелие всего земного шара можно было бы уместить на одной десятине».

Таков обычный (и единственный) довод в пользу «универсального» закона.

«И самое небольшое размышление покажет всякому,— продолжает Ленин,—что этот довод представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил»¹.

Как мы видели выше, закон трудовых затрат также «оставляет в стороне самое главное», в данном случае—различие общественных формаций. Поэтому, на наш взгляд, к закону трудовых затрат вполне применима та характеристика, которую Ленин дает закону убывающего плодородия:

«Вместо универсального закона мы получаем следовательно в высшей степени относительный «закон», настолько относительный, что ни о каком «законе».. не может быть и речи».

¹ Ленин, т. IX, стр. 46—47. Разрядка наша.— А. Л.

1. Забвение классовой борьбы в переходный период. — 2. Вростание «кулацких гнезд» в социализм. — 3. Оппортунистическое извращение ленинского учения о смычке. — 4. Ленинский кооперативный план в кривом зеркале т. Бухарина.

1.

В своих тезисах «о диктатуре пролетариата» Ленин писал:

«Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами» — это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы. Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах»¹.

У Ленина можно без труда найти десятки мест, где повторяется и подчеркивается мысль о том, что диктатура пролетариата не означает мгновенной ликвидации классовой борьбы, что она сама является лишь формой классовой борьбы пролетариата за социализм.

Современные правые оппортунисты исходят из совершенно иных представлений о роли классовой борьбы в переходный период. Марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы они подменяют пошло-либеральной теорией классового мира. Эти оппортунистические воззрения, чрезвычайно опасные и вредные как в теории, так и на практике, базируются на целом ряде ошибок т. Бухарина, допущенных им в разное время и объединенных им в последний период в оппортунистическую систему взглядов по этому кардинальнейшему вопросу.

Ошибки т. Бухарина в области понимания классовой борьбы в переходный период базируются на той же методологической основе, что и его ошибки по другим важнейшим вопросам. За-

¹ III Ленинский сборник, стр. 511.

мена марксистско-ленинской диалектики механистической методологией Богданова и в данном случае является общетеоретической основой право-оппортунистической идеологии.

Уже в своей «Экономике переходного периода» т. Бухарин всячески старался даже слово «классы» заменять вычурными формулировками вроде «общественно-людские группировки», «людские элементы общественной системы». Здесь он таким образом даже в своей терминологии смазывал классовую структуру переходного общества. Неудивительно, что Ленин по поводу этих упражнений, сделал на полях следующее замечание: «Эта терминология, умышленная замена классов группировками и т. п. не есть ли шаг назад к «социологии» в кавычках?»

Мы уже видели, что механистическая методология приводит к грубо-натуралистическим представлениям об обществе. Механист игнорирует значение производственных отношений, как социальной формы развития производительных сил. Механист не только социальной формы апеллировать к производительным силам, взятым сами по себе, вырванным из их социальной формы, каковой является экономическая структура общества, совокупность общественных производственных отношений. Считая общественные производственные отношения между людьми недостаточно материальными, механист либо толкует их в грубо-натуралистическом смысле «пространственной расстановки людей» (Бухарин), либо «сводит их без остатка к техническим производственным отношениям, игнорируя их специфичность. Забвение того огромного значения, которое имеет социальная форма производства в переходный период, жестоко мстит за себя. Именно забвение специфической общественной стороны производственного процесса приводит например т. Бухарина к тому, что он толкует о необходимости «вести такую политику, которая дала бы простор наиболее полному развитию производительных сил»¹. Такая постановка вопроса порочна в своей основе, ибо она оставляет в стороне самое важное, а именно—вопрос о том, в какой социальной форме будут развиваться эти производительные силы, какие производственные отношения на базе их роста будут укрепляться, в руках какого класса эти растущие производительные силы находятся.

Богдановская теория равновесия сослужила т. Бухарину особенно скверную службу в вопросе о классовой борьбе в пере-

¹ Бухарин, Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок, стр. 45.

одный период. В своей «Теории исторического материализма» Бухарин выставил следующее положение:

«Общество—худо ли, хорошо ли—живет в природе: оно более или менее к ней «приспособлено», так или иначе оно находится с ней в равновесии. И различные части общества все же, поскольку общество живет, так прилажены друг к другу, что возможно их одновременное существование: сколько лет существовал капитализм с капиталистами и рабочими!»¹.

Вместо внутренней противоречивости каждой отдельной общественной структуры здесь на первый план выдвигается противоречие между обществом, как целым, и средой, как величиной, определяющей равновесие.

Эпоха диктатуры пролетариата с этой точки зрения характеризуется прежде всего установлением нового равновесия между обществом и средой. Внутренняя противоречивость общества отходит на второй план.

«Прочность всякого структурного равновесия,—пишет т. Бухарин в «Экономике переходного периода»,—т. е. равновесие между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой» (стр. 87—88).

Здесь богдановская теория равновесия провозглашается таким образом исходным пунктом для анализа общества переходного периода. Нетрудно себе представить, какое решение получают основные проблемы переходного периода при таком исходном пункте. И действительно, во всех случаях, когда т. Бухарин в последние годы подходил к решению основных вопросов советского хозяйства с этим грузом богдановской теории равновесия, он давал вопиюще-неправильные решения.

Прежде всего, как с этой точки зрения следует расценивать всякие случаи обострения классовой борьбы, обострения классового сопротивления эксплуататоров развернутому социалистическому наступлению?

Будучи верен своей богдановской теории равновесия, исключая внутренней противоречивость явления, т. Бухарин отвечал на этот вопрос следующим образом:

«Когда кулаки или наживающиеся за чужой счет и про-

¹ Бухарин, Теория исторического материализма, стр. 74.

лезшие в органы советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. Однако такие случаи бывают обычно там, где еще советский аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления низовых ячеек советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более и более редкими, в конце концов бесследно исчезнут»¹.

Нетрудно заметить, что здесь действительное положение вещей поставлено на голову. «Проявление классовой борьбы в самой острой форме», оказывается, возможно лишь там, где произошло засорение советского аппарата. Там разумеется налицо известное внешнее обстоятельство, нарушающее гармонию «структурного равновесия». Как быть однако с теми случаями, когда кулачество ведет «классовую борьбу в самой острой форме» против доподлинных органов советской власти и советской общественности, когда эта борьба отнюдь не вызывается ошибками местных органов власти, как это допускал еще т. Бухарин в другом месте, а вызывается, напротив, именно «улучшением и усилением местных деревенских партийных и комсомольских организаций», именно четкой классовой линией местных советских органов, ведущих наступление против капиталистических элементов деревни? Легко понять, что эта конкретная картина живой действительности никак не укладывается в искусственную схему т. Бухарина.

Эта схема требует совершенно иного представления насчет перспектив развития классовых соотношений в переходный период. Раз конечной целью социалистического строительства является бесклассовое общество, свободное от классовых противоречий, то процесс развития к этому бесклассовому обществу механистически представляется в виде неуклонного, постепенного и непрерывного сглаживания существующих классовых противоречий. Механистическая схема упускает из виду внутреннюю противоречивость развития, его прерывистость, диалектическое взаимодействие и диалектическую смену причин и следствий. Механистическая схема забывает о том, что лишь при помощи классовой борьбы—порой самой ожесточенной—пролетариат продвигается по пути к бесклассовому социалистическому обществу.

¹ Бухарин, Путь к социализму, стр. 54.

Забвение диалектической связи, диалектической противоречивости живой действительности классовой борьбы эпохи пролетарской диктатуры приводит к печально-знаменитой теории мирного вращивания кулака в социализм.

«Основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа, ячеек, вращивающихся в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем звеньями единой цепи социалистического хозяйства. С другой стороны, кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же через банки и т. д. вращиваться в эту же систему (систему социалистического хозяйства). Но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно например концессионным предприятиям».

Что же будет с этого рода кулацкими кооперациями в дальнейшем?—задается вопросом т. Бухарин. Ответ гласит следующее:

«Кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры»¹.

Достойным увенчанием этой теории мирного вращивания кулака в социализм является выраженная т. Бухариным надежда на то, что когда-нибудь внуки нынешних кулаков скажут нам спасибо за то, что мы так разумно поступили с их дедами.

Такое же либеральное толкование вопросов классовой борьбы т. Бухарин допускал впрочем и по отношению к городской буржуазии. Вот что он писал например о частных торговцах, в той же брошюре:

«А этот торговец является покупателем и у нашей государственной промышленности и у нашей оптовой государственной торговли; он, с другой стороны, продает—поскольку наша собственная государственная и кооперативная товаропроводящая сеть является очень слабой—наши товары в различные уголки нашей страны. При этом он конечно наживается, получает в свои руки торговую прибыль или часть этой торговой прибыли. И тем не менее, независимо

¹ Бухарин, Путь к социализму.

от своей воли, он способствует благодаря общему оживлению товарооборота и росту нашей государственной промышленности, и росту нашей государственной торговли, более быстрому оборачиванию общего капитала нашей государственной промышленности и нашей государственной торговли. Быстрее поэтому вертится машина самого производства, быстрее идет процесс накопления, и поэтому скорее увеличивается мощность нашей государственной промышленности»¹.

Этот подход к проблемам классовых взаимоотношений в переходный период нашел свое наиболее яркое выражение в выброшенном т. Бухариным лозунге: «Обогащайтесь». Несмотря на то, что т. Бухарин от этого лозунга официально отказался, признав его ошибочным, вся бухаринская концепция классовых соотношений переходной эпохи говорит за то, что этот лозунг отнюдь не был случайной обмолвкой. Напротив, он был вполне закономерным увенчанием определенной системы взглядов, пропагандируемых т. Бухариным и целым рядом его учеников, представителей так называемой «бухаринской школы».

Выступления некоторых из представителей этой школы особенно любопытны в данном отношении. На все лады они повторяют и популяризируют бухаринские идеи мирного вращивания кулака в социализм, бухаринский лозунг «обогащайтесь», бухаринское голое требование развития производительных сил. Вот что писал например один из той плеяды, А. Слепков, еще в 1928 г.:

«Середняк стоит на дороге, на пути к крепкому хозяйству, и в связи с этим новым фактом встает вопрос: как нам смотреть на перерастание этого поднявшегося середняцкого хозяйства в крепкое, зажиточное? Можем ли мы держать запруду против этого роста крестьянского хозяйства, перерастания середняцкого хозяйства в крупное крестьянское зажиточное хозяйство?»

Мы остановили наше внимание далее на том явлении, что середняк несколько поднялся, что он в целом ряде моментов и случаев стоит на пути к перерастанию в крупное хозяйство. Это есть новый факт, который требует от нас некоторых новых положений и новых выводов. Этот новый вывод заключается в том, что в настоящий период мы должны не мешать этому перерастанию среднего крестьянского хозяй-

¹ Бухарин, Путь к социализму, стр. 55.

ства в крепкое и зажиточное, ибо такое перерастание обеспечивает нам расширение базы для развития социалистической промышленности и политический союз с середняцкой массой крестьян»¹.

Другой представитель бухаринской школы, А. Айхенвальд, усиленно пропагандировал оппортунистические теории насчет мирного вращивания кулака в социализм в своем учебнике «Советская экономика», вышедшем с рекомендательным предисловием т. Бухарина. В то время как партия ставит своей задачей выкорчевывание корней капитализма в нашей стране, этот автор выдвигает совершенно иную задачу—«по-социалистически переделывать нашу внутреннюю капиталистическую мелкоту»². Айхенвальд при этом считает, что формой этой «переделки» кулака будет... кооперация: «Крупную роль сыграет объединение мелких капиталистиков в кооперацию». Итак кулаки, объединенные в кооперацию, мирно и спокойно вращиваются в социализм. Бухаринский лозунг «внеклассового» и «внесоциального» развития производительных сил Айхенвальд переводит на популярный язык следующим образом: «Наша задача—добиться того, чтобы поднималось все крестьянство»³. Он в других местах своей книги прямо пропагандирует лозунг «обогащайтесь». «Надо добиться,—пишет Айхенвальд,—чтобы была смычка между пролетарским стремлением к социалистическому хозяйству и стремлением мелкого собственника, крестьянина, к богатому хозяйству»⁴. В другом месте мы читаем: «Стремление к наживе... напор 22—24 млн. крестьянских хозяйств, стремящихся к богатству, к наживе, к торговому интересу, необходимо не уничтожить, а... направить по новому руслу и использовать эту силу, этот напор, это стремление к наживе как основу и двигатель социалистического строительства». При этом автор имеет смелость сослаться на Ленина, требовавшего, чтобы «была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя». Не трудно заметить, что Айхенвальд извращает слова Ленина, превращая мысль Ленина в прямую противоположность. В то время как Ленин имеет

¹ А. Слепков, Расширение нэпа в деревне, «Комсомольская правда» № 75 за 1928 г.

² А. Айхенвальд, Советская экономика, Гиз 1929 г., стр. 275, 278.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 32.

в виду смычку с основной беднячко-среднячком массой, которая едва «выбивается из нужды», Айхенвальд предлагает поставить ставку на смычку с кулаком, с его стремлением к наживе путем жестокой эксплуатации, путем спекуляций («торговый интерес»), путем закабаления масс трудящегося крестьянства.

С теорией мирного вращивания кулака в социализм непосредственно связано право-оппортунистическое отношение к колхозам и совхозам. Как известно, правые оппортунисты являются противниками того форсированного строительства обобществленных форм сельского хозяйства, которое непосредственно связано с усиленной работой по выкорчевыванию корней капитализма в нашей стране. Тов. Бухарин и его школа в течение ряда последних лет давали совершенно неправильное освещение этой существеннейшей проблеме современности.

В речи своей на совещании колхозов в 1926 г. т. Бухарин говорил:

«Коллективные хозяйства—это не главная магистраль, это не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство придет к социализму».

Еще раньше т. Бухарин в одной из своих статей формулировал эту же мысль:

«Нельзя утверждать, что это (колхозы) есть столбовая дорога, по которой массы крестьянства пойдут к социализму»¹.

Экономисты бухаринской школы на все лады повторяли это положение. При этом делались попытки противопоставить колхозное строительство ленинскому кооперативному плану. Развилась примерно такая теория, что путь к социализму для широких масс крестьянства (а то и для всего крестьянства, т. е. и для кулаков в том числе) лежит через кооперирование оборота, а не через обобществление производства. Один из представителей бухаринской школы, Д. Марецкий, писал например следующее:

«...ставка на колхозы, как на основной рычаг социалистической трансформации нашей деревни, противоречит взглядам т. Ленина и всей политике нашей партии и фактическому положению вещей в деревне»².

Представитель той же оппортунистической группы, Айхенвальд, писал следующее:

¹ Н. Бухарин, Новые задачи в области нашей крестьянской политики, «Правда» № 99 за 1925 г.

² Д. Марецкий, Ревизия ленинизма «слева», «Большевик» за 1925 г., № 19—20, стр. 27.

«В случаях, типичных для кооперативных способов государственного руководства, мощь социалистического сектора обеспечивает возможность прямого «вращения» мелкого товарного хозяйства в социализм»¹.

Совершенно ясно, что ежели «мелкое товарное хозяйство» прямо вращается в социализм, то задача производственной его переделки, задача переделки мелкого товарного хозяйства в крупное обобщественное по меньшей мере смазывается.

В настоящее время правые оппортунисты из всех сил стараются изобразить дело так, будто речь идет не об антиленинской теории мирного вращения кулака в социализм, а о некоторых неудачных формулировках, на которых теперь, мол, никто больше не настаивает. При этом «забывается», что еще несколько месяцев тому назад в своих выступлениях против «искусственного насаждения коммунизма в деревне» т. Бухарин целиком и полностью продолжал проводить идеи, лежащие в основе его теории мирного вращения кулака в социализм. Правые банкроты в своих попытках доказать недоказуемое не останавливаются перед прямой фальсификацией. Так они пытаются доказать, будто в определенный период не только они, но и вся партия стояла на позиции той же теории мирного вращения эксплуататоров в социализм. При этом они ссылаются на резолюцию V расширенного пленума ИККИ в 1925 г., касающуюся крестьянского вопроса. В этой резолюции мы читаем следующее:

«...Кооперативные объединения крестьянских хозяйств... в условиях капитализма неизбежно сами превращаются в капиталистические предприятия, так как зависят от капиталистической индустрии, капиталистических банков, капиталистической хозяйственной среды вообще; в условиях пролетарской диктатуры развиваются в системе других отношений и зависят от пролетарской индустрии, пролетарских банков и т. д.; другими словами, если они при капитализме вращались в систему капиталистических хозяйственных организаций, они в новых условиях будут, при правильной политике пролетарского государства, вращаться в систему социалистических хозяйственных отношений»².

В настоящее время, когда выяснилось, как правые оппортунисты истолковывают самый термин «вращение», следует при-

¹ Айхенвальд, Советская экономика, стр. 279.

² Стенограммы V расширенного пленума ИККИ, Гиз, 1925 г., стр. 535.

знать, что этот термин неудачный, так как он дает возможность и повод ко всякого рода извращенным толкованиям. Однако совершенно очевидно, что никакой критики не выдерживает попытка правых оппортунистов притянуть за волосы резолюцию пленума ИККИ для оправдания своих антиленинских взглядов. Совершенно очевидно, что в резолюции, которую правые оппортунисты сейчас пытаются задним числом «утилизировать», нет никакого намека на вращание кулака в социализм. На самом деле в резолюции речь идет о вращании в социализм кооперативных объединений крестьянских хозяйств, причем из дальнейшего текста совершенно ясно, что здесь имеются в виду хозяйства основной бедняцко-средняцкой массы крестьянства.

Водоразделом между ленинизмом и право-оппортунистической концепцией является вопрос о переделке крестьянского хозяйства. Правые оппортунисты проповедуют теорию «вращения» всех слоев крестьянства в социализм, в то время как Ленин подчеркивал необходимость коренной переделки мелкого и мельчайшего хозяйства бедняка и середняка, необходимость его обобществления, его перевода на рельсы крупного машинного товарного производства. Резолюция пленума ИККИ, на которую сейчас ссылаются правые оппортунисты, решительно подчеркивала необходимость этой переделки, которая реализуется лишь в процессе жестокой классовой борьбы. В другом пункте той же резолюции подчеркивается, что—

«...буржуазные формы постепенно вытесняются, а формы мелкого хозяйства постепенно перерабатываются (через кооперацию, через рост всех форм коллективных объединений и т. д.)».

Таким образом и слепому должна быть ясна вся беспочвенность попытки правых оппортунистов спрятаться за спиной постановления пленума ИККИ, вместо того чтобы прямо и открыто отказаться от антиленинской теории мирного вращения кулака в социализм и вбить осиновый кол в могилу этой теории, чрезвычайно опасной и губительной в современной обстановке обострения классовой борьбы.

3.

Венцом оппортунистического извращения ленинского учения о классовой борьбе в переходный период является речь т. Бухарина, названная им «Политическое завещание Ленина». В этой речи т. Бухарин при помощи соответствующего подбора и «об-

работки» отдельных высказываний Ленина, путем крайне одностороннего изложения его взглядов, предпринимает попытку причесать Ленина под дюжинного крестьянского философа. Легко понять, что подобная попытка открытого извращения ленинизма должна встретить самый решительный отпор.

Тов. Бухарин следующим образом рисует поставленную им перед собою в этой речи задачу:

«Богатства идейного наследства (Ленина) неисчерпаемы и необъятны. Я ограничиваю поэтому тему своего выступления политическим завещанием Ленина, т. е. совокупностью мыслей, которые Владимир Ильич оставил как свое последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово, как свою последнюю, самую продуманную директиву»

Тов. Бухарин тут же добавляет:

«Главнейшес из того, что завещал нам т. Ленин, содержится в пяти его замечательных и глубочайших по своему содержанию статьях: «Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации».

Прежде всего следует заметить, что совершенно неправильно искусственно вырвать последние произведения Ленина из всей сокровищницы ленинского творчества и попытаться противопоставить, как это делает т. Бухарин (в этом мы убедимся дальше), последние высказывания Ленина его прежним выступлениям. Политическим завещанием Ленина партия считает все его творчество, все оставленное политическое наследство, представляющее собою единое монолитное здание ленинизма, из которого нельзя искусственно выхватывать отдельные кирпичи. Как раз подобный метод «выборки» отдельных произведений учителя всегда характеризовал ревизионистское отношение к его учению. Так именно поступали обычно ревизионисты всех мастей.

Центральным вопросом выступления т. Бухарина является вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства.

«...Трудности, которые сейчас переживает наша страна и наша партия, еще и еще раз заставляют нас обратиться к одному из неиссякаемых источников политической мудрости,—к завещанию Владимира Ильича, и еще и еще раз самым внимательным образом просмотреть основной вопрос: об отношениях рабочего класса с крестьянством. Ибо вопросы индустриализации, хлеба, товарного голода, оборо-

ны—это все те же вопросы о рабочем и крестьянине»,—говорит т. Бухарин в своей брошюре.

Совершенно естественно, что проблема взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством является стержневым вопросом нашей политики. Это неоднократно подчеркивал Ленин. Следует заметить, однако, что Ленин всегда подчеркивал целевую установку рабоче-крестьянского блока. Приведем выдержку из его доклада о продналоге на Всероссийской конференции партии в мае 1921 г.

«Естественное дело,—говорил Ленин,—что, при условии громадного преобладания крестьянского населения, нашей главной задачей—и политики вообще и политики экономической в частности—является установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством... Главным вопросом для нас остается—и в течение долгого ряда лет неминуемо останется—правильное установление отношений между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов»¹.

Итак необходимо правильное установление взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, но эти отношения должны быть правильными именно с точки зрения уничтожения классов. И Ленин тут же чрезвычайно популярно поясняет, почему следует всячески подчеркивать последнее обстоятельство.

«На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства,—говорил он,—очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги советской власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством конечно остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят».

В такой же четкой и, пожалуй, еще более резкой форме эта мысль повторена Лениным в его заключительном слове на той же конференции:

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 257. Разрядка наша.

«Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит—руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата»¹.

Здесь дана таким образом формулировка, настолько ясная и резкая, что для каких-либо кривотолков не остается места.

Было бы однако чрезвычайной ошибкой думать, что это обстоятельство не подчеркивается в последних выступлениях Ленина, которые взялся излагать и комментировать т. Бухарин.

«Мы должны проявить,—пишет Ленин,—в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством мелкого и мельчайшего крестьянства»².

Тов. Бухарин взялся комментировать последние произведения Ленина. Мы видим, что и в последних своих произведениях Ленин неизменно подчеркивает, что рабоче-крестьянский блок следует понимать в том смысле, что рабочий класс удерживает под своим руководством мелкое и мельчайшее крестьянство. Это важнейшее условие, эту основную особенность рабоче-крестьянского блока т. Бухарин оставляет без внимания. Немудрено, что ряд кардинальных вопросов ставится им при этом и решается в корне неправильно.

Грубейшей ошибкой всего бухаринского построения является то обстоятельство, что т. Бухарин все время толкует о крестьянстве, как об единой сплошной массе. В решающих пунктах своей речи т. Бухарин «забывает» о наличии различных групп в крестьянстве и о необходимости вести различную политику по отношению к различным группам. Тов. Бухарин совершенно оставляет в тени основной завет Ленина, выраженный в чеканной формуле:

«Уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь на бедноту...»

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 270.

² Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 136. Разрядка наша.

Фактически в противовес этому действительному завету Ленина т. Бухарин проповедует союз со всем крестьянством, облыжно приписывая такую точку зрения Ленину. Именно таков смысл рассуждений т. Бухарина насчет сочетания социалистического строительства с «крестьянской войной».

Основным лозунгом нашей победы в настоящей обстановке, в нынешний период т. Бухарин считает сочетание... «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме, на этот раз в «строительной» форме. Это—главное. Это—то, на что указывал Маркс, что вопреки лассальянским традициям, вопреки всяким каутскианцам, меньшевикам и пр., является продолжением марксистских взглядов». Это свое собственное заявление т. Бухарин рискует называть «центральным положением Ленина».

Нетрудно показать, что как раз это положение т. Бухарина самым существенным образом извращает действительные взгляды Ленина. Именно Ленин всемерно и всячески подчеркивал, что союз пролетариата с крестьянством имеет различное конкретное содержание на разных этапах революции. Забывая, по своему обыкновению, одно из основных требований диалектики, заключающееся в необходимости брать процессы во всей их конкретности, заменяя конкретный анализ голой и тощей абстракцией, т. Бухарин смазывает целиком и полностью то огромное различие, которое существует между классовыми отношениями эпохи непосредственной борьбы за удержание власти и эпохи социалистической стройки. Ленин, напротив, всячески подчеркивал это различие.

О конкретном содержании рабоче-крестьянского союза в период после Октября Ленин писал:

«Союз этот против Деникина и К°—не то, что союз (этот же) в экономическом строительстве. Первый—буржуазная революция. Второй—социалистическая революция»¹.

Полная противоположность ленинского и бухаринского подхода к этому вопросу совершенно ясна. Бухарин говорит, что союз рабочих и крестьян в эпоху борьбы за удержание власти и в эпоху социалистического строительства—одно и то же; и там, мол, и тут необходимо одно и то же сочетание пролетарской революции с крестьянской войной; разница лишь, пожалуй, в форме: тогда была «военная» форма, нынче—«строительная». Иначе под-

¹ IV Ленинский сборник, 2-е изд., стр. 373.

ходил к вопросу диалектик Ленин. Раз меняется «форма» союза, то не может остаться совершенно застывшим его «содержание». Рабоче-крестьянский союз для победы над вооруженной контрреволюцией помещиков и капиталистов—это «не то, что союз (этот же) в экономическом строительстве». Здесь мы имеем величайшей исторической важности процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую. Этот процесс перерастания совершенно упускается из виду т. Бухариным.

Ленин, напротив, всячески подчеркивал значение этого различия. Он писал:

«Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии»¹

Вот это «существеннейшее различие совершенно забывается т. Бухариным. Поэтому он дает совершенно извращенное представление о действительном содержании рабоче-крестьянского блока на данном этапе.

В своей речи т. Бухарин старается создать впечатление, будто смычке с крестьянством в настоящее время грозят небывалые опасности и будто партия этих опасностей не видит. Отсюда лейтмотив всей его речи: «Величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству». О необходимости проявить «осторожность в величайшей степени» говорит и Ленин, но он при этом тут же подчеркивал, что речь идет о сохранении основных масс крестьянства под руководством и авторитетом рабочей власти. «Забывая» об этом существеннейшем обстоятельстве, т. Бухарин открывает себе путь к совершенно неправильному разрешению ряда основных вопросов.

Тов. Бухарин замечает, что ленинский план построения социализма содержится в его статье «Лучше меньше, да лучше». «Это план индустриализации и план кооперирования». Разъясняя затем, что означает индустриализация СССР, т. Бухарин всячески (правда, при помощи лишь «намёков») старается доказать, что проводимая ныне партией индустриализация страны происходит на «нездоровой» базе («трата резервов», «выпуск бумажных денег

¹ Ленин, т. XV, стр. 475.

с риском инфляции товарного голода», «переобложение крестьянства»).

«Не эмиссия, не проедание запасов (золотых, товарных, валютных), не переобложение крестьянства, а качественное повышение производительности общенародного труда и решительная борьба с непроизводительными расходами— вот главные источники накопления. Это есть определенная директива, определенная политическая линия, и мудрость ее заключается в том, что это единственная линия, при которой дело хозяйственного строительства, социалистического накопления и пр. будет иметь и на стороне экономической и на стороне социально-классовой настоящую, крепкую, здоровую базу».

Здесь опять на первый план выдвигается «надклассовый принцип «повышения производительности общенародного (1) труда». Далее, чрезвычайно «тонко» намекая, что проводимая партией индустриализация ведет к разрыву союза рабочего класса с крестьянством, «размычке», т. Бухарин пишет: нужно

«...чтобы политика индустриализации не только не разрывала с крестьянством, а наоборот, сплачивала союз с крестьянством».

Тов. Бухарин стало быть совершенно отрицает необходимость и возможность использования крестьянских средств для дела индустриализации. Это совершенно естественно с точки зрения т. Бухарина, толкующего о союзе пролетариата с крестьянством вообще, оставляющего в тени основную особенность советского блока, а именно его целевую установку,—построение бесклассового общества,—предполагающую руководящую роль пролетариата в блоке. С этой точки зрения можно говорить об индустриализации, осуществляемой «черепашьим шагом»; с этой точки зрения т. Бухарин совершенно исключает необходимость привлечения крестьянских средств к делу индустриализации страны. Иначе к этому вопросу подходит партия. Партия рассматривает индустриализацию страны не как нечто совершенно «равнодушное и внешнее по отношению к рабоче-крестьянскому блоку, а как чрезвычайно существенную задачу, как основу для укрепления того союза с основными массами крестьянства, который характеризует пролетарскую диктатуру, т. е. такого союза, где руководство принадлежит строящему социализму рабочему классу.

В отличие от Бухарина Ленин прекрасно понимал внешние и внутренние причины, диктующие нам необходимость всемерно

развивать нашу крупную индустрию. В своей речи на VIII Всероссийском съезде советов Ленин подчеркивает, что спасением для нас может быть только электрификация, крупная промышленность:

«Пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, тогда мы победим окончательно».

В тезисах о тактике РКП, принятых III конгрессом КИ, Ленин писал:

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»¹.

4.

Забвение основной особенности рабоче-крестьянского союза в условиях пролетарской диктатуры однако особенно красочно обнаруживается в том, что т. Бухарин выбрасывает из «Политического завещания Ленина» (в том виде, как он его понимает и истолковывает) такие «небольшие» обстоятельства, как классовая борьба и производственная переделка деревни (совхозы и колхозы). Это кажется на первый взгляд совершенно невероятным, но это именно так. Тов. Бухарин заявляет, что «Владимир Ильич о кулаке вообще не упоминает в этих статьях» (речь идет о перечисленных т. Бухариным пяти последних статьях Ленина). Он довольно бесцеремонно обращается с действительными взглядами Ленина. Так например он приводит следующее место из статьи Ленина «О кооперации».

«Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную, организационную «культурную работу».

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 316.

Тов. Бухарин толкует это место из ленинской статьи в том духе, будто здесь Ленин проповедует полный отказ от классовой борьбы. И т. Бухарин считает необходимым внести некоторые «поправки» ко взглядам Ленина, исковерканным им до неузнаваемости. Тов. Бухарин замечает, что «действительный ход жизни, согласно мефистофельскому изречению—«Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»—оказался сложнее, чем предполагал Ленин». Оказалось, что реально могут быть периоды обострения классовой борьбы и ее форм, связанные с перегруппировками общественных классов. Мы переживаем сейчас один из таких периодов обострения классовой борьбы, когда мы не можем сказать, что наша работа «сводится» к «культурничеству». Это однако не меняет того обстоятельства, что—

«...основные положения т. Ленина о характере нашего развития остаются глубоко правильными. И это должно остаться теоретическим фундаментом при определении нашей большой тактической дороги».

Такое «изложение» взглядов Ленина является прямым поклепом на него. На самом деле Ленин во всех своих выступлениях, в особенности же в последний период своей жизни, неустанно подчеркивал, что основным вопросом нашего развития является вопрос: кто кого? А ведь каждому совершенно ясно, что это и есть вопрос о классовой борьбе, притом в ее наиболее остром и решающем смысле. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин пишет:

«В последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэлманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики».

Одной этой цитаты совершенно достаточно, чтобы понять, что всякие разговоры о том, будто Ленин не упоминает о кулаке и о классовой борьбе в своих статьях, являются грубейшим и неприкрытым извращением действительных взглядов Ленина.

Не менее явным поклепом на Ленина является утверждение т. Бухарина о том, будто Ленин не ставил перед партией со всей решительностью задачи переделки и мелкого крестьянского хо-

зяйства путем его обобществления, путем перехода к общественному производству. Вот что пишет т. Бухарин по этому поводу:

«Перед нашей партией был поставлен за последнее время целый ряд новых задач, которые буквами не написаны в текстах завещания Владимира Ильича. Мы поставили вопросы колхозного строительства... вопросы совхозного строительства, задачи технической реконструкции—вопросы и задачи, которые Владимир Ильич ставил только в общих чертах».

Это утверждение не имеет решительно ничего общего с действительными взглядами Ленина. Выше мы уже видели, что именно т. Бухарин и его школа в течение ряда лет утверждали, будто колхозы не являются столбовой дорогой деревни к социализму, пытаясь противопоставить колхозное строительство ленинскому кооперативному плану. Именно т. Бухарин и в настоящее время оппортунистически извращает содержание ленинского кооперативного плана. Согласно его изложению в «Политическом завещании Ленина» весь ленинский кооперативный план сводится к тому, чтобы научиться торговать не по-азиатски, а по-европейски.

«Нам нужно,—пишет он,—зацеплять крестьянина за его интересы не мудрствуя, без всяких выкрутас, нам нужно искать самые простые подходы к нему. Ленин учил: зацепить крестьянина за его собственные выгоды и на этой базе, через кооперативный оборот, через кооперацию вести его к социализму. А для того, чтобы кооперация привела к социализму, нужна цивилизованная кооперация, для чего нужно торговать не по-азиатски, а по-европейски».

Таким образом выходит, что «цивилизованная торговля»,—только это и есть «последнее», «самое мудрое» слово Ленина; «цивилизованная кооперация»—кооперативный оборот—вот в чем заключается ленинский «кооперативный план». Надо ли добавлять, что здесь выхолощена живая душа действительного политического завещания Ленина?

На самом деле Ленин не уставал повторять, что только коренная переделка мелкого крестьянского хозяйства уничтожает опасность капиталистической реставрации, обеспечивает победу социализма. Не автоматическое вращение в социализм, а активная переделка мельчайшего и мелкого хозяйства в крупное обобществленное производство, переделка, предполагающая активнейшую

борьбу против эксплуататоров-кулаков—такова центральная идея ленинского плана построения социализма. В своем докладе на VIII съезде советов, на котором впервые обсуждался план электрификации страны, Ленин ставил вопрос: «экономически может ли вернуться в Россию капитализм?» На этот кардинальный вопрос Ленин отвечал:

«Страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть! Эта Сухаревка есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы... Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить... Мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу, у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства»¹.

Меньше всего на свете Ленин ожидал чудесного пришествия социализма от сохранения и увековечения распыленного мелкого производства.

В своем докладе о продналоге на X съезде партии, при обосновании решений, означавших переход от военного коммунизма к нэпу, Ленин указывал:

«Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца»².

В настоящее время партия и рабочий класс, засучив рукава, работают над коренной переделкой крестьянского хозяйства. Происходит великий процесс выкорчевывания корней капитализма в нашей стране. Именно этим и объясняется в первую очередь

¹ Ленин, т. XVII, стр. 427—428. Разрядка наша.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 139. Разрядка наша.

бшшеное сопротивление кулацких элементов. И в этот-то период оппортунистические группки в рядах нашей партии выступают против форсированного строительства совхозов и колхозов, против быстрого и напряженного темпа индустриализации. Оппортунисты пытаются вооружиться отравленным оружием в виде обвинения партии в «военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Оппортунисты тем самым объективно оказываются глашатаями кулацких интересов, лазутчиками кулачества в рядах партии борющегося пролетариата.

Право-оппортунистическая концепция в вопросе о рабоче-крестьянском блоке, о путях деревни к социализму и значении классовой борьбы в переходный период, как мы убедились в настоящей главе, представляет собою довольно законченную систему взглядов, построенную на базе определенных методологических предпосылок. Ее теоретической основой является механистическая методология т. Бухарина, усвоенная им богдановская теория равновесия. Политическое значение бухаринской концепции по этим важнейшим коренным вопросам нашей политики совершенно очевидно. Партия считает пропаганду этих взглядов несовместимой с пребыванием в рядах партии. Этой оппортунистической концепции партия дает самый решительный и сокрушительный отпор.

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ИЛИ «ВОЗВРАТ
В О Е Н Н О Г О К О М М У Н И З М А»**

1. Структурные сдвиги в советском хозяйстве.—2. Белогвардейская печать о «возврате военного коммунизма».—3. Либеральное понимание нэпа правыми оппортунистами.—4. Эволюция рыночных форм при нэпе.

1.

Хозяйственная жизнь Советского Союза развивается в настоящий период под знаком чрезвычайно интенсивного процесса социалистической реконструкции. Активно преодолевая величайшие трудности, отражая натиск классовых врагов в самых разнообразных формах, отметая колебания в собственных рядах и заражая небывалым подъемом и энтузиазмом широкие массы строителей социализма, наша партия неуклонно направляет хозяйственное развитие страны по пути к социализму. Превышаются задания, намеченные пятилетним планом. Темпы, еще недавно объявлявшиеся нереальными и несбыточными не только со стороны наших недругов, но и кое-кого из наших «друзей», оставляются далеко позади стремительным бегом социалистического строительства. На базе обновления и реконструкции производственного аппарата, на почве чрезвычайного роста объема производства происходят глубочайшие сдвиги во всем народно-хозяйственном организме.

Истекший первый год пятилетки дал общий прирост продукции народного хозяйства на 12,3%. Народнохозяйственный план следующего 1929/1930 г. предусматривает рост продукции страны на 21% вместо 16%, намеченных пятилеткой. Темпы, невиданные ни в одной капиталистической стране! С каждым годом преимущества переходной к социализму организации хозяйства дают себя чувствовать все ощутительнее. Сделаны лишь первые серьезные шаги в деле широкого применения современной передо-

вой иностранной техники, в деле перенесения ее последних достижений на советскую почву в широких масштабах. Новые производства, раньше небывалые в нашей стране, теперь уже строятся и разворачиваются в массовых размерах. В деле использования совершенно неисчерпаемых естественных богатств страны мы пребываем еще в подготовительном классе. Нет и не может быть сомнения в том, что когда реконструкция народного хозяйства разольется широкой рекой, нынешние темпы не только не будут снижены, но смогут быть значительно повышены.

Однако не голый лозунг максимально быстрого развития производительных сил является нашим знаменем в переходный период. Не голый лозунг максимального роста производства выражает наши задачи. Для марксиста не существует «производства вообще»; производство всегда носит определенную общественную форму. И наше внимание приковывается к тем социальным сдвигам, которые протекают в советской экономике.

Эти сдвиги характеризуются прежде всего неуклонным ростом удельного веса обобществленного сектора народного хозяйства. Решительное осуществление политики индустриализации приводит к быстрому росту крупной обобществленной промышленности, являющейся базой социалистического строительства. Социалистическая индустрия все более становится действительным ведущим элементом в хозяйственном целом страны. С укреплением тех отраслей промышленности, которые образуют стеновой хребет народнохозяйственного организма (горнодобывающая промышленность, металлургия, машиностроение, энергетика), неизмеримо возрастают возможности и пути производственного воздействия и влияния индустрии на сельское хозяйство. Социалистическая промышленность все более выполняет свою роль преобразователя вековечных отсталых форм сельского хозяйства. Поэтому, отнюдь не случайно то обстоятельство, что наряду с индустриализацией, одновременно и в тесной связи с ней, протекает бурный процесс роста обобществленных форм сельского хозяйства. Хотя по своим абсолютным размерам доля обобществленного с.-х. производства еще не особенно значительна, важна тенденция, свидетельствующая об очень быстром и сильном росте. Так, если в валовой продукции сельского хозяйства доля обобществленного сектора составляет всего около 3,7%, а в товарной—8,9%, то уже через год мы по плану будем иметь в этой области в 2—3 раза более высокий удельный вес.

Нет и не может быть «производства вообще», а есть—в современных условиях переходной экономики—производство в следующих основных социальных формах: социалистическое простое товарное (с огромным «резервом» натуральных элементов) и капиталистическое (с особым подвидом госкапитализма). Было бы абсолютно нелепым думать, что хозяйственное развитие предполагает сохранение каких-то неизменных, застывших соотношений и пропорций между этими различными хозяйственными укладами. Напротив, совершенно очевидно, что успешное продвижение к социализму предполагает прежде всего неуклонный рост удельного веса обобщественных элементов хозяйства.

Социалистическая индустриализация страны и быстрый рост обобщественных форм сельского хозяйства естественно ведут к повышению удельного веса обобщественного сектора по сравнению с остальными элементами советского хозяйства. Контрольные цифры на текущий 1929/30 хозяйственный год рисуют в этом отношении следующую картину. В основных фондах к концу года обобщественный сектор будет располагать 58,9% против 54,2% в прошлом году. В общей массе валовой продукции на долю обобщественного сектора придется 51,2% вместо 43,5% в прошлом году. В области товарной продукции обобщественное хозяйство будет располагать 75,4% против прошлогодних 69,9%. Наконец в торговом посредничестве в товарообороте обобщественный сектор сконцентрирует в своих руках 96,7% (в том числе по рознице—89,3%) против прошлогодних 93,4% (в том числе по рознице—81,4%).

Переживаемый нами период широкого социалистического наступления характеризуется не только количественным признаком роста удельного веса социалистических форм хозяйства. Совершенно очевидно, что количественные сдвиги такого глубокого значения связаны с не менее значительными качественными изменениями. Эти качественные сдвиги идут как по линии внутренней структуры обобщественного хозяйства, так и по линии взаимоотношений и связей между существующими в советском хозяйстве различными укладами.

Происходит прежде всего консолидация обобщественного сектора в целом ряде отношений. Жизнь в ряде случаев ломает установившиеся организационные формы. В соответствии с изменившимися требованиями жизни и условиями работы проводится реорганизация системы управления промышленностью. Непрерывная рабочая неделя, новый календарь, новые условия труда

и быта, широко развертывающееся социалистическое соревнование, развивающее новые хозяйственные стимулы и воспитывающее новый тип человека—социалистического производственника, далее рационализация техническая и организационная, применение новых технических приемов производства, огромные строительные задачи, связанные с крупнейшими трудностями, но зато открывающие необразимые перспективы роста—все это настоятельно требует пересмотра и значительной перестройки форм организации промышленности. Эта работа, как известно, сейчас на полном ходу. Область кооперативной части обобщественного сектора, представляющей собою в значительной мере мост между социалистической индустрией и индивидуальными ячейками, стоит также перед рядом сложнейших задач, которые обуславливают необходимость более тесной консолидации между кооперацией и госпромышленностью (гендоговоры, система заказов и т. п.). Консолидация обобщественных элементов в области производства и обращения ведет за собою необходимые реформы в области кредита, в области организации кредитной системы.

С внутренней консолидацией обобщественного сектора теснейшим образом связано дальнейшее развитие форм связи и смычки между обобщественным массивом и индивидуальным крестьянским хозяйством. Все большую роль приобретают новые производственные формы смычки, отнюдь не отменяющие прежних форм, а, напротив, подводящие под эти формы более глубокий и устойчивый фундамент. Не разрыв связей между общественным и индивидуальным хозяйством является знаменем нынешней эпохи развернутого социалистического наступления, а, напротив, всемерное укрепление и расширение этих связей на наиболее прочной основе производственной смычки, производственного взаимосообслуживания и производственного преобразующего воздействия индустрии на весь уклад сельского хозяйства.

Сдвиги, характеризующие нынешний период социалистического наступления, в переводе на язык классовых соотношений означают известную передвижку в расстановке классовых сил. Рост и консолидации социалистической индустрии ведут к укреплению основных позиций пролетариата, строящего социализм. Усиленное наступление на капиталистические элементы означает обострение борьбы с остатками эксплуататорских классов, не останавливающихся ни перед чем в своем сопротивлении строящемуся социализму. Незыблемой основой хозяйственной политики

остается, естественно, прочный союз с основными массами середнячко-бедняцкого крестьянства. Нынешний период открывает широкие возможности дальнейшего упрочения этого союза на базе новых форм смычки промышленности с сельским хозяйством, на основе широкого развития переходных форм к обобществлению мелкого крестьянского хозяйства, что вовсе не означает, разумеется, ослабления внимания к повседневным нуждам широкой массы индивидуальных беднячко-средняцких хозяйств.

Эпоха реконструкции и социалистического наступления неизбежно связана с немалыми хозяйственными трудностями, обусловленными как грандиозностью подлежащих разрешению задач, так и хозяйственной отсталостью нашей страны, тяжелым грузом проклятого прошлого. Лишь активное преодоление этих трудностей обеспечит успешный ход социалистического строительства. Лишь мобилизация энергий, активности, способности к самопожертвованию основных масс рабочего класса обеспечивает успешное преодоление затруднений. Эти затруднения иногда вызывают временные меры, которые в дальнейшем должны отпасть. Эти временные мероприятия однако нисколько не изменяют основной характеристики нынешней эпохи как периода социалистического наступления на основе тех принципов хозяйственного строительства, которые партия установила под руководством Ленина после окончания гражданской войны весной 1921 г.

2.

Нынешний период хозяйственного строительства привлекает обостренное внимание наших врагов как внутри страны, так и за ее пределами. Недаром сказал один увлекающийся иностранный журналист при ознакомлении с содержанием пятилетнего плана народнохозяйственного строительства, что успешное осуществление этого грандиозного плана будет равносильным подписанию смертного приговора капиталистической системе. Неудивительно, что люди, всем своим нутром сросшиеся с капитализмом, с удвоенным интересом следят за событиями хозяйственной жизни СССР, что они с затаенными надеждами подмечают все наши трудности, что они с бешеной радостью приветствуют каждую временную неудачу. Неудивительно также, что буржуазные и социал-демократические борзописцы питают свою духовную паству всякими росказнями и небылицами. Это вполне в

порядке вещей. Давно известно, что «желание—отец мысли». Что же удивительного, если в изображении наших врагов советское хозяйство по несколько раз в год терпит «окончательный» крах?

Внимание наших противников привлекается и теми структурными сдвигами, которые имеют место в советской экономике. Во враждебной нам прессе, в особенности в белоэмигрантской, нет недостатка в воплях насчет «возвращения к военному коммунизму». Мы оставляем в стороне совсем уже глупые рассуждения на сей счет, авторы которых настолько скромного мнения об умственных способностях своих читателей, что единственным вполне достаточным и неопровержимым доказательством возврата военного коммунизма они изображают... заборную книжку. Мы считаем однако по целому ряду соображений далеко не лишним остановиться на рассуждениях более серьезных эмигрантских экономистов, пытающихся свой тезис о возврате к военному коммунизму аргументировать более пространно.

Признанный знаток эмигрантской экономической мысли, видный сотрудник бюро экономических исследований Лиги наций, С. Загорский, выступил в конце июля 1929 г. в «Последних новостях» со статьей под «ехидным» названием «Коготок увяз—всей птичке пропасть». В этой статье мы имеем «классический» образец рассуждений всей белоэмигрантской печати, пытающейся изобразить нынешнее социалистическое наступление в качестве возврата военного коммунизма. Мы позволим себе поэтому привести довольно пространные выдержки из этой статьи С. Загорского.

«Политика коммунистической партии,—пишет он,—развивается сейчас совершенно закономерно. Но эта закономерность является результатом не столько определенной программы и сознательного намерения, сколько стихии «военного коммунизма». Последний имеет свою внутреннюю логику. Раз начавшись в одной области, он должен быть доведен до своего логического конца, заключающегося в его крушении. Принудительное хозяйство военно-коммунистического типа имеет свою логику. Упразднение рынка в одной области требует той же политики и во всех других областях народного хозяйства. До тех пор пока не будет принудительно устранена последняя помеха для осуществления законченного военного коммунизма, стихия последнего неудержимо должна толкать партию все дальше и дальше по пути, на который она теперь вступила».

В сладком предчувствии «неизбежного крушения» советской системы хозяйства (предрешаемого им уже который раз!) С. Загорский пытается «ехидничать»: «коготок увяз—всей, мол, птичке пропасть». Стихия военного коммунизма захлестывает, мол, советский экономический корабль со всех сторон. Любопытно отметить, что торжество «принудительного хозяйства военно-коммунистического типа» буржуазный экономист видит исключительно в «упразднении рынка». Логика и неудержимая стихия военного коммунизма, по его мнению, заключается в том, что за упразднением рынка в одной области хозяйства неизбежно должно следовать уничтожение рыночной связи и в других областях. «Глубокий» анализ белого экономиста не проникает дальше поверхности рыночных явлений. Впрочем в другом месте он пытается вспомнить, что помимо области обращения существует еще область производства. Вот что он пишет в своей статье далее:

«Военный коммунизм 1918—1920 г. также развивался вполне закономерно... Национализация промышленности и кредита и монополии внутренней торговли привела тогда к принудительной коллективизации земледелия и к организации комбедов в деревне и потребительским коммунам, продовольственным пайкам в городе, к натурализации обмена и госбюджета и в конце концов—к трудовой повинности, к трудовым и мобилизациям».

Таким образом получается, что исходным пунктом военного коммунизма 1918—20 гг. явилась национализация промышленности и кредита. Позвольте,—скажет изумленный читатель,—но ведь национализация промышленности и кредита, насколько известно, отнюдь не была отменена при переходе от военного коммунизма к нэпу! Почему в таком случае пресловутая «стихия» и «логика» военного коммунизма, который, «раз начавшись», «должен быть доведен до своего логического конца», почему «эта стихия» не проявляла никаких признаков жизни в течение целых восьми лет и лишь сейчас воспрянула от своего летаргического сна—остается по видимому секретом изобретателя?

Недостаток логики белогвардейский экономист возмещает перечнем «ужасов» военного коммунизма, предстоящих Советскому Союзу. Подумать только! Принудительная продразверстка, принудительная коллективизация, продовольственные пайки и как завершение всего трудовая повинность! Загорский приятно щекочет нервы эмигрантского читателя, припоминая, как т. Зиновьев при введении классового пайка в 1918 г. обещал дать буржуазии

столько хлеба, чтоб она лишь помнила хлебный запах. Описывая ужасы мешочничества, якобы заменяющего в настоящее время упорядоченную торговлю, выражая тоску по «свободной» и «независимой» кооперации, Загорский продолжает:

«Государственно-принудительная организация в торговле и в сельском хозяйстве, приводящая к упразднению рынка и свободных форм обмена, неизбежно ведет к восстановлению военно-коммунистических форм организации финансового и кредитного хозяйства».

Таким образом и реформа кредита и некоторая реорганизация строения отдельных частей бюджета попадают по тому же ведомству «военного коммунизма». Однако отказ от «свободных форм обмена» влечет за собою еще более губительные следствия. Ибо—

«...ненужными окажутся тогда и вообще денежные формы обмена в пределах государственного хозяйства. Эти формы были созданы, и на них основывался весь нэп»... С восстановлением прежней системы госснабжения польза от этого фетишизма исчезает».

Таков страшный сон о возврате военного коммунизма, виденный С. Загорским. Меншевицкий «Соц-сплетник» не был бы самим собой, если бы он не поспешил «петушком-петушком» за махровым белогвардейским экономистом. На сей раз выполнение этого благородного долга взяла на себя О. Доманевская в статье «На крестьянском фронте», помещенной в № 15 этого почтенного органа от 19 августа 1929 г. Что увидела меньшевичка, обернувшись «лицом к деревне»? Вот в каких красках она живописует состояние советской деревни:

«Фактически деревня возвращена сейчас почти целиком к условиям продрозверстки, к «худшим образцам хозяйствования периода военного коммунизма».

Итак широкое распространение агротехнических улучшений, применение искусственных удобрений, сортовых семян, тракторов и сложных с.-х. машин в масштабах, которые и не снились царской России,—все это, в переводе на язык меньшевицкого предательства, есть не что иное, как «возвращение к худшим образцам хозяйствования периода военного коммунизма». Бурный рост обобществления бедняцко-средняцких хозяйств, на языке наших классовых врагов, оказывается «принудительной коллективизацией сельского хозяйства».

Новая форма связи промышленности сельского хозяйства—контрактация, открывающая огромные возможности сельскохо-

зайственного производства, рисуется меньшевистским экономистом в таких тонах:

«Государство прежде всего путем контрактации связало часть крестьян повинностью сдавать государству хлеб по твердым—в несколько раз ниже рыночных—ценам».

Выступая в защиту «рыночных» цен, под которыми здесь подразумеваются спекулятивные кулацкие цены, Доманевская выражает наиболее затаенные кулацкие надежды, рисуя следующую перспективу развития советского сельского хозяйства:

«Изъятие государством излишков по низким, не удовлетворяющим производителя ценам ведет практически к ликвидации этих излишков, и сведению сельского производства до того минимума, который лишь удовлетворяет потребность данного хозяйства».

Чтобы не осталось ни малейшего сомнения насчет того, какого собственно «производителя» не удовлетворяют наши «низкие» цены, Доманевская считает нужным еще высказаться по вопросу о «нивелировке» советской деревни.

«Эти процессы нивелировки,—пишет она,—возвращающие деревню к донэповскому «поравнению», коммунисты ставят в плюс себе, как результат «классовой политики» на селе. Но эта нивелировка никак не может рассматриваться как положительный эффект для увеличения общей суммы хлеба на рынке, для заготовительных перспектив».

Старые, давно знакомые мотивы! Не следует вести классовой политики в деревне, не следует бороться против кулака, ибо кулак дает хлеб для рынка. Теперь мы видим, что Доманевская поступила бы правильнее, назвав свою статью не «На крестьянском», а «На кулацком фронте». Хищническая физиономия кулака-эксплоататора явственно выступает сквозь строки псевдомарксистских рассуждений меньшевистского экономиста.

3.

Ленин недаром рекомендовал прислушиваться к «классовой правде классового врага». Отсутствие или притупление классового чутья нередко ведет к тому, что чуждые классовые мелодии слышатся подчас с оовершенно неожиданных сторон. В таких именно случаях Устряловы всех сортов и масштабов имеют полное основание заявлять, что они могут молчать, пока говорит внутрипартийная оппозиция.

Так обстоит дело и в данном случае. Вой враждебных нам идеологов насчет возврата военного коммунизма находит себе достаточно отчетливый резонанс в рядах правых оппортунистов внутри нашей партии. Как известно, в нынешний период развернутого социалистического наступления теории и практики правого оппортунистического уклона не прочь пофилософствовать насчет «отмены нэпа» и «возвращения военного коммунизма». Совпадение правой философии современной эпохи с высказываниями открытых апологетов, буржуазии значительно полнее, чем можно было бы ожидать. Те же жалобы на возврат военного коммунизма, те же разговоры о стихийной силе этого поворота, который, раз начавшись, неизбежно охватывает одну отрасль за другой. Откуда такое совпадение?

В основе воплей наших классовых противников насчет отмены нэпа лежит типично буржуазное представление о военном коммунизме и новой экономической политике. Как рисует себе нэп средний буржуазно-меньшевистский обыватель? Примерно следующим образом: пытались, мол, большевики осуществить свою коммунистическую программу, да увидели, что ничего не выходит,—вот они и перешли от военного коммунизма к нэпу. Согласно этому пошло-филистерскому представлению нэп есть чуть-чуть прикрытый стыдливый возврат к капитализму, как единственно возможной и приемлемой форме хозяйствования.

Именно так представляли себе дело наши враги (и кое-кто из «друзей») в начале новой экономической политики. История предуготовила немало сюрпризов буржуазным идеологам, которые так пошло-упрощенно смотрели на вещи. И немудрено, что в нынешний период, когда на базе нэпа происходит успешное наступление социализма, буржуазно-меньшевистским писакам ничего больше не остается, как завопить об отмене нэпа. Совершенно правильно определил сущность нэпа т. Сталин в своем заключительном слове на XIV партийном съезде.

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики».

Сущность нэпа заключается таким образом в том, что это есть особая политика пролетарской диктатуры, направленная к построению социализма на основе прочного союза с основной бедняцко-средняцкой массой крестьянства. Построение социалистической формы производства—вот цель нэпа. Для достижения этой цели пролетарское государство использует рыночные формы связи и организации хозяйства. Но, во-первых, вопиющей чепухой являются попытки изобразить товарные формы отношений в советском хозяйстве в качестве принципиально одинаковых с товарными формами капитализма. С другой стороны, впрочем не менее грубой ошибкой было бы игнорирование того обстоятельства, что и в условиях советской экономики товарная форма вовсе не представляет собою какую-то чисто внешнюю оболочку, не грозящую никакими последствиями.

Во-вторых, при нэпе мы используем рыночные формы хозяйственных связей с целью победы социализма над капиталистическими элементами, с целью построения социалистического общества. Использование рыночных форм имеет таким образом своей высшей целью преодоление тех же рыночных форм.

Точно так же обстоит дело с классовой характеристикой нэпа. Нэп есть политика, рассчитанная на прочный и длительный союз рабочего класса с основными массами крестьянства. Однако целью этого союза является не увековечивание классов, классовых различий и классовой борьбы, а уничтожение классов. Поэтому в этом блоке пролетариату, строящему социализм, принадлежит руководящая роль.

Мы видим таким образом, что необходимо брать нэп в его движении, в его развитии, в смене его отдельных фаз и ступеней. Этого оказываются не в состоянии сделать право-оппортунистические теоретики в нашей партии. В основе их разглагольствований на тему об отмене нэпа и о возврате военного коммунизма лежит совершенно неправильное, антиленинское представление о сущности нэпа, своеобразное либеральное толкование новой экономической политики. Поэтому они оказываются не в состоянии удовлетворительно поставить и разрешить основную проблему современности, проблему продвижения к социализму на основе новой экономической политики.

Либеральное представление насчет классовой борьбы при нэпе исходит из совершенно антидиалектической мысли о том, что, поскольку нэп есть путь к бесклассовому обществу, классовые

противоречия и классовая борьба должны неуклонно, непрерывно и постепенно сглаживаться и утихать. При этом подходе всякое обострение классовой борьбы должно рассматриваться как результат неудачи или поражения социалистического строительства. С этой точки зрения говорить об обострении классовой борьбы в условиях успешного строительства социализма—значит нести неусветную ахинею. Вполне логическим выводом из этой теории классовой борьбы в переходный период является пресловутая теория мирного вращающегося кулака в социализм, встретившая решительнейший отпор со стороны всей партии.

Нечего и говорить, что марксистско-ленинская диалектика не перестает действовать, не «дает осечки» и в переходный период. Нечего и говорить, что марксистское понимание значения и роли классовой борьбы годно не только для заграницы и отнюдь не подлежит замене либеральной теорией насчет гармонии классов. Совершенно ясно, что Ленин рассматривал нэп в целом как определенную особую форму классовой борьбы пролетариата, строящего социалистическое общество.

В своих речах и выступлениях периода новой экономической политики Ленин все снова и снова возвращается к вопросу, который он явно считал основной проблемой нэпа и который он формулировал в простых словах: «кто кого?» Не будет преувеличением сказать, что под углом зрения именно этого вопроса Ленин ставил все существенные проблемы новой экономической политики.

В отличие от антидиалектических представлений о невозможности обострения классового сопротивления наших врагов и классовой борьбы при нэпе Ленин отлично предвидел такие возможности и не раз предупреждал об этом партию. В своем докладе на XI партийном съезде весной 1922 г., говоря о надеждах сменовеховцев устряловского типа на мирную эволюцию Советской страны к капитализму, Ленин говорил:

«Прямого натиска на нас нет, нас не хватают за горло. Что будет завтра—это мы еще посмотрим, но сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и тем не менее борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг. Я говорил о коммунистическом соревновании с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не послед-

няя, то близкая к тому борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом¹.

Как это непохоже на мирную идиллию вращающегося кулака в социализм! Как это непохоже на либеральную теорию непрерывного и постепенного сглаживания классовых противоречий без классовой борьбы!

4.

В вопросе о значении рыночных форм связи при нэпе правые оппортунисты также скатываются к разрыву с марксизмом. По их представлениям вся сущность нэпа, его, так сказать, живая душа заключается в господстве чисто рыночных отношений и связей между различными частями советской хозяйственной системы, причем эти рыночные отношения не подлежат никакой дальнейшей эволюции, не претерпевают никакого развития и изменения. Несмотря на словесное признание процесса линяния стихийно-рыночных экономических категорий, представители правой идеологии на деле исходят из представления о полнейшей неизменности рыночных отношений. Это дает им повод и основание всякий признак эволюции рыночных форм хозяйственной связи приветствовать криками о возврате военного коммунизма.

«Когда начинают пугать «новой» смычкой, самой новой, хотя бы сказать какое-то не ленинское, а свое последнее, самое «новое» теоретическое слово,—меня берет тревога,—говорит т. Томский.—Какая это новая форма смычки?.. Вы грозите нам новыми формами и методами нэпа—ничего здесь нового нет, а есть чрезвычайные меры и заборная книжка».

Здесь совершенно ясно выступает отрицательное отношение к новым формам смычки. Другие выражают это отношение более «тонко», но по существу в том же духе.

«Сейчас мелкий товаропроизводитель превратился из продавца хлеба в сдатчика хлеба. Поэтому нарушена была та основная форма смычки, которая еще долгое время должна быть у нас главной формой, определяющей формой, а именно—форма рыночных связей»,—говорил т. Бухарин.

С этой точки зрения новые формы связи крестьянина с промышленностью, например через контрактацию и т. д., выглядят только как грубое нарушение «законных» рыночных форм связи, диктуемых нэпом.

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 42. Разрядка наша.—А. Л.

В основе этого фактического отрицания эволюции рыночных форм связи лежит метафизическое представление, которое начисто отрывает область рыночных отношений от области производственных отношений, являющихся в то же время отношениями классовыми. На деле рыночные отношения включают в себя, являются одной из форм выражения и проявления реальных классовых отношений. Конкретно это например означает, что свободная торговля не есть только форма связи равноправных простых товаропроизводителей, но что она рождает ежедневно и ежедневно капиталистические отношения, плодит мелких капиталистиков. Отсюда ясна недопустимость либерального подхода к свободной торговле, отсюда ясен вред недиалектического отрыва рыночных форм от реальных производственных классовых отношений, отсюда ясна опасность забвения этих классовых взаимоотношений, всегда скрывающихся и проявляющихся в форме рыночных отношений и категорий.

«Нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке» (Сталин).

При этом совсем неправильно было бы сказать, что в отношении регулирования торговли мы делаем только то же самое, что делает современное государство монополистического капитализма.

«У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах?» (Сталин).

Отсюда ясен вред механического отрыва рыночных отношений от отношений производственных. Именно такой отрыв совершается теми, кто забывает о том, что рыночные отношения выражают, олицетворяют собою определенные отношения производства, а вовсе не являются бездушной и равнодушной формой, надеваемой вроде колпака на тело неизменного производственного содержания. Мы уже видели в одной из предыдущих глав, что именно этим грехом страдает пресловутая богдановско-бухаринская теория насчет закона трудовых затрат. Этим же грехом страдают все

механистические попытки отрыва производства от обмена, когда совершенно упускается из виду, что обмен, меновая форма, представляет собою лишь определенную общественную форму производственного процесса. Всякая механистическая попытка вышелушить из-под меновой формы «чистенький» производственный процесс, вообще отбросив меновую форму как не существенную, как колпак, который можно по произволу снять и снова надеть, страдает тем же основным пороком.

В последней своей речи на пленуме Моссовета, произнесенной 19 ноября 1922 г., Ленин говорил о значении и смысле нэпа следующее:

«Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой «экономической политики»¹.

У Ленина нет недостатка в намечении тех путей, по которым должно разворачиваться наступление на базе нэпа. Осуществляемая нашей партией генеральная линия на индустриализацию страны и обобществление сельского хозяйства завещана нам Лениным. В данной связи мы хотим однако отметить лишь специально, что и по вопросу об эволюции рыночных форм связи мы находим у Ленина вполне ясные указания.

В своей замечательной статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» Ленин писал:

«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов,—индустрии, способной по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами, в большем количестве, лучше и дешевле, чем прежде» *

И тут же он прибавляет:

«Овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может»².

В своей другой статье—«К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»—Ленин ставил тот же вопрос еще определеннее.

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 103.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 413—414.

Говоря о значении торговли в условиях новой экономической политики, Ленин писал:

«Оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьян, экономически заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и объединения в самом производстве»¹.

Итак торговля необходима, чтобы подвести мелкого крестьянина к разным формам связи и объединения в самом производстве. Единственно возможной формой связи с миллионами мелких земледельцев торговля остается до тех пор, пока промышленность не в состоянии снабжать сельское хозяйство лучшими продуктами, в большем количестве, лучше и дешевле, чем прежде. Было бы непростительным комчанством вообразить, что мы уже располагаем полностью той «великолепной крупной машинной индустрией», о которой мечтал Ленин. Столь же непростительно было бы однако закрывать глаза на все коренные перемены как раз в этом отношении, которые произошли за годы, истекшие со времени написания этих ленинских строк. Разве не ясно, что в деле практического осуществления ленинского завета об индустриализации страны уже проделаны первые, чрезвычайно трудные, но чрезвычайно важные шаги? Разве не ясно, что если наша промышленность еще не осуществила полностью задачу—снабжать деревню «лучше и дешевле, чем прежде»,—то она все же в состоянии оказать—и из года в год действительно оказывает—все возрастающее воздействие на реконструкцию с.-х. производства? Только исходя из либерального толкования нэпа можно отрицать те крупнейшие производственные сдвиги, которые обуславливают возможность и необходимость широкого развития новых форм смычки, новых высших форм хозяйственной связи и хозяйственной организации. Нарождение и развитие этих новых форм ни в какой мере не означает ни малейшего отступления от основных принципов новой экономической политики, если понимать ее правильно, по-ленински.

В настоящее время правые оппортунисты прикрывают свои выступления против происходящих в нашей стране процессов выкорчевывания корней капитализма лицемерными требованиями насчет отмены «чрезвычайных мер». Действительное развитие нашего хозяйства, несомненные громадные успехи социалистического строительства не дают возможности правым оппортуни-

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 370.

стам повторять заявления насчет «размычки», насчет «военно-феодалной эксплуатации» и т. п. Они не могут в настоящее время открыто выступать против новых форм смычки. В этой обстановке в форме двуручнического требования «отмены чрезвычайных мер» правые оппортунисты пытаются протащить свое недовольство усиленным наступлением на капиталистические элементы, форсированным строительством обобщественных форм хозяйства. Не может быть никаких сомнений, что этот маневр правым элементам не удастся. Партия требует от них совершенно недвусмысленного отказа от их прежних клеветнических обвинений в «политике дани» и т. п. Партия требует полного признания правых ошибок в оценке современного этапа нэпа.

Происходящее на базе нэпа социалистическое наступление ни в какой степени не означает возврата к военному коммунизму. «Военный коммунизм был вынужден войной и разрухой», неоднократно повторял Ленин. Военный коммунизм не мог и не может быть политикой, отвечающей задачам социалистического хозяйственного строительства в мирных условиях. При военном коммунизме хозяйство не развивалось, а разрушалось. В обстановке гражданской войны это было неизбежным злом. В условиях современного социалистического наступления мы наблюдаем бурный рост производства. Военный коммунизм не мог быть крепкой формой смычки между пролетариатом и крестьянством в условиях мирного строительства. Нынешняя эпоха социалистического наступления характеризуется укреплением связи и смычки социалистической индустрии с мелким крестьянским хозяйством.

Правильно отмечалось, что на нынешнем этапе наступления нэп никому так не выгоден, как строящему социализм пролетариату. Поэтому наша партия, решительно отменяя разговоры об отмене нэпа, с чьей бы стороны они ни исходили,—от наших классовых врагов, от правых оппортунистов или от «левых» троцкистских или полутроцкистских путаников,—будет твердо продолжать развёртывающееся наступление к социализму.

1. Реформисты об «организованном капитализме». — 2. Тов. Бухарин о современном мировом хозяйстве. — 3. Внутренние и внешние противоречия капитализма. — 4. Монополия и конкуренция. — 5. Теория «чистого империализма». — 6. Общественное и техническое разделение труда. — 7. К вопросу о госкапиталистических тенденциях.

В настоящее время правые оппортунистические группки в различных партиях Коминтерна обнаруживают колебания в вопросе об отношении к реформистской теории организованного капитализма. Правые уклонисты как в ВКП(б), так и в братских коммунистических партиях ряда стран обнаруживают тенденцию к идейной капитуляции перед этой реформистской теорией. Опасность этой тенденции заключается в том, что она может разоружить коммунистический авангард пролетариата перед лицом его худшего заклятого врага—международного реформизма.

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует прежде всего воспроизвести в общих чертах реформистское учение об организованном капитализме, которое до сих пор к сожалению мало освещалось в нашей печати.

1.

Ревизионистская теория организованного капитализма служит в настоящее время важнейшей идейной основой предательской политики современной социал-демократии. Эта теория представляет собою прямое продолжение старых ревизионистских бредней насчет притупления свойственных капитализму противоречий и мирного вращивания капитализма в социализм. Во время мировой войны реформисты восхваляли в качестве «военного социализма» те мероприятия, к которым было вынуждено прибегать капиталистическое государство в области организации хозяйства. Закрывая глаза на глубочайшие внутренние противоречия, не-

избежно свойственные государственно-монополистическому капитализму, ревизионисты пытались изобразить военное регулирование хозяйственной жизни как осуществление своих надежд на мирный переход к организованному социалистическому хозяйству. В послевоенный период учение об организованном капитализме стало краеугольным камнем реформистской теории и практики.

Ввиду важности вопроса считаем целесообразным привести основные положения этой теории в формулировке виднейшего теоретика германской социал-демократии и II Интернационала Р. Гильфердинга. Этот бывший марксист, ставший главным теоретиком современного ревизионизма, впервые наметил вехи теории организованного капитализма в своей программной статье «Современные проблемы», помещенной в первом номере основанного им в 1924 г. теоретического журнала «Gesellschaft». Вот что писал Гильфердинг в этой статье:

«В экономической области война и послевоенный период знаменуются чрезвычайным усилением тенденций к концентрации капитала. Рост картелей и трестов получает мощный толчок. Период свободной конкуренции подходит к концу. Крупные монополии становятся настоящими господами хозяйства... Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному. Обобществление рабочего процесса в крупном производстве развилось в обобществление рабочего процесса целых отраслей промышленности и в соединение обобществленных отраслей промышленности. Благодаря этому растут вместе с тем сознательный порядок и руководство в хозяйстве. Они стремятся преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта тенденция могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы имели бы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме».

Как видит читатель, Гильфердинг здесь выражается еще довольно осторожно. Во-первых, сослагательное наклонение: «если бы... мы имели бы... организованное хозяйство». Во-вторых, оговорка насчет антагонистической (т. е. противоречивой) формы этого иерархически организованного хозяйства.

Значительно определеннее и ярче теория организованного капитализма была Гильфердингом изложена в его докладе на Кильском партийном съезде германской социал-демократии в 1927 г. В этом

выступлении, посвященном «задачам социал-демократии в Германской республике», Гильфердинг утверждал следующее:

«Мы находимся в настоящее время в периоде капитализма, в главном преодолевшем эру свободной конкуренции и владычество слепых законов рынка; мы приходим теперь к капиталистической организации хозяйства, другими словами, приходим от свободной игры экономических сил к организованному хозяйству».

И Гильфердинг приходит к выводу, что «организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства».

Эти убогие идейки, составляющие основное содержание пресловутой теории организованного капитализма, повторяются на тысячу ладов реформистами.

Забавно, что некоторые из них пытаются при этом сослаться на... Маркса. Так поступает например нынешний присяжный передовик «Gesellschaft»—Георг Деккер (под этим звучным именем скрывается не кто иной, как беглый русский меньшевик Ю. Денике, еще не так давно подвизавшийся в советских изданиях). В своей статье «Капитализм сегодняшнего дня», помещенной в августовской книжке «Gesellschaft» за 1928 г., вышедшей к Брюссельскому конгрессу II Интернационала, этот автор уверяет, что именно Маркс во втором и в некоторых местах третьего тома «Капитала» обосновал «необходимость организации капитализма внутри национальных границ и далеко идущей интернационализации его в организованной форме». Справедливости ради необходимо однако заметить, что многие реформисты (в первую очередь наиболее хитрые из них, выступающие под «левым» обличем) обильно приправляют эти плоские рассуждения целым рядом оговорок. В виде общего правила эти оговорки идут по двум линиям. Прежде всего у «левых» реформистов часто встречаются упоминания насчет классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом; далее—нередко «левые» реформисты говорят также о межгосударственных антагонизмах, омрачающих идиллическую картину «организованного капитализма».

В качестве примера упомянем статью «левого» австро-марксиста О. Ляйхтера, помещенную в органе австрийской социал-демократии «Kampf», в номере, посвященном прошлого днему Брюссельскому конгрессу II Интернационала. В этой статье, носящей характерный заголовок «Организованный капитализм и его диа-

лектика», автор прямо заявляет: «Таким образом организованный капитализм повсюду стоит под знаком обострения классовых противоречий». Тот же автор утверждает, что «методы организованного капитализма ближе к олигархии, нежели к демократии», и с негодованием говорит о «фашизме банков», которые нередко подчиняют своему влиянию государственную власть.

У отдельных реформистов мы встречаем также оговорки насчет возможности усиления международных антагонизмов в эпоху организованного капитализма. Так один из австро-марксистов пишет:

«Еще не ясно, означает ли международная концентрация капитала преодоление эпохи конкуренции или она приведет к возобновлению конкурентной борьбы на высшей ступени в невиданных доселе ужасающих размерах. Пока что обе возможности—война или мир, договор или борьба на уничтожение—угрожающе и загадочно покоятся в глубине портфелей акций»¹.

В условиях нового революционного подъема, признаки которого в настоящее время отчетливо видны, социал-демократические лакеи буржуазии стараются всяческими способами удерживать рабочие массы в повиновении, отвлечь их от революционной борьбы. В то время как социал-демократические полицейские расстреливают рабочие демонстрации, в то время как социал-демократические ищейки и шпионы рыскают по квартирам коммунистов и громят коммунистическую печать и левые рабочие организации,—в то самое время социал-демократические теоретики разрабатывают, а пропагандисты и агитаторы социал-демократии вдальбливают в головы рабочей массы предательскую теорию «организованного капитализма». Замазывая коренные противоречия капиталистической системы, подкрашивая современный капитализм под «социалистический» цвет, эта теория имеет своим прямым и непосредственным назначением отвлечь рабочий класс от революционной борьбы, сделать его пассивной игрушкой в руках социал-предателей в обстановке нового революционного подъема и обостряющейся военной опасности. Отсюда понятно, какую колоссальную опасность представляет всякая попытка занесения идей «организованного капитализма» в какой бы то ни было форме в ряды коммунистического движения.

Этот вопрос приобретает в современной обстановке огромное значение. Капиталистический мир находится в настоящее время в таком состоянии, когда раздирающие его противоречия все

¹ О. Поллак, статья в том же номере журнала «Капрф».

более обнажаются и обостряются. Ценой кровавого подавления рабочих восстаний, путем переложения всех тяжестей на плечи пролетариата буржуазным правительствам удалось отстоять существование капиталистического строя в первые послевоенные годы. Очутившись у разбитого корыта после четырехлетнего человекоистребления, буржуазный мир все же проявил большую живучесть и цепкость. После отражения первой огромной волны рабочих атак на капиталистические твердыни, после подлечения наиболее зияющих ран, нанесенных империалистической войной, наступает известная стабилизация капитализма. Однако нет ничего ошибочнее, чем представлять себе эту стабилизацию в качестве возврата довоенного «нормального» состояния. Первая империалистическая война и полоса рабочих революций, потерпевших временное поражение, наложили неизгладимый след на физиономию современного капитализма. Еще не успели отзвучать гимны, слагаемые певцами капиталистической стабилизации, как все ярче стали обнаруживаться глубокие противоречия, подтачивающие все здание послевоенного капитализма. Стабилизация все более обнаруживает свой ненадежный, гнилой, внутренне противоречивый характер.

Несмотря на неустойчивость и частичную стабилизацию, современное хозяйство капиталистов раздирается глубокими противоречиями. Последствия войны не уничтожены: они все снова и снова обнаруживаются еще и сейчас, через десять лет после заключения мира. Грабительский Версальский мир, справедливо названный «версальской петлей», нанес глубокие раны мировому хозяйству. На Германию были возложены неслыханные платежи (репарации); вопрос об упорядочении этих платежей все снова и снова ставится в порядок дня дипломатических конференций, все снова обсуждается мировыми воротилами капитала. Европа оказалась в результате Версальского мира поделенной на ряд мелких стран с самыми причудливыми очертаниями и подчас фантастическими границами. Эта рана дает о себе знать до последнего времени хотя бы в виде шарлатанских предложений насчет «Соединенных штатов Европы» (с таким предложением на-днях выступил представитель французских империалистов Бриан). Вырытая войной пропасть между дряхлеющим и подточенным в корне капитализмом Европы и полнокровным, задыхающимся от собственного ожирения американским капитализмом ширится и грозит потрясениями совершенно небывалого масштаба и характера.

Нынешний период в развитии послевоенного капитализма характеризуется прежде всего обострением всех его противоречий. Классовые противоречия, на время искусно отодвинутые буржуазией на второй план, все более отчетливо и ярко дают о себе знать. Капиталистическая рационализация означает огромное ухудшение положения широких масс трудящихся. На плечи пролетариата возлагаются все новые тяжести. Неудивительно, что возрастает и сопротивление рабочих масс. Происходит процесс полевения, рабочие выступления приобретают все более яркий политический характер.

В этих условиях реформистская теория «организованного капитализма» призвана к тому, чтобы замазать, скрыть раздирающие капитализм противоречия и утвердить идею о незыблемости и прочности капиталистического строя.

2.

В резолюции X пленума исполкома Коминтерна об ошибках т. Бухарина указывается, что занятая им позиция по существу является капитуляцией перед реформистской идеологией, перед гильфердинговской теорией оздоровления капитализма.

Свои взгляды на современную проблему организованного капитализма т. Бухарин изложил в двух статьях, помещенных истекшим летом в «Правде»: «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии» и «Теория организованной бесхозяйственности». То новое по сравнению с общеустановленной партийной точкой зрения, что в этих статьях имеется, может быть сформулировано следующим образом:

В настоящее время в капиталистическом мире усилились тенденции к государственному капитализму. Но этот государственный капитализм растет на новом базисе. Условно, со всякими оговорками об относительности аналогий, можно сказать, что этот госкапитализм так относится к госкапитализму военной эпохи (1914—1918 гг.), как современный строй планового хозяйства СССР—к военному коммунизму. Военные системы ориентированы на потребление, интересы которого удовлетворяются хотя бы за счет производства. Поэтому важно подчеркнуть разницу между военными системами хозяйства и «мирными» хозяйственными системами. Отсюда вытекает, что «второй тур» государственно-капиталистической волны отличается от первого «военного тура». В капиталистических странах речь идет теперь вовсе не о плановом

хозяйстве осажженной капиталистической крепости, а о тенденциях к государственному капитализму, растущему как «нормальная» капиталистическая система.

Уже это рассуждение т. Бухарина не может не вызвать живейшего недоумения. С каких, это пор мы стали рассматривать современный этап послевоенного кризиса капитализма как возврат к «нормальному» (хотя бы и в кавычках) капитализму? Далее, если аналогия при всей своей относительности должна иметь хоть какой-либо смысл, то что означает аналогия между «двумя турами» капиталистического и советского хозяйства? Ведь в советском хозяйстве «второй тур», наступивший после «первого тура» хозяйственной разрухи, знаменуется чрезвычайно быстрым развитием производительных сил, ростом и укреплением существующей системы хозяйства, крупнейшими успехами социалистического строительства. Означает ли эта аналогия при всей ее «относительности», что и в современном «нормальном» капитализме мы имеем дело с явлениями принципиально того же порядка, т. е. с ростом и укреплением капиталистической системы хозяйства на базе успешно развивающихся производительных сил?

Та или иная оценка современной фазы капиталистической стабилизации служит в настоящее время водоразделом между Коминтерном и реформизмом. Социал-демократы расценивают нынешнюю стадию в развитии мирового хозяйства именно как возврат к «нормальным» капиталистическим порядкам, нарушенным было войной¹. Основные отличия современного периода они усматривают в техническом прогрессе, в росте производства, в развитии производительных сил. Международный реформизм сознательно закрывает глаза на всю ту массу признаков, которая дает нам основание рассматривать нынешнюю эпоху как период гнилой, неустойчивой, частичной и относительной стабилизации, раздраемой глубочайшими противоречиями. Вторя реформистам, правые и примиренческие элементы в Коминтерне также скатываются к характеристике современного состояния мирового хозяйства, как «прочной и крепкой стабилизации капитализма»². Отличие третьего периода правые и примиренцы усматривают попросту в том, что капитализм перешел от восстановления к реконструкции,

¹ См. об этом подробнее в нашей статье «Организованный капитализм и хозяйственная демократия» в журнале «Проблемы экономики», № 4—5 за 1929 г., стр. 3—6.

² См. стенограммы VI конгресса Коминтерна, вып. 1, стр. 382, речь А. Эверта.

что объем производства в главнейших странах превзошел довоенный уровень. При характеристике третьего периода ударение ставится ими именно на этом моменте реконструкции, причем совершенно «забываются» и оставляются в стороне действительно важнейшие отличия этого реконструктивного периода, а именно глубочайшие противоречия, обострение которых неминуемо вызывается переходом от восстановления к реконструкции. Совершенно ясно, что такая характеристика третьего периода, в которой выхолощено революционное содержание, ближе всего подходит к социал-демократической оценке современной эпохи.

При этих условиях ясна необходимость максимальной точности в характеристиках, выражениях и аналогиях, когда речь идет об общей оценке современного капитализма. То освещение, которое дает этому вопросу т. Бухарин, к сожалению неминуемо дает повод к серьезнейшим недоумениям. Нет сомнений, что правые и примиренческие элементы, идущие к социал-демократии, с величайшей радостью ухватятся за приводимую т. Бухариным аналогию. Нет сомнений, что эта неясность в разрешении основной проблемы современного капитализма, отнюдь не случайна. Тем более необходимо решительно отвергнуть столь неясные формулировки, дающие повод к абсолютно неверным выводам.

Далее экономическое своеобразие современного капитализма рисуется т. Бухариным в следующих чертах:

«Что является пределом отмечаемой теперь решительно всеми централизационной тенденции? Государственный капитализм в его завершенной форме. Что означает государственный капитализм с точки зрения конкуренции? Он означает замирание конкуренции внутри страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами».

Объективное развитие современного капиталистического хозяйства приводит к тому, что—

«Его анархическая природа переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов, становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации. Самые большие, самые кровоточащие раны капитализма, самые кричащие его противоречия развязываются именно здесь, на мировом поле брани. Даже проблема всех проблем, так называемый «социальный вопрос», проблема соотношения классов и классовой борь-

бы является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке».

В другой статье тот же круг идей формулирован в следующем виде:

«В известной мере исчезает проблематика рынка, хотя погоня за рынками и стоит как жгучий практический вопрос... Организационная проблема, проблема наилучшей, при данных условиях, «оптимальной» организации и притом в масштабах, выходящих далеко за пределы частного хозяйства. Все больше и больше становится на первый план. Эта проблема включает в себя прежде всего вопрос о хозяйственной рациональности того или другого типа организации... Изменяется весь «логический стиль» теоретической экономии буржуазии. «Способ производства», оставаясь в основном и решающем пункте, где речь идет о классовом соотношении между пролетариатом и буржуазией, принципиально тем же самым капиталистическим способом производства, тем не менее внутренне перестраивается: поскольку речь идет не о мировом хозяйстве, а о «национальных» капиталистических организациях, все ярче и отчетливее пробивается тенденция к рационализации хозяйственного процесса... Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации».

Достаточно сопоставить эти рассуждения т. Бухарина с основными положениями реформистского учения об организованном капитализме, чтобы понять, почему X пленум ИККИ квалифицировал выступления т. Бухарина, как капитуляцию перед реформистской идеологией. Разумеется т. Бухарин в своих статьях подчеркивает, что лишь пролетарская революция разрешит противоречия современного капитализма, говорит о неизбежной гибели капитализма, возражает социал-демократам, называющим современный капитализм доподлинным социализмом (при условии торжества хозяйственной демократии). Дело однако не в этом. Идейная капитуляция перед реформистским учением об организованном капитализме заключается в некритическом повторении, в важнейших и решающих теоретических пунктах того анализа, который дается современной экономике реформизмом.

В самом деле. Выше мы уже видели, что основной стержневой идеей теории организованного капитализма в изложении Гильфердинга является представление о том, что современный ка-

питализм несет с собой «преодоление эры свободной конкуренции и владычества слепых законов рынка». Именно отсюда, делается вывод, что «мы приходим к организованному хозяйству». При этом многие реформисты (в особенности «левые» фразеры) не скупятся на оговорки насчет того, что область междугосударственных хозяйственных отношений остается неорганизованной и неурегулированной. Совершенно ясно, что подозрительную близость к этим рассуждениям обнаруживают нынешние откровения т. Бухарина о «замирании конкуренции внутри страны», об исчезновении «проблематики рынка», о «переползании» анархической природы капитализма в область международно-хозяйственных отношений. Ведь если анархическая природа капитализма «переползает» в область международно-хозяйственных связей, то это означает уничтожение капиталистической анархии внутри «стран». Впрочем т. Бухарин заявляет об этом довольно ясно, когда он провозглашает: «Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации». Как тут не вспомнить уже цитированного нами Деккера-Денике, который пытается ссылкой на Маркса обосновать «необходимость организации капитализма внутри капитальных границ и далеко идущей интернационализации его в организованной форме».

Десятки лет революционные марксисты боролись против ревизионистской сказки об уничтожении кризисов при капитализме¹. Теперь т. Бухарин возвещает миру, что «проблемы... кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации» (разрядка наша.—А. Л.). Итак конкуренция, рынок, цены и наконец кризисы—все это переползает в область мирового хозяйства. Лишь в этой области находит себе последнее убежище «анархическая природа» капиталистического хозяйства. Внутри стран все эти проблемы исчезают, заменяясь проблемой организации. Оказывается, даже проблему кризисов постигает та же печальная участь: и она, бедная, заменяется проблемой организации. Ибо, как компетентно разъясняет т. Бухарин, «проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации». Таким

¹ «Устранение кризисов картелями, — писал по этому поводу Ленин, — есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало» (т. XIII, стр. 256).

образом мы имеем полнейшее торжество «организации» и притом еще «рациональной».

Совершенно ясно, что дела не спасают те оговорки, которыми т. Бухарин снабжает свои рассуждения, представляющие идейную капитуляцию перед гильфердинговской теорией организованного капитализма. Тов. Бухарин говорит, разумеется, об обострении классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией. Однако выше мы уже видели, что даже пошлые «левые» реформистские болтуны типа О. Ляйхтера вынуждены признать, что «организованный капитализм повсюду стоит под знаком обострения классовых противоречий». Другая оговорка касается роста международно-хозяйственных противоречий. «Самые больные, самые кровоточащие раны капитализма, самые кричащие его противоречия развязываются именно здесь, на мировом поле брани». Однако и эта оговорка не спасает положения. Прежде всего замечания насчет зияющих противоречий между капиталистическими державами встречаются и у «левых» реформистов. Помимо того, заявление насчет кровоточащих ран, обнаруживающихся на мировом поле брани, ни в какой степени не оправдывает прикрашивания «внутрихозяйственной» природы современного капитализма под гильфердинговский цвет организованного капитализма.

3.

В данной связи т. Бухарин задевает чрезвычайно важный и сложный вопрос о взаимозависимости между внутренними и внешними противоречиями современного капитализма.

Этот вопрос ставится здесь т. Бухариным не впервые. Примерно год тому назад он пытался осветить эту же проблему в своем заключительном слове на VI конгрессе Коминтерна. Он совершенно справедливо возражал против того, чтобы рассматривать внутренние и внешние противоречия совершенно изолированно. Он указывал, что нельзя себе представлять дело таким образом, будто внутренние противоречия умещаются в одном кармане, а внешние—в другом. Пытаясь осветить вопрос о взаимодействии этих противоречий, т. Бухарин говорил:

«Каково взаимоотношение между этими двумя категориями фактов, где здесь узловой пункт, из которого необходимо исходить, и какой вывод напрашивается при этом анализе? Что должно лечь в основу всей нашей тактической ориентации?»

ровки? На мой взгляд, первостепенное значение имеют мировые экономические противоречия, крупные мировые конфликты. Взять хотя бы Англию. Обостряются ли там внутренние противоречия? Разумеется. Но рост этих противоречий в Англии связан с процессом упадка мировой Британской империи. Но разве процесс упадка Британской империи не уходит в большинстве случаев своими корнями в международное положение? Разве он не обусловлен конкуренцией Соединенных штатов, наличием центробежных сил в английских доминионах, а отчасти в колониях, и целым рядом других международных факторов? Представьте себе другую международную среду для английского капитализма и результаты будут иными. Возьмем теперь в качестве другого примера внутренние противоречия в Германии. Кому известно, что стабилизации в Германии содействовал американский капитализм? Можно ли резко отделить в этой стране внутренние отношения от факторов международных? Предположите на минуту отказ Америки кредитовать Германию (перспектива, которую рисовал Paich)—и внутренний крах неизбежен»¹.

Таким образом уже здесь т. Бухарин довольно явственно склоняется к тому, чтобы, подчеркивая приоритет внешних противоречий над внутренними, сводить последние лишь к довольно пассивной роли простого следствия внешней обстановки. Еще отчетливее однако этот подход обнаруживается в цитированной нами выше статье, в которой т. Бухарин прямо заявляет:

«Даже проблема всех проблем, так называемый социальный вопрос,—проблема соотношения классов и классовой борьбы, является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке».

То обстоятельство, что положение отдельной капиталистической страны в мировом хозяйстве оказывает серьезное влияние на ход ее внутренней жизни, в том числе и классовой борьбы, совершенно бесспорно. Когда мы имеем однако заявление о том, что «проблема всех проблем» «в величайшей степени» связана с положением страны на мировом рынке—совершенно ясно, что здесь имеется в виду отнюдь не это само по себе бесспорное и невызывающее сомнений положение. В этом нас убеждает так-

¹ Стенограф VI Конгресса, вып. I, стр. 599.

же весь контекст, из которого взята процитированная нами фраза. Как читатель помнит, в этом контексте речь идет в основном насчет «переползания» наиболее кричащих противоречий капитализма в область мирового рынка, мирового поля брани.

То разрешение вопроса о взаимоотношении между внутренними и внешними противоречиями современного капитализма, которое дает т. Бухарин, заключается, в сущности говоря, в том, что внутренние противоречия сводятся им к роли пассивных и бездеятельных функций противоречий внешних. С таким разрешением этой сложной и чрезвычайно важной проблемы никак нельзя согласиться. Уже на конгрессе Коминтерна многие товарищи указывали, что такая постановка вопроса при последовательном ее проведении должна неминуемо вести к заключению, что новая революционная ситуация может возникнуть лишь в результате новой войны, что без войны нечего ожидать и революционного подъема. Против этого вывода т. Бухарин счел необходимым, разумеется, энергично протестовать. Он формулировал свою точку зрения таким образом:

«Я спрашиваю прежде всего, возможна ли революционная ситуация без войны. Это—вопрос вполне законный. Ответ: разумеется возможна. Было бы нелепо утверждать, что непосредственно революционная ситуация может создаваться только в связи с войной... Но степень вероятности революции—поскольку мы говорим вообще—в том и в другом случае неодинакова. Я бы сформулировал это так: непосредственно революционные ситуации, скажем в Европе, возможны и пожалуй даже вероятны и без войны... Но при наличии войны они абсолютно неизбежны».

Не вдаваясь в подробный разбор, насколько удачно здесь применены понятия возможности, вероятности и неизбежности, вернемся к вопросу о соотношении между внутренними и внешними противоречиями капитализма... Мы полагаем, что эта проблема разрешается т. Бухариным чрезвычайно односторонне. Как мы видели, он склонен попросту свести внутренние противоречия к функциям внешним. В такой постановке вопроса внутренние противоречия целиком и полностью («в величайшей степени», употребляя выражение т. Бухарина) обуславливаются противоречиями внешними. Самостоятельная роль и значение внутренних противоречий затушевываются до последней степени.

Слабая сторона подобного одностороннего разрешения вопроса заключается прежде всего в том, что совершенно непонятным

становится происхождение внешних противоречий. В самом деле, если внутренние раны капиталистических стран представляют собою не что иное, как пассивное следствие их положения на мировом рынке, то чем вызываются в таком случае противоречия между отдельными странами на этом самом рынке? Всем известно, что именно зияющие внутренние раны, вопиющие внутренние противоречия, неразрешимые внутренние антагонизмы толкают капиталистические господствующие группы на всякие внешние авантюры, на внешнюю борьбу.

Между теми и другими противоречиями современного капитализма существует взаимозависимость и взаимообусловленность, о которой нельзя забывать, которую не следует ни с какой стороны затушевывать. Если положение данной страны на мировом рынке «в величайшей степени» кладет отпечаток на ход классовой борьбы внутри страны, то не следует забывать и обратной стороны медали, которая заключается в том, что ход и перипетии классовой борьбы внутри страны, равно как внутрихозяйственные процессы вообще оказывают огромное влияние на положение данной страны в мировой системе капитализма. Мы бы напомнили в данной связи слова Гегеля, который говорит: «То, что внутренне, налично также внешне, и наоборот»¹. Проблема разрешается не механическим сведением внутреннего к внешнему, а лишь нахождением высшего единства обоих моментов. С этой целью необходимо прежде всего осветить вопрос об анархии и монополии. Совершенно очевидно, что эта проблема является центральной при анализе внутренних противоречий современного капитализма. Мы полагаем, что именно неумение удовлетворительно разрешить эту проблему приводит т. Бухарина к неправильному освещению вопроса о внутренних и внешних противоречиях современной мировой экономики.

4.

Когда речь идет о ревизионистской теории организованного капитализма, коренным вопросом является проблема анархии и организации. Продолжая традиции довоенного ревизионизма, современные теоретики организованного капитализма выставляют тезис о «замене капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства», о «преодолении анархии», о «преодолении слепых за-

¹ Гегель, Энциклопедия, ч. 1, М. 1929 г., стр. 232.

конов рынка». Эта идея, унаследованная еще от довоенного ревизионизма, составляет краеугольный камень всей реформистской теории организованного капитализма.

Еще в довоенный период Ленин, возражая ревизионистам, писал:

«Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства»¹.

Уже в этой краткой и чеканной фразе дана классическая диалектическая постановка вопроса об анархии и организации в отличие от вульгарно-механического подхода тогдашних и современных ревизионистов. Во всех своих последующих произведениях, посвященных анализу империалистической экономики и, в частности, госкапитализма эпохи мировой войны, Ленин дает множество блестящих образцов своего диалектического метода. В рамках данной статьи мы не можем привести и малой доли относящихся сюда ясных и недвусмысленных высказываний Ленина, имеющих актуальнейший интерес в связи с выплывшим в настоящее время вопросом об отношении к реформистской теории организованного капитализма. Ограничимся лишь несколькими примерами.

В своем исследовании об империализме Ленин с первых же страниц подчеркивает всячески и всемерно те отличия империалистической экономики, которые дают основание раценивать империализм в качестве последнего этапа капитализма, непосредственно подготовляющего революционный переход к социализму. Но так как речь идет у Ленина именно о революционном переходе, а не о реформистском «врастании», то Ленин постоянно подчеркивает глубочайшую противоречивость, характеризующую империалистическую эпоху. Ленин пишет:

«Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Производство становится общественным, но присвоение остается частным, общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих

¹ Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 57. Рязрядка наша.—А. Л.

монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»¹.

Таким образом, по совершенно ясному заявлению Ленина, 'даже та подготовка социализма, которая протекает в империалистическую эпоху, носит глубоко-противоречивый характер. Основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частным присвоением остается в силе и при империализме. Остаются общие рамки рыночной конкуренции, и это еще более подчеркивает гнет монополистических воротил. Как эта картина не похожа на гильфердинговскую идиллию замены капиталистической анархии социалистическим принципом планомерной организации производства!

Характеризуя эволюцию роли биржи в современном капитализме, Ленин заявляет:

«Смена старого капитализма с господством свободной конкуренции новым капитализмом с господством монополии выражается между прочим в падении значения биржи»².

Однако глубочайшую ошибку сделал бы тот, кто поспешил бы истолковать это заявление в том смысле, что «господство монополии» означает в данном случае господство организации, заменяющей прежнюю хаотичность, создававшуюся свободной конкуренцией. Уже на следующей странице мы встречаем чрезвычайно определенную формулировку той же мысли, не оставляющую места ни для каких кривотолков. Вот эта формулировка:

«Другими словами, старый капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый капитализм, носящий на себе черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией»³.

Здесь таким образом совершенно ясно говорится о том, что для империализма характерна как раз какая-то смесь свободной конкуренции с монополией. В другом месте, в своих замечаниях по вопросу о пересмотре партийной программы, написанных в апреле 1917 г., Ленин выражается еще резче и определеннее:

«Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии,

¹ Ленин, т. XIII, стр. 253—254. Разрядка наша.—А. Л.

² Там же, стр. 264.

³ Там же, стр. 265. Разрядка наша.—А. Л.

а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами—вот существенная особенность империализма вообще»¹.

Может невольно показаться, что эта фраза написана в 1929 г., в ответ на статью т. Бухарина. Трудно поверить, что это писалось 12 лет тому назад, до того злободневны эти мысли Ленина сейчас. В самом деле, т. Бухарин утверждает, что проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации. Ленин как бы в прямой ответ ему говорит: «Это неверно, не чистые монополии характерны для империализма вообще, а монополия рядом с конкуренцией, рынком, кризисами».

Здесь следует подчеркнуть еще чрезвычайно важное обстоятельство. Империализм, подчеркивает Ленин, есть отживающий, умирающий капитализм, но не отживший, не умерший. Именно отсюда следует вывод о невозможности ликвидации рынка, кризисов, обмена, конкуренции. Таким образом Ленин с чрезвычайной отчетливостью заявляет, что пока капитализм не умер, пока он окончательно не отжил, категории рынка, конкуренции, обмена сохраняются рядом с монополией; пока капитализм не умер, эти категории не могут исчезнуть, не могут быть преодолены. И это, подчеркивает Ленин, характерно не для какого-либо отдельного момента в развитии империализма, а для империализма вообще.

Приведем еще несколько замечаний Ленина по тому же вопросу о монополии и конкуренции.

«Монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с нею, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов», писал Ленин в своем «Империализме»².

«Именно это соединение противоречащих друг другу «начал»,—конкуренции и монополии—и существенно для империализма», писал Ленин в 1917 г.³

«Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом»⁴.

Как это не похоже на постановку вопроса у т. Бухарина! В одной из своих статей т. Бухарин замечает, «что монополия и

¹ Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 120—121. Разрядка наша.—А. Л.

² Ленин, т. XIII, стр. 305.

³ Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 121.

⁴ Ленин, т. XIII, стр. 256.

конкуренция сосуществуют, это верно». Однако это сосуществование он представляет себе совершенно механически: монополия заполняет собою пространство внутри страны, конкуренция остается существовать в отношениях междугосударственных.

Иначе подходил к этому вопросу великий диалектик Ленин. «Уничтожение» свободной конкуренции монополией он понимал диалектически, как переход на высшую ступень, который включает в себя и момент «сохранения» оставшейся позади низшей ступени сохранения в «снятом» виде. Поэтому он говорит о «соединении противоречащих друг другу начал—конкуренции и монополии». Более того—это соединение он объявляет «существенным для империализма». Именно поэтому Ленин замечает, что монополии, не устраняя конкуренции, существуют «над ней и рядом с ней». Совершенно ясно, что Ленин имел здесь в виду вовсе не пространственное сосуществование, а взаимопроникающее соединение этих двух противоречивых начал. Не о механическом сосуществовании масла и воды идет речь у Ленина, а о диалектическом противоречии. Именно это противоречие существенно для развития монополистического капитализма. Но само развитие империализма, выражаясь словами Маркса, не устраняет этого противоречия, а создает форму для его движения, ибо «таков вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия» («Капитал», т. I, стр. 57). Выражаясь в терминах марксистско-ленинской диалектики, можно было бы сказать, что если в домонополистическую эпоху категории конкуренции и монополии являются противоположными, то противоречивыми они становятся именно в период монополистического капитализма.

Ни малейшей критики не выдерживают попытки правых оппортунистов, проповедующих в настоящее время ревизионистские взгляды насчет организованного капитализма, опереться при этом на программу Коммунистического Интернационала. В программе Коминтерна по вопросу о монополиях и конкуренции дана ленинская формулировка: «В то же время капиталистические монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, тем самым порождая ряд особенно острых и крупных противоречий, трений и конфликтов». Совершенно ясно, что здесь дана диалектическая постановка вопроса о взаимоотношениях между монополией и конкуренцией в отличие от вульгарно-механистического толкования т. Бухарина.

В данной связи чрезвычайно целесообразно напомнить, как ставился вопрос о монополии и конкуренции Марксом. Еще до

написания «Капитала» в своей полемике против Прудона Маркс дал классический образец диалектической постановки этой проблемы. В своем письме к Анненкову, посвященном, как известно, критике экономической теории Прудона и представляющем собою до известной степени конспективный набросок ряда идей, которые были через некоторое время подробнее развиты в «Нищете философии», Маркс следующим образом освещает вопрос о монополии и конкуренции:

«В современной экономической жизни вы находите не только конкуренцию и монополию, но и их синтез, который представляет собою не формулу, а движение. Монополия порождает конкуренцию, конкуренция порождает монополию. Однако это не только не устраняет трудности современного положения, как воображают буржуазные экономисты, но создает положение более трудное и более запутанное. Так, изменяя базис, на котором строятся современные экономические отношения, уничтожая современный способ производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез, движение, которое действительно уравнивает конкуренцию и монополию»¹.

В тексте «Нищеты философии» это положение сформулировано отчасти теми же словами, но, пожалуй, еще ярче:

«В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собою, конкурирующие становятся монополистами. ...Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу...»².

Мы видим таким образом, что при разрешении вопроса о монополии и конкуренции в эпоху империализма Ленин целиком и полностью применяет тот же метод, которым Маркс пользовался применительно к анализу капитализма вообще. Ленин в сущности применяет к изменившимся условиям империалистической эпохи ту же постановку вопроса, которую Маркс дал еще в 1847 г. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию—этот образец диа-

¹ К. Маркс, Нищета философии, М. 1929 г., стр. 177.

² Там же, стр. 144.

лектической постановки вопроса Ленин вслед за Марксом применяет в полемике против тех, кто не способен за внешней «организованностью» увидеть растущую хаотичность. Ленин, как и Маркс, интересуется не формулой, а движением. Безжизненная формула всегда носит книжный, надуманный характер; понять процесс можно лишь в его движении. Наконец синтез, создающийся в процессе движения, состоит в том, что монополия существует лишь постольку, поскольку она ведет постоянную конкурентную борьбу. Это последнее положение представляет собою блестящий образец диалектического мышления.

В самом деле. Вульгарный механист ставит вопрос по всем правилам формальной логики: либо конкуренция, либо монополия, растет монополия—значит ослабевает конкуренция. Эклектик пытается беспринципно примирить оба начала. Диалектик находит синтез в том, что сама монополия, возникая из конкуренции, ведет к дальнейшему обострению последней. Там, где совершенно нет конкуренции, нет пожалуй и монополии. Такое положение немыслимо, пока капитализм не умер, не отжил окончательно. Когда же капитализм окончательно исчезнет с лица земли, то исчезнет не только конкуренция, но и монополия.

5.

В своих прежних теоретических работах и выступлениях т. Бухарин не раз обнаруживал подход к этой проблеме, значительно отличающийся от ленинского. В дискуссиях эпохи империалистической войны и позднее, при обсуждении партийной программы, эта же проблема стояла в виде вопроса о так называемом «чистом империализме». Совершенно очевидно, что в дискуссиях по национальному вопросу, в дискуссии с «левыми коммунистами» в 1918 г. и далее при обсуждении партийной программы в 1919 г. идеи «чистого империализма» играли роль теоретической основы для целой системы взглядов, которую группа товарищей во главе с т. Бухариным противопоставляла партийной политике, направляемой Лениным.

Идеи «чистого империализма» носили на себе печать той же механистической односторонности, того же неумения пользоваться диалектическим методом. «Левые» теоретики односторонне преувеличивали значение тех элементов организованности, которые несет с собой империалистическое перерождение капитализма; они закрывали глаза на все те многочисленные «остатки» прежней эпохи свободной конкуренции, которые в тысяче случаев продол-

жают существовать и играть чрезвычайно важную роль и в новую эпоху. В своих выступлениях против теории «чистого империализма» Ленин ставил вопрос с большой теоретической четкостью и резкостью.

Оставляя в стороне дискуссию по национальному вопросу эпохи мировой войны—ее анализ потребовал бы слишком много места,—мы хотим лишь напомнить суть споров по вопросу о чистом империализме при выработке проекта новой партийной программы. Когда после Февральской революции встал вопрос о пересмотре партийной программы 1903 г., было абсолютно ясно, что основным нововведением должен явиться анализ империалистической эпохи, вызванных ею войн и следующих за войной пролетарских революций. Мнения расходились однако в вопросе о том, каким образом осуществить это кардинальнейшее дополнение. Часть товарищей (главным образом москвичей) с самого начала стояла на той точке зрения, что при переделке партийной программы необходимо целиком переработать общую характеристику капитализма; в старой программе был дан анализ домонополистической экономики, а в настоящее время необходим анализ империалистической экономики—на этом соображении базировались подобные предложения. Чрезвычайно интересны те возражения, которые были сделаны Лениным против этой точки зрения.

Еще в первой брошюре, посвященной пересмотру партийной программы (сборник статей разных авторов) и выпущенной в мае 1917 г., Ленин по этому поводу замечает:

«Переработка всей общей части программы, по моему мнению, не вызывается необходимостью. План такой переработки, намечаемый секцией (т. е. сторонниками этой переработки.—А. Л.), мне кажется теоретически неправильным»¹.

И в чрезвычайно сжатой форме Ленин дает здесь основные аргументы против своеобразной теории чистого империализма, лежавшей в основе предложения московских товарищей.

«В теперешней своей редакции,—писал Ленин,—общая часть программы содержит описание и анализ главнейших и наиболее существенных особенностей капитализма, как общественно-экономического строя. Эти особенности не изменены в корне империализмом, эпохой финансового капитала. Империализм является продолжением развития капитализма, его высшей стадией, переходной—в известном смысле—к социализму. Добавление к анализу основных особенностей капита-

¹ Ленин, т. XVI, ч. 1, стр. 20.

лизма, вообще анализа империализма, я не могу поэтому признать «механическим». Империализм на самом деле не пере-страивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может»¹.

Здесь таким образом повторяются те же мысли, которые мы уже встречали выше. Империализм не может устранить обмена, рынка, кризисов, конкуренции—подчеркивает Ленин в прямой противовес нынешним высказываниям т. Бухарина насчет «переползания» всех этих «категорий» в область мирохозяйственных отношений организованных внутри себя капиталистических «стран». Империализм отнюдь не приводит к смене внутренних противоречий капитализма внешними, наоборот, он обостряет и усложняет все противоречия капиталистического строя.

По совершенно ясному заявлению Ленина, основные особенности капитализма, как общественно-экономического строя, не изменяются в корне империализмом. Именно поэтому естественно, что анализ империализма добавляется к анализу основных особенностей капитализма. Ничего механического в таком добавлении нет. Об этом следует напомнить тем экономистам, которые еще не так давно протестовали против того, что в общепринятых программах политической экономии анализ империализма добавляется к анализу основных особенностей капитализма вообще. Эти экономисты предлагали построить курс таким образом, чтобы все проблемы с начала до конца освещали не капитализм вообще, а именно современный империалистический строй. Совершенно ясно, что в основе подобных предложений лежат отрывки теории чистого империализма.

Как бы специально применительно к этому вопросу Ленин в своих замечаниях далее указывает:

«Программа восходит—и должна восходить—от простейших проявлений капитализма к более сложным и «высшим», от обмена к товарному производству, к вытеснению мелких предприятий крупными, к кризисам и т. д., вплоть до империализма, как вырастающей и выросшей только теперь в передовых странах наиболее высокой стадии. Именно так обстоит дело в жизни. Начать сопоставление рядом «обмена» вообще

¹ Ленин, т. XVI, ч. 1, стр. 120—121. Разрядка Ленина.

и экспорта капитала—неправильно исторически, неправильно теоретически».

Осенью 1917 г., когда сторонники полной переделки общей части программы представили проект, разработанный т. Сокольниковым, Ленин подверг этот проект чрезвычайно тщательному критическому разбору в своей брошюре «К пересмотру партийной программы», написанной в сентябре. Ленин находит проект т. Сокольникова неудовлетворительным. Он критикует т. Сокольникова за то, что тот вставляет «кусочки определения империализма...» «явно не к месту», когда вслед за характеристикой обмена вообще он пытается завести речь о переходе от вывоза товаров к вывозу капиталов в эпоху империализма.

«Получается сразу нелогичность,—говорит Ленин по этому поводу,—смещение тем...»¹.

Ибо если начинать с характеристики империализма в целом—тогда нельзя вырывать один лишь вывоз капиталов и рассматривать его изолированно. Беда однако в том, что невозможно характеризовать империализм в целом, не давая предварительно анализа основных особенностей капиталистического строя вообще.

В своем докладе о партийной программе на VIII съезде партии в 1919 г. Ленин, говоря о своих разногласиях с т. Бухариным, указывал:

«Чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, никогда не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ним нет».

Таким образом суть спора о «чистом империализме» заключалась в вопросе о судьбе «основ старого капитализма», в эпоху финансового капитализма. А разве не ясно, что и капиталистическая анархия производства, общая неорганизованность хозяйства, кризисы и конкуренция,—что все эти явления как раз принадлежат к «основам старого капитализма», которые, по мнению Ленина, продолжают существовать и в эпоху империализма, в то время как по мнению его тогдашних оппонентов они безвозвратно исчезают в эпоху монополистического капитализма? Читатель видит, до чего злободневны эти старые полузабытые страницы идейной борьбы

¹ Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 150 и след.

в нашей партии как раз теперь, когда мы имеем попытки капитуляции перед идеологией организованного капитализма.

В той же своей речи Ленин далее говорил:

«Конкретность Бухарина—это книжное изложение финансового капитализма... Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Описать такую систему—это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную. Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом... Стоять на той точке зрения, что будто бы есть цельный империализм без старого капитализма—это значит принять желаемое за действительность»¹.

И Ленин продолжал:

«Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе. Империализм есть надстройка над капитализмом... Есть старый капитализм, который в целом ряде областей дорос до империализма»².

Идеология большевизма выковывалась в борьбе с оппортунизмом на два фронта, в борьбе как с открытым соглашательством скатывающихся к реформизму правых элементов рабочего движения, так и с оппортунизмом, прикрываемым «левой» фразой. Это положение целиком справедливо и по отношению к важнейшей составной части ленинизма, по отношению к ленинской теории империализма. Однако как раз в этой области позиции правых и «левых» противников ленинизма обнаруживают гораздо более разительное сходство, чем в ряде других областей. И те и другие противники ленинизма отличаются чисто механистическим подходом к проблеме империализма. И те и другие недооценивали заложенные в империалистической системе внутренние противоречия. И те и другие были склонны переоценивать элементы организованности, гармоничности, рациональности. Субъективные вы-

¹ Ленин, т. XVI, стр. 114. Разрядка наша.—А. Л.

² Там же, стр. 115.

воды сторонников реформизма, с одной стороны, и «левых» критиков Ленина, с другой—отличались друг от друга, как небо от земли. Но объективный вред теоретических ошибок и тех и других уже в период войны был чрезвычайно схож...

Следует впрочем отметить, что среди реформистских идеологов, в период войны можно было различать два направления в оценке империалистической экономики. Свой одинаковый немарксистский подход к анализу финансового капитализма представители обоих направлений маскировали различными словесными покровами. Одни из них (прежние ревизионисты, в первую очередь: Шиппель, Э. Фишер, Калисский и вся группа «Социалистических ежесемечников», далее ренегаты марксизма вроде Парвуса и Ленча), некоторые с.-д. центристы (как Густав Экштейн) превозносили до небес ту «организацию» и «рационализацию хозяйственной жизни», которую несет с собой господство монополистического капитализма, в особенности в его государственно-монополистической форме. Другие (прежде всего центристы типа Каутского) были не прочь проливать крокодиловы слезы по поводу ухода в прошлое эры свободной конкуренции, были склонны подчас к послеобеденным мечтам насчет возвращения этой прекрасной эпохи.

В своей работе об империализме Ленин писал:

«Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли идти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистских странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозиции, а, напротив, слился с ней практически»¹.

И далее Ленин подчеркивает:

«Каутский порвал с марксизмом, защищая для эпохи финансового капитала «реакционный идеал», «мирную демокра-

¹ Ленин, т. XIII, стр. 323.

тию», «простой вес экономических факторов»,—ибо этот идеал объективно тащит назад, от монополистического капитализма к немонаполистическому, является реформистским обманом»¹.

Но одновременно с этим Каутского роднит с ревизионистами, видящими в монополистическом капитализме мирное вращение в социализм, общая почва: затушевывание внутренне присущих империалистической системе противоречий. Эту сторону дела Ленин формулирует следующим образом:

«Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами—с одной стороны, и некартелированной промышленностью—с другой, и т. д.»².

Но ведь как раз забвением этих противоречий отличались и «левые» критики Ленина в вопросах теории империализма. Ведь и пресловутая теория чистого империализма вела к затушевыванию противоречия между империалистической «надстройкой» (употребляя выражение Ленина) и той основой, которая осталась от старого капитализма. Поэтому понятна та чрезвычайно суровая характеристика, которую дал Ленин своим «левым» оппонентам в недавно опубликованной статье «О рождающемся направлении империалистического экономизма», написанной в 1916 г. и направленной против т. Бухарина и его единомышленников. Вот как Ленин характеризовал позицию своих противников в вопросе об империализме:

«Отсюда упорное свойство «сбиваться» с признания империализма на апологию империализма (как «экономику» блаженной памяти сбивались с признания капитализма на апологию капитализма)»³.

Несмотря на свои «левые» устремления, сторонники зарождавшейся тогда теории чистого империализма скатывались к апологии империализма. В этом отношении они приближались к противникам

¹ Ленин, т. XIII, стр. 325.

² Там же, стр. 328. Разрядка наша—А. Л.

³ См. «Большевик» № 15 за 1920 г., стр. 83. Разрядка Ленина.

ленинизма справа. И тех и других роднил недialeктический подход к империалистической экономике, односторонний анализ финансового капитализма, приводивший к забвению наиболее глубоких противоречий этой системы.

Этот пример лишний раз показывает, насколько условно подчас бывает различие между «левизной» и правизной, когда речь идет об отклонении от правильной революционной линии. Этот же пример показывает, как одни и те же неправильные предпосылки могут служить исходным пунктом для ошибок как «левого», так и правого характера. Наконец с точки зрения диалектической методологии мы имеем здесь образец того, как Ленин боролся против «чрезмерности». В самом деле, подчеркивание глубочайших особенностей империалистической эпохи—один из краеугольных камней ленинизма; однако «чрезмерная» односторонность, приводящая к полному забвению «основы старого капитализма», продолжающей жить и в эту эпоху, означает переход от признания империализма к апологии последнего.

Весьма существенные отзвуки своеобразной теории чистого империализма мы находим в последующих работах т. Бухарина и прежде всего—в «Экономике переходного периода», появившейся в 1920 г. Наряду с блестящими страницами, остающимися прекрасным свидетельством исключительного теоретического таланта ее автора, в этой работе встречается ряд положений, показывающих что глубокие критические замечания Ленина по вопросу о чистом империализме не были усвоены или не были приняты т. Бухариным. На этот счет мы отчасти имеем недвусмысленное свидетельство самого Ленина. В своей «Экономике» т. Бухарин на стр. 10 писал:

«Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран».

Ленин в своем экземпляре подчеркнул слово «уничтожил» и написал сбоку: «не уничтожил» (см. БСЭ, т. VIII).

Ясно, что это разногласие между т. Бухариным и Лениным является непосредственным продолжением прежних споров о чистом империализме. Если рассматривать тенденции хозяйственного развития эпохи империализма абстрактно-односторонне, если отрывать империалистическую экономику от базы «старого капитализма», то легко притти к выводу: «об уничтожении анархии финансовым капиталом. Ленин однако замечает: не уничтожил. Он здесь еще раз подчеркивает недопустимость одностороннего преувеличения одной из тенденций при забвении противоположных сил и факторов. Он еще раз обращает внимание на глубокое

внутреннее противоречие экономики империализма, которое заключается в постоянной борьбе между анархией и организацией.

К сожалению, до сих пор опубликована лишь незначительная часть замечаний Ленина по поводу «Экономики переходного периода», которые должны представлять повидимому совершенно исключительный теоретический интерес. Ряд положений, изложенных в «Экономике», совершенно явно отступает от ленинской точки зрения.

«Капиталистическое народное хозяйство,—писал там т. Бухарин,—превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессубъектного хозяйства в хозяйствующий субъект. Это превращение дано ростом финансового капитализма и спайкой между экономической и политической организацией буржуазии» (стр. 14).

Итак, прежняя иррациональная бессубъектная система капиталистического народного хозяйства сменяется рациональной организацией. Исчезают ли однако бесследно такие вещи, как анархия и конкуренция?

«Эти явления,—отвечает т. Бухарин,—не только остались, но и углубились» (там же). Обрадованный читатель ждет, что за этим последует анализ того «соединения двух противоречивых начал анархии и монополии», о котором говорил Ленин. Однако его ждет серьезное разочарование. Уже тогда т. Бухарин ссылал анархию производства в область мирохозяйственных связей. В самом деле, процитированная нами выше фраза заканчивается словами: «воспроизводясь в рамках мирового хозяйства».

Далее т. Бухарин продолжает:

«Мировая хозяйственная система так же слепа, иррациональна и бессубъектна, как прежняя система народного хозяйства. Товарное хозяйство здесь вовсе не отмирает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением... Организовано распределяемый внутри страны продукт является товаром, поскольку его бытие связано с существованием мирового рынка»¹.

В этой схеме даны определенные зачатки той картины, которую т. Бухарин рисует в своих последних статьях. Наряду с рациональной монополистической организацией остается существовать анархия товарного производства; однако эти два начала представляют собой не движущееся диалектическое противо-

¹ Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 14—15.

речие, а мертвое механическое. Внутри страны—рациональная организация; анархия товарного производства, здесь отмершая, механически перемещается в область мирохозяйственных отношений.

6.

В основе этой своеобразной теории об «уничтожении» анархии производства внутри национальнохозяйственных организмов лежит неправильное представление о том, будто

«меновая связь, выражающая общественное разделение труда.., заменяется техническим разделением труда внутри организованного «народного хозяйства»¹.

Это в корне неправильное представление распространено значительно шире, чем может показаться на первый взгляд. Поэтому совершенно необходимо остановиться на этом вопросе несколько подробнее.

Техническое разделение труда внутри предприятия служит базой для планомерной, сознательной организации производства. Техническое разделение труда объединяет огромные массы наемных рабочих под командой капитала. Напротив, общественное разделение труда между отдельными сознательно управляемыми хозяйственными единицами служит естественной основой для господства стихийных анархических сил рынка. Короче говоря, если техническое разделение труда олицетворяет тенденцию к организации, то общественное разделение труда обуславливает противоположную тенденцию к стихийности, к анархии. Отсюда совершенно ясно, что утверждение о механической замене и вытеснении общественного разделения труда техническим в эпоху империализма по сути дела равносильно утверждению о превращении хозяйственных организмов капиталистических стран в

«организованные народные хозяйства» или в «огромные комбинированные предприятия»².

Поэтому необходимо решительно отвергнуть это чисто механическое представление о тенденциях капиталистического развития, представление, которое заменяет мертвой схемой многоцветную и противоречивую живую действительность.

Мы полагаем, что это положение составляет один из краеугольных камней теории чистого империализма.

Между тем это положение насквозь механистично и явно противоречит прямым указаниям Маркса, повторявшего не раз, что

¹ Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 11.

² Там же, стр. 15.

«чем менее подчинено авторитету разделение труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской» (т. е. техническое разделение труда). В другом месте Маркс писал: «Анархия общественного и деспотия мануфактурного (т. е. технического.—А. Л.) разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства». Маркс исходил таким образом из положения, что развитие капитализма приводит к одновременному гигантскому росту как технического, так и общественного разделения труда, а отнюдь не к механическому вытеснению второго первым.

Совершенно недвусмысленно высказывался по этому вопросу Ленин. Вот что он писал в первой же главе своего «Развития капитализма в России»:

«Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет таким образом к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта,—и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению. При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию. Этот прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма»¹.

Как видим, с методологической точки зрения—это тот же вопрос о применении диалектики к анализу экономического развития. Диалектическое противоречие между общественным и техни-

¹ Ленин, т. III, стр. 13. Разрядка наша.—А. Л.

ческим разделением труда не разрешается путем постепенного механического вытеснения (или «сужения») одного из полюсов противоречия. Напротив, форма движения этого противоречия создается одновременным гигантским усилением обоих его полюсов. Лишь пролетарская революция открывает условия для разрешения этого противоречия, имманентного капиталистическому строю.

7.

Мы лишены возможности разобрать подробнее вопрос о различии в подходе Ленина и Бухарина к разрешению основной теоретической проблемы империализма—проблемы анархии и организации¹. Отметим лишь, что это различие сказывалось и в анализе государственного капитализма военной эпохи. Ленин подчеркивал, что—

«...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»².

Как далек однако Ленин от того, чтобы рассматривать государственно-монополистический капитализм как организованное, сознательно и рационально построенное хозяйство. В той же своей брошюре Ленин говорит:

«Реакционное капиталистическое государство, которое боится подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых... такому государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду реакционной цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, регулирование потребления, в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ...»³

В отличие от захлебывавшихся от восторга ревизионистов, видевших в государственно-монополистическом капитализме прямое вращение в планомерно организованное рационально-управляемое

¹ Интересующихся этим вопросом отсылаем к статье т. Б. Борилина, «Ленин и проблема империализма», помещенной в журн. «Под знаменем марксизма» № 5 за 1925 г.

² Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 209.

³ Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 198. Разрядка наша.—А. Л.

хозяйство, Ленин своим острым взором диалектика видит все стороны процесса. Госкапитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма. Но в то же время госкапитализм сохраняет в себе все противоречия, свойственные капиталистической системе, в том числе и такое противоречие, которое на поверхностный взгляд экономиста, склонного к вулгаризации, как будто исчезает: анархию производства. При госкапитализме капиталистическая анархия проявляется прежде всего в том, что реакционное буржуазное государство стремится ограничить регулирование хозяйственной жизни, охраняя устои капиталистического строя.

Совершенно ясно, что отсюда чрезвычайно далеко до превращения капиталистического народного хозяйства «из иррациональной системы в рациональную организацию», до устранения конкуренции и анархии внутри страны, до «коллективно-капиталистического строя», которое представляет собою «организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов, хозяйство»¹.

Мы видим таким образом, что нынешняя ошибка т. Бухарина в вопросе об организованном капитализме не является случайной. Логически она примыкает к целой серии ошибочных положений, выставлявшихся т. Бухариным в разное время; часть этих положений была отвергнута Лениным, другая часть явно противоречит ленинским высказываниям.

Отдельные теоретические ошибки т. Бухарина, пока они касались вопросов чисто научных и общеметодологических, привлекали к себе быть может меньшее внимание в партийной среде, чем следовало бы. Дело однако существенно меняется, когда на базе этих методологических и общетеоретических погрешностей создается теория, способная сгруппировать вокруг себя оппортунистические элементы во всех партиях Коминтерна. Эта теория приобретает огромное актуально политическое значение. Она способна разоружить коммунистический авангард пролетариата перед лицом его противников и прежде всего перед лицом злейшего врага мировой пролетарской революции—международного реформизма. Поэтому не приходится сомневаться, что как в нашей партии, так и в братских коммунистических партиях всего мира нынешняя оппортунистическая теория т. Бухарина встретит самый решительный отпор.

¹ Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр. 83—84.

